

Министерство образования и науки Российской Федерации
Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова
Научно-исследовательский институт Олонхо

СТРОПТИВЫЙ КУЛУН КУЛЛУСТУУР

Якутск
2014

УДК 398.224(=512.157)
ББК 82.3(2Рос=Як)-6
С86

Сказитель И. Г. Тимофеев-Теплоухов
Запись В. Н. Васильева
Перевод А. А. Попова, И. В. Пухова
Подготовила к печати В. В. Обоюкова

Печатается по изданию:
Строптивный Кулун Куллустуур: якутское олонхо. М.: Наука,
Главная редакция восточной литературы, 1985 (Эпос народов СССР).

Строптивный Кулун Куллустуур : олонхо / [зап. В. Н. Васильева со слов сказителя И. Г. Тимофеева-Теплоухова ; подг. к печати В. В. Обоюкова]. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2014. – 280 с.
ISBN 978-5-7513-2011-9

«Строптивный Кулун Куллустуур» является научной публикацией одного из ярких и самобытных эпических памятников якутского народа. Русский читатель сможет получить представление о содержании и художественно-поэтической системе этого своеобразного жанра якутского фольклора.

УДК 398.224(=512.157)
ББК 82.3(2Рос=Як)-6

ISBN 978-5-7513-2011-9

© Северо-Восточный федеральный университет, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Якутский эпос (олонхо) «Строптивный Кулун Куллустуур» – одно из оригинальных произведений эпического творчества якутов конца XIX-начала XX вв. Его сказывал выходец из семьи потомственных олонхосутов Чурапчинского улуса Якутской области Иннокентий Гурьевич Тимофеев-Теплоухов (1869-1962). А впервые записал олонхо в 1906 г. Виктор Николаевич Васильев, этнограф, командированный в Якутию Музеем антропологии и этнографии при Императорской Академии наук для сбора этнографических материалов. Он родился в семье русских старожилов в с. Амгинское Якутской области, прекрасно говорил на якутском языке.

Иннокентий Гурьевич в своих воспоминаниях, записанных в 1957 г., писал о том, что в одной из поездок в Амгинскую слободу ему довелось встретиться с Виктором Николаевичем, который по рекомендации местных олонхосутов проявил к нему интерес и устроил предварительное прослушивание сказителя, только после этого на следующий день В.Н. Васильев стал работать с олонхосутом. Он записывал олонхо в течение «двенадцати дней без перерыва».

Автор воспоминаний особо отмечает, с какой скрупулезностью и с каким упорством записывал Виктор Николаевич исполнение знаменитого олонхосута. Он писал: «Если я пропускал какие-либо места, то Виктор Николаевич меня останавливал: «Погоди, Иннокентий Гурьевич, тебе надоело, что ли, сказывать? Не так ты раньше сказывал, не пропускай, говори полностью», – и опять начинал записывать». Именно благодаря такому подходу удалось сохранить полноценный текст одного из крупных памятников эпического наследия якутов. Не в этом ли заключается глубоко уважительное отношение нашего земляка, русского по своим генам Виктора Николаевича Васильева к устному творчеству того народа, среди которого он родился и вырос и предки которого почти триста лет совместно, в тесном хозяйственном общении создавали материальные и духовные ценности, титанически преодолевая невероятные трудности жизни в экстремальных условиях Якутии?..

Другой наш «почти земляк» Эдуард Карлович Пекарский (1858-1934), автор «Словаря якутского языка», почетный академик АН СССР, также сделал благородное дело, печатно увековечив в 1916 г. «Строптивный Кулун Куллустуур» на якутском языке в своем издании «Образцы народной литературы якутов» с помощью академической транскрипции на русской основе. Так что олонхо И.Г. Тимофеева-Теплоухова одним из первых было введено в научный оборот и стало доступным для знатоков якутского эпоса.

Однако отсутствие перевода олонхо на русский язык ограничивало круг русскоязычных читателей и исследователей эпосов. Поэтому было признано необходимым устранить эту существенную недоработку в якутском эпосоведении. За решение этой задачи взялся опять же наш земляк Андрей Александрович Попов – выходец из Вилюйского округа, крупнейший знаток якутского языка и фольклора, один из ведущих ученых Ленинградской части Института этнографии АН СССР. Он блестяще справился с задачей, но при его жизни работа не увидела свет.

Благородное дело, начатое А.А. Поповым, решил продолжить известный якутский эпосовед, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР Иннокентий Васильевич Пухов. Он приложил немало усилий, чтобы перевод олонхо на русский язык стал достоянием русскоязычных читателей и, главное, русскоязычных эпосоведов. И «Строптивный Кулун Куллустуур» включили в план академических публикаций института как одну из книг из серии «Эпос народов СССР», выдающегося издания памятников эпического наследия народов Советского Союза. Научный коллектив академического института с мировым именем тогда признал олонхо И.Г. Тимофеева-Теплоухова «одним из ярких и самобытных эпических памятников якутского народа». В 1985 г. в издательстве «Восточная литература» в г. Москве олонхо увидело свет, и русский читатель смог «получить представление о содержании и художественно-поэтической системе этого своеобразного жанра якутского фольклора».

Институт мировой литературы позаботился об обеспечении высокой планки научной публикации одного из памятников якутского эпоса. Прежде всего необходимо было достичь «адекватности художественного звучания эпоса на русском языке в соответствии с принципами», выработанными для единой академической серии «Эпос народов СССР». Эту трудоемкую работу И.В. Пухов выполнил настолько профессионально, что он был признан сопереводачиком А.А. Попова. Во-вторых, в «Образцах народной литературы» Э.К. Пекарского олонхо издано было сплошным текстом, как проза. В соответствии с требованиями к классическому поэтическому произведению сплошной текст олонхо был разбит на стихотворные строки. Эту непростую работу выполнил известный фольклорист Г.У. Эргис. В-третьих, текст олонхо издан на современном якутском алфавите, перевод на который из издания 1916 г. также осуществил Г.У. Эргис. В-четвертых, издание сопровождается примечаниями, объясняющие отдельные непонятные современному читателю слова, идиоматические выражения, исторические, этнографические, географические реалии и т.п. Они подготовлены А.А. Поповым, И.В. Пуховым и Г.Г. Окороковым.

В целом же издание олонхо И.Г. Тимофеева-Теплоухова «Строптивный Кулун Куллустуур» 1985 г. осуществлен на высоком научно-археографическом и полиграфическом уровнях. Это – одна из первых публикаций полного текста якутского олонхо на русском языке, благодаря которой якутский эпос полноценно вошел в мир русского общества и в эпическое пространство народов, образовавших тогда многонациональный Советский Союз.

Настоящая публикация представляет собой перепечатку текста олонхо И.Г. Тимофеева-Теплоухова «Строптивный Кулун Куллустуур» на русском языке из академического издания 1985 г., которое в настоящее время стало библиографической редкостью. Публикация предназначена для русскоязычного читателя. Научно-исследовательский институт Олонхо СВФУ им. М.К. Аммосова считает ознакомление российского общества с памятниками эпического наследия якутского народа одной из важных задач своей деятельности. Ее высокая научная актуальность многократно определяется ситуацией, возникшей в связи с провозглашением в 2005 г. ЮНЕСКО якутского героического эпоса Олонхо Шедевром устного и нематериального наследия человечества. Мы сознаем, что наш героический эпос Олонхо – уникальное творение якутского народа – должно прочно войти в российское культурное пространство и стать органической частью духовного потенциала многонационального народа Российской Федерации.

В.Н. Иванов,
доктор исторических наук, профессор

[ЧАСТЬ ПЕРВАЯ]

- I 1 На далекой вершине давних лет,
На отдаленном хребте минувших лет,
Когда четыре якута еще не родились,
Три якута еще не явились на свет,
Два якута еще не были вскормлены¹,
Народился, говорят, богатырь по имени
Строптивый Кулун Куллустуур,
Владеющий конем
- 10 С кроншнепом-птицей на ушах,
Кукушкой-птицей на загривке,
Сарычем-птицей на лопатках,
Селезнем-птицей на крупе,
Голубем-птицей на бедрах,
Серыми зайчатами на подколенках²,
В Верхней Сибири³ названным:
Огненный Рыжий конь,
Который, резвясь, мотает головой;
В Нижнем мире названным:
Буйный Рыжий конь,
- 20 Который, резвясь, перебирает ногами;
В Среднем же мире названным⁴,
Вихревой Рыжий конь,
Который, резвясь, помахивает хвостом.
Если поглядеть
На величаво-грозное обличье богатыря,
На могучий вид его –
У него такие ладные губы и зубы,
Словно губы и зубы сладили ему,
Раскроив на части
- 30 Лисицу-сиводушку⁵, которая выросла,
Скрываясь вдали, в отдаленном темном лесу,
Что по правую сторону от города Иркутска⁶.
У него такие подвижные
Черненого серебра брови и глаза,
Словно брови и глаза сладили ему,
Распластав на две половины
Черную лисицу, которая выросла,
Скрываясь в отдаленном темном лесу,
Что по левую сторону от города Камчатки⁷.

- 40 Гладкие белые руки [богатыря] –
 Словно лиственница со снятой корой.
 У него огромная спина,
 Словно сколоченная из девяти лесин
 Большая лодка-каюк, поднятая стоймя;
 Широкая выпяченная грудь его –
 Словно сделанная из семи плотно пригнанных лесин,
 Настежь распахнутая
- 50 Дверь юрты богатых людей.
 С высокими бедрами – в три маховые сажени⁸,
 С гибкой талией – в пять маховых саженей,
 С широченными плечами – в шесть маховых саженей,
 С прямой шеей – в четыре маховых сажени;
 Крепко сбитый,
 Быстрый на ноги –
 Он на целую тетиву лука выше других людей,
 На голову выше рослых якутов,
 На целую пядь⁹ выше других богатырей.
- 60 Он – лучший из людей,
 Отменный из якутов¹⁰,
 Наилучший из племени.
 Не знал человек этот,
 Произошел ли он от людей,
 Не ведал он, где корень его.
 Не понимал, говорят, он и того,
 Почему живет здесь,
 Возмужав и раздобрев.
 «Не упал же я, – думает он, – вместе с градом-дождем
- 70 С сизо-голубого неба,
 Что раскинулось
 Над [юртами] жителей трех стран¹¹.
 Если бы вылез я из Нижнего мира,
 Из страны Ютюгэн¹²
 С блекло-печальным солнцем,
 Из обширной ухающей бездны,
 Которая не всколыхнется, если закричать,
 Не вздыбится, если заорать,
 Не прогнется, если надавить, –
- 80 [Если бы вышел я]
 Из обширного логова
 Племен Буор Мангалая-старика,
 Буор Сюргэй Тойона¹³ – царя леших,
 Что пахнут смрадно,
 Бормочут невнятно,
 Чья алчность равна
 Завязкам пристегиваемых наколенников,
 Чья прозорливость равна
 Завязкам шапки¹⁴,
- 90 Которые владеют сумеречно-темными еланями¹⁵,
 Наклонными бродами...¹⁶.

- Если бы я зародился и вырос
 Вместе с травами и деревьями,
 Растущими на срединной матери-земле,
 Чьим ложем служит море туманное,
 Серединой – море бездонное,
 Дном – материковый лед,
 [В Среднем мире], сотворенном из земли,
 Выложенном белой глиной,
 100 Запаянном свинцом,
 Скрепленном железом,
 Переслоенном медью,
 Оплетенном серебром,
 [В Среднем мире], обсыпанном песком,
 Окаймленном серо-черными лесами,
 Отороченном голыми каменными горами,
 Окруженном бездонными морями,
 Покрытом зелеными травами, –
 Тогда бы имел я на середине ступни
 110 [След] черной земли величиною с пятикопеечную монету» –
 Так рассуждал-раздумывал, говорят, этот человек.
 Говорят, человек этот одевался
 В самое плотное из ровдуги¹⁷,
 В самое мягкое из лосиной кожи,
 В самое отборное из соболей;
 Был он, говорят, в рогатой шапке¹⁸,
 Сшитой из приложенных одна к другой шкур с голов
 Девяти лосей-самцов.
 Имел он, говорят, весело гремящий лук
 120 С костяными концами, загнутыми
 Наподобие излучины огромной реки;
 Сделан был [лук] из березы Хатыан-Имиэн-страны,
 Покрыт берестой из Томуон-Имиэн-страны,
 Скреплен крепким слоем лиственницы из Китиэн-Имиэн¹⁹ – страны,
 Склеен [клеем] из пузыря пестрой кюндэли-рыбы;
 Древко [лука] – из плечевых костей ангаат-рыбы²⁰,
 Тетива – из спинных сухожилий кит-рыбы.
 Имел он, говорят, стрелу-сардаана²¹
 С восьмигранным железным наконечником;
 130 С семигранным железным наконечником
 Тингирики-стрела сама выслеживала врага²²;
 Имел он девятигранную,
 Играющую радугой огненной
 Сабельную пальму с черной нечистью²³
 Величиною с подстилку из медвежьей шкуры,
 Имел он грозное копьё, пылающее огнем кровожадности²⁴
 Величиною со средний горшок.
 Имел он девяностопудовую, увесистую
 Железную палицу-булаву²⁵.
 140 [Имел он] пятидесятипудовый, железный,

- Громко ревущий мяч-ядро²⁶ –
Вот какие доспехи и оружие
Были у этого человека.
Человек этот вырос и обосновался
В светло-голубой стране²⁷,
Окружности которой не смогли облететь
Девять вольных белоголовых журавлей²⁸
За целых девять лет;
Жил он в ярко-белой стране,
150 Края которой не смогли облететь
Восемь самой белых журавлей,
Летя над ней целых восемь лет.
Если отсюда окинуть взором
Левую сторону [этой страны] –
Оказывается, вырос и возмужал он, этот человек,
В самой середине сверкающей долины,
Где зимуют счастливые журавли.
Если бросить быстрый взгляд,
160 Взглянуть дальше этой долины,
[Откроется] желто-пятнистая падь с широкой рекой.
Эта река,
Оказывается, проложила себе русло
В незамерзающем море с девятью заливами.
Если, оглянувшись, посмотреть
На восток от моря,
Увидим высокий берег,
Именуемый сверкающим Кылбаарытта-берегом,
Где зимуют счастливые белые журавли.
Если, еще раз оглянувшись, посмотреть
170 Дальше на восток от него –
Стоят, взметнувшись ввысь,
Три ликующих серебряных холма²⁹.
Если посмотреть снизу ввысь,
На южную сторону этой земли-страны –
Стоят громады каменных утесов,
Напоминающие жеребцов-четырёхлеток,
Вставших на дыбы во время схватки.
Если сверху вниз посмотреть
На западную ее сторону –
180 Безмерно широкие елани
Раскинулись, протянулись вдаль,
Словно медных тарелок ряды.
У незамерзающего с девятью заливами моря
Находится тихий рай³⁰
Средней благодатной страны.
Здесь
Гнездятся [серые] журавли,
Зимуют белые журавли,
Соединяются в пары птицы-турухтаны,
190 Спариваются кулики.

Отсюда не улетают селезни,
 Не уходят кроншнепы,
 Не разлетаются бекасы,
 Не разбредаются турпаны;
 Здесь горлицы воркуют не умолкая,
 Кукушки кукуют не переставая,
 Здесь обитает родившийся на земле человек,
 Здесь размножающийся скот не переводится,
 Деревья, сваливаясь, не редуют,
 200 Вода, испаряясь, не убывает;
 Здесь ежедневно восходит почитаемое белое солнце³¹,
 Здесь ежедневно сияет светлая луна.
 Если, присмотревшись и поразмыслив, спросить себя:
 Каково же должно быть изобилие,
 Сколь велико богатство человека,
 Владящего такой прекрасной землей-страной? –
 Короткогривых, со светлой чистой шерстью
 Лошадей его табуны [нужно считать] долинами³²;
 220 Густо размножились они, сплетаясь гривами,
 Многочисленнее звезд на небе,
 Рогатого скота у него
 Куда больше, чем кочек на земле.
 Оказывается, это человек
 Вот с таким богатством,
 С таким изобилием!
 Если, оглянувшись вокруг, задать себе вопрос:
 Каково же должно быть у такого человека
 Просторное обиталище-жилище его? –
 230 С ухабистым пригоном [огромный] двор его
 Вскачь не пересечь разгоряченному коню;
 Открытое [всем] ветрам широкое надворье его
 Не перебежать, потрухивая рысью, необъезженному коню;
 На самой середине надворья стоят
 Три главных столба-коновязи³⁴
 С выпуклой резьбой-украшением;
 Передний столб кончается ястребом, увенчан орлом-ёксёкю³⁵,
 Окрашен львиной кровью,
 На макушке имеет бар-зверя³⁶,
 240 На среднем столбе ворон нарисован,
 На заднем столбе кукушка изображена.
 Огромный двор [его] огорожен изгородью «Кёкэримэ»³⁷,
 Она, словно спустившись с солнца, обегает [двор] вокруг,
 Духи-обитатели ее³⁸ – певчие жаворонки.
 [Двор] обнесен оградой «Быакарыма»,
 Она словно бы сбегает прямо с облаков,
 Дух-обитатель ее – птичка-куличок.
 Во дворе есть навес «Какарыма»³⁹,
 Слово спустившись с неба, он рассекает его,
 Дух-обитатель [навеса] – небесная птичка.

- 250 Весною с людьми
 Громко переговаривается гулкий сарай,
 Осенью с людьми
 Раскатисто пересмеивается широкие сени⁴⁰.
 Оказывается, дверь [его жилища] из цельного серебра.
 [Ее] не приоткрыть
 С вечера полнолуния до седьмого дня
 Второй половины седьмого месяца⁴¹
 И семи отменно сильным богатырям;
- 260 У двери дома, оказывается, такой тяжелый засов,
 Что его не сдвинуть
 С вечера полнолуния до девятого дня
 Второй половины девятого месяца⁴²
 И девяти могучим богатырям;
 Если настезь эту дверь распахнуть,
 Увидишь из толстого дерева порог,
 Похожий на девятиглавого⁴³ громадного
 Черного быка-производителя,
 Что лежит, распухнув, подохший,
 Оттого что наелся ядовитой вех-травы;
- 270 Из твердого дерева [сделан] шестирядный потолок –
 Чтобы не вылезла из Нижнего мира
 Разрушительная сила;
 Из серебра [сделан] трехрядный потолок
 Чтобы не спустились из Верхнего мира
 Многочисленные напасти;
 Четырехрядные стены из дутого серебра –
 Чтобы не разметало их ветрами,
 Дующими с разных сторон.
 Сын почтенных якутов [юрту] имел
- 280 С сорока четырьмя слюдяными окнами;
 Чтобы [юрта] не рассохлась, вбили
 Восемьдесят сучковатых столбов из лиственницы;
 Чтобы не раскачалась, сделали
 Семьдесят подпорок из лиственниц с корнями;
 Чтобы не распаталась, поставили
 Девяносто стоек из крепких лесин.
 У человека этого, оказывается,
 Просторное жилище из дутого серебра
 С семью креплениями, тридцатью стенами.
- 290 [В юрте] лавка с левой стороны
 Похожа на елань с березками,
 Передняя лавка
 Похожа на елань с перелесками,
 Задняя лавка
 Похожа на широкую елань,
 На правой стороне – лавки⁴⁴,
 Похожие на длинные елани;
 [В юрте] – восьмиугольный
 Широкий белый стол.

300 Прямо на самой середине юрты
 Имеется, оказывается,
 Светло-желтый шесток
 Величиною с половину поля-елани,
 Девятигранный чувал-очаг
 Из тесаного камня;
 Есть говорящий, да все с присказками, хотон⁴⁵,
 Говорящий, да все с прибаутками, закуток;
 [Есть здесь] поющая скамейка,
 Широкая лавка [величиною] с глыбу камня,
 310 Деревянные скачущие миски,
 Прыгающая чашка,
 Подпрыгивающий горшочек,
 Прискакивающий, приседая на ходу, чороон⁴⁶,
 Кричащая деревянная ложка,
 Ревущий черпак,
 Сказывающая олонхо табуретка,
 Вскачь подбегающая колода для разрубания мяса,
 Стремглав прибегающий топор,
 Вприпрыжку прискакивающий нож.
 320 Человек этот вырос, оказывается,
 [В таком] просторном, обширном и светлом жилище,
 Что мужчина, стоящий на левой его стороне,
 Кажется величиною с лавсточку,
 Мужчина, стоящий на правой стороне,
 Кажется хростомъ с глухаря,
 Мужчина, стоящий в глубине [юрты],
 Кажется с кукушку,
 Мужчина, стоящий у дверей,
 Кажется с ворона.
 330 Если присмотреться
 И задать себе вопрос:
 Есть ли у него семья, родня? –
 Говорят, нет и не было у него
 Почтенного отца
 Со светлым лицом,
 С черными густыми усами,
 С седеющими висками,
 С зычным голосом.
 Говорят, нет и не было у него
 340 Достопочтенной
 Матери-заступницы
 С белоснежными волосами,
 С телом белым, как у куропатки,
 С грудями пышными,
 Как большие кумысные мехи;
 С пятнистыми от прожилок бедрами,
 Напоминающими туши двух яловых кобылиц,
 Сложенных [вместе], без головы и ног;

- 350 С мощными серебряными пальцами,
Словно десять серых горностаев,
Сложенных вместе голова к голове.
Говорят, нет и не было у него старухи Симэхсин⁴⁷,
Грязной, но спорой в работе,
Пребывающей на левой стороне [юрты]⁴⁸,
Кривой – с красным глазом,
Косой – с глазом-бусинкой,
[Всегда] топчущей развязанные
Волосяные завязки своего натазника⁴⁹.
- 360 Говорят, нет и не было у него
Парня-дровосека⁵⁰,
Пребывающего на правой стороне [юрты],
Большеголового,
Длинношеего,
Широкоплечеого,
Сутулого,
С тонкими голеньями,
С вывернутыми ступнями,
С грубым голосом,
С изнуренным лицом.
- 370 Говорят, нет и не было у него
Младшей сестры, которая бы выросла вместе с ним
И жила бы на задней половине [юрты], –
Самой опрятной из носящих серьги,
Самой красивой из носящих подвески,
Самой изящной из носящих наряды,
Самой стройной из носящих косы,
Со взором сияющим,
На слово приветливой,
С голосом грудным,
- 380 С походкой плавной –
Такой прекрасной!

- II оказывается, этот человек вырос [беспокойным] –
То стремительно вбегал он [в юрту],
То суетливо выбегал из нее.
И стал человек этот
Гневаться и роптать:
«Вот досада! – говорил он, –
[В этой] средней второй райской стране⁵¹,
Где деревья, сваливаясь, не рдеют,
Вода, испаряясь, не убывает,
390 Где ежедневно восходит
Почитаемое белое солнце,
Где еженощно сияет
Светлая луна,
Ни разу не встретился мне уранхаец⁵²,
Ступающий по земле нижними конечностями,

Перехваченный посередине [туловища] поясом,
 Заносчиво задравший голову
 Имеющий сумасбродные помыслы,
 400 Вертлявую голову,
 Послушные, резвые ноги,
 Душу земляную, рассыпающуюся в прах»⁵³.
 [Человек этот] приводит за повод
 Буйного рыжего коня,
 Который, резвясь, перебирает ногами,
 И привязывает его к переднему столбу с бар-зверем,
 Накрывает его потником,
 Подобным своду широкого неба, седлает седлом,
 Подобным скрепам обширного неба,
 410 Туго затягивает ладными подпругами,
 Упирается ногою в стремя,
 Подобное бродячему облаку,
 И, гикнув, вскакивает,
 Ловко взлетает на коня,
 Словно черный глухарь [прянул]
 В гулкое обширное небо;
 [Затем] прямиком скачет
 К незамерзающему морю, куда впадают девять рек.
 Вот, прибыв туда,
 420 С грохотом долбит он девять прорубей для водопоя,
 Громыхая, процеживает воду сачком,
 С шумом пригоняет и поит
 Белых и черных бегунов своих⁵⁴.
 Вот стоит он, прислушиваясь и присматриваясь,
 Вперив взор в ту сторону, откуда восходит,
 Приветливо переливаясь, летнее солнце
 Величиною с горловину большого горшка.
 Когда так стоял и смотрел он,
 В глубине восточного неба
 430 Полоской узкой, как лезвие пальмы,
 Занимался рассвет.
 Рассвет лишь наступал, становясь сизым,
 Словно перья на спине лысухи-утки⁵⁵;
 Небо едва начинало белеть,
 Словно вывернутые крылья,
 Самца-широконожки.
 От нижнего края [восточного] неба
 Взвилось, поднимаясь вверх,
 Черное мглистое облако,
 440 Подобное табачному дыму трубки.
 Быстрее, чем взглянув, моргнешь,
 Скорее, чем слово сказав, вдохнешь,
 Облако это, гремя, поднялось
 На обширное необъятное небо.
 Вслед за этим

Дождь застучал дробный,
 Гром загремел раскатистый,
 И облако то вместе с громом, дождем
 Понеслось прочь.
 450 Как только оно пронеслось,
 Вверх поднялось
 Желтое облако
 Величиною с потник;
 Облако это,
 Тут же скучиваясь,
 Остановилось над головой
 И затем разорвалось посередине.
 И с неба, трепыхаясь, стала спускаться
 Птичка золотая
 460 С красным отблеском.
 Из литого золота гортань у нее,
 Из кованого золота кости предплечья,
 Из витого золота тело,
 Из каленого золота глаза,
 Из листового золота клюв.
 Она падает комочком
 И садится на сугроб возле проруби.
 Тут наш человек подумал:
 «Что за наваждение?
 470 Что за колдовство?»
 Неотрывно смотрит он на птичку.
 А птичка сидит, глядя в упор на него,
 Растопыривает крылья свои,
 Топорщит хвост свой,
 [Чистит] клюв свой,
 Так и сяк вытирает его об лед.
 Вдруг клювик у нее заалел,
 Высунулся язык;
 Человеческим голосом она молвит,
 480 По-якутски говорит:
 «Чып-чап, чып-чап⁵⁶!
 Другой земли – России царь,
 Чужого бранного поля властелин,
 Иной Сибири князь,
 Строптивый Кулун Куллустуур,
 Выросший и живущий
 В средней второй райской стране,
 Где деревья, сваливаясь, не редуют,
 Где вода, испаряясь, не убывает,
 490 Где ежедневно восходит
 Почитаемое белое солнце,
 Где еженощно сияет
 Светлая луна;
 Владеющий конем

С кроншнепом-птицей на ушах,
 Кукушкой-птицей на загривке,
 Сарычем-птицей на лопатках,
 Селезнем-птицей на крупе,
 500 Голубем-птицей на бедрах,
 Серыми зайчатами на подколенках,
 В Нижней Сибири названным:
 Буйный Рыжий конь,
 Который, резвясь, мотает головой;
 В Средней Сибири названным:
 Вихревой Рыжий конь,
 Который, резвясь, помахивает хвостом, –
 510 По-якутски [приветствую тебя]: «Здравствуй!»⁵⁷
 По-тунгусски [приветствую]: «Ничего!»⁵⁸
 Если спросишь:
 «Из рытвин какой страны явилась ты сюда?»⁵⁹
 Если спросишь:
 «Из ухабов какой страны прибыла ты сюда?» –
 Слушай чуткими ушами,
 Похожими на кольца полной луны⁶⁰,
 Слова, которые скажу я;
 520 Смотри,
 Разглядывай меня
 Медными кольцами глаз,
 Схожих с сияющим солнцем.
 [Отправляйся туда], где летнее солнце,
 Сделавшись величиною с горловину большого горшка,
 Восходит, приветливо переливаясь,
 [Прибудешь] ты в Сибирь-страну,
 Проехав [столько времени, сколько отпущено на] полную
 жизнь

Девяти поколений людей;
 Птица крылатая туда прилетает,
 530 [Успев] трижды яйца снести,
 Трижды полинять⁶¹;
 Там мать-земля,
 Вширь раздавшись, беспредельно раскинувшись,
 Прогибается и поднимается вверх,
 Подобно концам тунгусских лыж⁶²;
 Там высокое гулкое небо
 Краями свисает вниз,
 Как вывернутая наружу
 Мороженная шкура светло-рыжего беломордого жеребца;
 540 Там земля и небо, сходясь краями,
 Как днище большого кумысного жбана сири-ихит⁶³,
 Трутся друг о друга
 С резким звуком, подобным
 Скрежету коренных зубов ретивого коня⁶⁴.
 Вот когда приедешь туда, [увидишь]:

- Извиваясь, поднимается ввысь
 Широкий божественный небесный проход⁶⁵,
 Похожий на разрезанное горло черной лошади,
 Запрокинутое вверх.
- 550 Пусти по нему [коня] стремительным бегом вверх.
 [Там] над тремя небесами,
 На особом божественном небе с клочковатыми облаками,
 Похожими на столы-сандалы⁶⁶ пеших людей⁶⁷,
 Живут, владея громадным богатством, огромным состоянием,
 Ставшие царями особой Сибири-страны
 Кюлюм Хотун-старуха
 Со светильником из солнечных лучей
 И Сандаар Тойон-старик⁶⁸
 С фонарем из лунных лучей.
- 560 Народили они одного за другим
 Девять бесшабашных, удалых сыновей,
 Подобных девяти вольным журавлям;
 Народили они одну за другой
 Восемь ослепительно белых дочерей,
 Подобных восьми перелетным белым журавлям.
 Лучшая из тех детей –
 Счастливый плод первого зачатия –
 Шаманка Кюн Толомон Нюргустай
 С волнистой косой в девять маховых сажений,
- 570 С дыханием, как шелковистая волна,
 С овальным белым бубном
 Величиною с небольшое озеро,
 С глянцево-белой, с острыми краями колотушкой⁶⁹
 Величиною с переднюю ногу
 Упитанной восьмитравой кобылицы,
 Отрубленную вместе с восемью ребрами, –
 Лучшая из имеющих
 Золотые шаманские подвески,
 Кисти из канфы⁷⁰ до предплечья,
- 580 Шелковые кисти до колен;
 Наилучшая из ясновидящих,
 Сильнейшая из одетых в шаманскую доху,
 Величайшая из великих шаманок,
 Наипервейшая из женщин,
 Могущественнейшая из богатырок.
 Послана я этой женщиной
 С важным поручением,
 Как ее доверенная вестница, как сваха.
- 590 Если спросишь: «Что она просит передать?» –
 Сказала: ты, мол, предназначенный ей самец,
 Предопределенный Кэргириир Хааном,
 Предуказанный Чынгырыыр Хааном.
 Сказала: ты верный муж,
 Предназначенный ей Орулуур Одун Хааном⁷¹.

- Думая: может, придешь, поговоришь, –
 Она ждала тебя полных три года.
 Но ты не явился и она прислала меня, сказав:
- 600
 «Время обнесения изгородами размножаемого скота отдалилось,
 Время наделения колыбелями рождающихся детей задержалось,
 Еще не разжигались
 Дымокуры, взвывающие к небу голубые струйки-дымы⁷²,
 Пусть [явится] он исполнить
 Прекрасное назначение свое – стать [прародителем] людей,
 Пусть подумает он
 О предопределенной судьбе своей – стать
 [родоначальником] якутов
 Пусть примет он
 Радостный жребий свой – стать предком уранхайцев!»
- 610
 Вот ты и должен через меня передать:
 Поедешь [к ней] или нет?
 «Если в жены не возьмет, – сказала она, –
 То тогда, – говорит, – [я], женщина,
 Никогда не отступавшая
 От предназначений Орулуур Одун Хаана,
 Важно ступая,
 Перебирая пятками,
 Приседая в коленях, сама прибуду туда».
 Если ты не захочешь ее [в жены] взять,
- 620
 То, сказала она, «по надбровьям его ударю,
 Грубость его усмирю,
 Стану ему предназначенной женой» – так сказала.
 Если не исполнишь ты
 Предназначение своего – стать отцом уранхайцев,
 «По темени его ударю,
 Спину его исполосую,
 Вспыльчивость его усмирю, стану женой его, – сказала. –
 Виски его проломлю,
 Зад его исполосую,
- 630
 Затылок его проломлю, а стану ему женой».
 И вот [теперь] ты должен сказать:
 Поедешь к ней или нет?
 Если спросишь: что за вестница приходила? –
 Я – говорливая Кээлээни⁷³,
 Одноглазая Муосааны⁷⁴.
 Надолго прощай, старший брат мой».
 У нашего человека после этого [от гнева]
 Спинные сухожилия стали стягиваться,
 Выгибаясь, как упругое дерево;
- 640
 Ноги у него стало сводить,
 [Гнуть], подобно лучку черкана⁷⁵;
 На мощных серебряных пальцах его,
 Подобных десяти серым горносталям,
 Сложенным вместе голова к голове,

Стала кожа лопаться,
 И светлая, чистая кровь его
 Брызнула дрожащими струйками,
 Похожими на тонкие волоски,
 Вырванные у лошади с мягкой гривой и хвостом;
 650 На обоих висках его волосы встали торчком,
 Словно шесть на подстилке из медвежьей шкуры;
 Из обоих висков его, шипя, разгораясь,
 Синие огни вверх поднялись,
 Похожие на разворошенный костер;
 На самой макушке у него заплясал
 Огонь величиною со средний горшок;
 Из обоих глаз у него с треском посыпались искры,
 Словно из кремнистого огнива;
 660 Когда кровь на спине у него
 Вскипала, бурля, и подступала к горлу,
 Он, харкая, сплевывал алою кровью.
 Приподняв над своей головой
 Острую пальму с черной нечистью
 Величиною с подстилку из медвежьей шкуры,
 Он побежал рысью, топоча ногами,
 [На бегу] гневные слова произнося:
 «Муо, муо⁷⁶! Погляди-ка ты,
 Сколько яда на губах этой девки адъараев⁷⁷
 С уловками, что убегающие облака!
 670 Какова горечь глотки этой девки непотребной...
 С проделками, что пролетающие облака!
 Каков яд гортани дряни этой
 С [ее] мерзкими проделками,
 Тяжести которых не выдержать и земле!
 Неужели такой человек, как я,
 Возьму в жены дрянь, которая,
 На жертвенных холмах заклиная,
 Пожирает мясо жертвенной скотины⁷⁸!
 Ни за что не женюсь я
 680 На мерзкой девке, которая,
 Причитая на заклятых холмах,
 Жует мясо с жертвенного стола,⁷⁹!
 Никогда не женюсь я на девке адъараев
 С ее уловками, что убегающие облака,
 Которая, причитая на священных холмах,
 Где посвящают [в жертву] скотину⁸⁰,
 Поедает мясо посвященной скотины!
 Если бы она, важно ступая,
 Перебирая пятками,
 690 Приседая в коленях,
 Вздумала прийти в эту страну,
 Я рассек бы ее толстую кожу,
 Выпустил бы черную кровь ее,

Сломал бы крепкие кости ее,
 Порубил бы ее здоровое тело;
 Дал бы этой страны жукам
 Величиною с молодого бычка
 Насладиться мясом ее;
 700 Трехгорбому черному ворону гибели
 Дал бы насытиться телом ее;
 Четырехглазой черной собаке⁸¹
 Этой самой страны
 Дал бы с хрустом грызть тело ее,
 Упираясь лапами в ее лицо.
 Пока еще не совершился зловещий грех,
 Пока не возникла злоба-вражда,
 Пусть лучше не приходит,
 Пусть не переносит [на меня]
 710 Гибельную черную нечисть свою;
 Пусть не окутывает меня
 Грязной синей нечистью своей,
 Пусть не заставляет меня
 Выбросить на эту землю ее червей и гадов!⁸²
 Эй, доброжелательница девки адьараев,
 Вестница девки леших,
 Сваха девки адьараев⁸³,
 Мне противно смотреть [на тебя],
 Мочи нет слушать речи твои –
 Разрублю я тебя на две части, рассеку пополам!
 720 Убирайся прочь!» – сказал [человек].

И он так закричал, что отломилась и упала голова кэй тоту⁸⁴. Затем он со свистом ударил острой сабельной пальмой с черной нечистью величиной с подстилку из медвежьей шкуры. От этого удара птичка разлетелась на семь частей, превратившихся в семь дымков от [семи] табачных трубок, которые мгновенно взлетели в высокое гулкое небо.

Наш человек, глядя вверх,
 [Только] глазами их проводил.
 Поднявшись на высокое гулкое небо,
 Соединились эти дымки,
 [Снова] превратились в одну золотую птичку.
 Птичка тут же уселась на желтое облако,
 Похожее на потник,
 И со свистом, напоминающим свист
 730 Гибкого тальникового прута,
 Понеслась в глубину восточного неба.
 И вот тогда разгневанный [Кулун Куллустуур]
 Вскрывает на Буйного Рыжего коня,
 Хватает грозное копьё,
 Пылающее огнем кровожадности
 Величиною со средний горшок,
 Плоской стороной копьё торопит коня,
 Отсекая им [у коня своего]

740 Кусок мяса [величиной] с маленький горшок,
 Отрубая кусок мяса⁸⁵ примерно с котел.
 На всем скаку
 Подъезжает он к юрте своей,
 Привязывает коня
 К передней главной коновязи
 С выпуклой резьбой-украшением,
 С топотом входит в юрту,
 С грохотом придвигает к себе
 Широкую лавку [величиною] с глыбу камня,
 Руковицы с шапкой
 Швыряет к изголовью
 750 И ложится навзничь.
 Он лежал, с шумом харкая алой кровью,
 Когда кровь на спине у него
 Вскипала, бурля, и подступала к горлу.

III И вот однажды [человек] пришел в себя. Оказывается, трое суток он так провел. Тут же вскочил.

«Погляди-ка на эту собачью повадку мою! – говорит он. –
 Ведь становлюсь посмешищем для людей
 Из-за колдовских чар
 Этих адьарайских девок
 С [их] уловками, что убегающие облака,
 С проделками, затмевающими хитрость семи народов,
 760 От сумасбродства их эмэгэтов⁸⁶,
 Снующих повсюду,
 Я и без чар абаасы с ума схожу⁸⁷,
 Я и без водки пьянею!»
 Сказав так, он схватил рукавицы и шапку,
 Сорвал из плотной шкуры завесу⁸⁸,
 Выломал толстые засовы,
 Вышиб тяжелую дверь
 И выскочил наружу.
 Сев на своего коня,
 770 Который имел птиц и зверей,
 Заставил его бежать, быстро перебирая ногами.
 На всем скаку прибывает он
 К незамерзающему морю.

С грохотом долбит он девять прорубей, процеживает [воду] сачком и поит белых и черных бегунов своих. Оказывается, человек он рачительный. Семь дней и семь ночей не возвращался домой – все обихаживал свой белый и черный скот. И вот [однажды], работая так, озирался он, глядя своими серебряными глазами, подобными перевернутым котлам, соображал: сколько же осталось до рассвета?

Узкой, как лезвие пальмы, полоской
 Занимался рассвет.
 Он только наступал, становясь сизым,
 Словно перья на спине лысухи-утки,
 Лишь начал расширяться, светлея,
 Подобно вывернутым крыльям самца-широконожки.

- 780 И вдруг из-за нижнего края неба
 Вылезла черная мгlistая туча,
 Взвиваясь пургой, подобно разбросанным
 Перьям девяти воронов.
 Быстрее, чем человек, взглянув, моргнет,
 Скорее, чем слово сказав, вдохнет,
 Туча эта, гремя, поднялась
 На обширное гулкое небо.
 Белые и черные бегуны, почуяв недоброе
 Во всем этом,
- 790 Стали прятаться среди деревьев и кустов.
 А у нашего человека при виде этой тучи
 Бешенство в крови вскипело,
 Яростный гнев вспыхнул,
 Быстро схватил он доспехи, вооруженье свое
 И стремглав бросился бежать
 Через незамерзающее море, ставшее отцом девяти рек.
 Когда он бежал скачками,
 Пятки его шлепали [с шумом],
 Подобным шуму крыльев тетерева-косача;
- 800 Когда он бежал, руками размахивая,
 Слышалось гудение,
 Как от крыльев утки-нырка.
 Выйдя на сияющий берег,
 Где зимуют счастливые журавли,
 Выпрямился он, словно струна.
 Опершись на пальму свою с черной нечистью
 Величиной с подстилку на медвежьей шкуры,
 Стоит он, повернув ее вниз [острием];
 Держит под мышкой – острием вверх –
- 810 Грозное копьё свое, пылающее огнем кровожадности
 Величиной со средний горшок.
 «Что за напасть!
 Вот навязалась адьарайская девка
 С уловками, что убегающие облака,
 Мерзкая тварь
 С проделками, что пролетающие облака, –
 Сама теперь идет.
 Вот досада!
 Идет она сама – неуловимый оборотень, –
- 820 Затмевающая хитрость девяти племен!» – ворчит он.
 Стоит он, смотрит в упор глазами, мечущими огонь,
 Смотрит, насупившись, глазами, налитыми кровью.
 И тут пошел из того облака валить с грязью смешанный снег:
 Выпал по самые рога молодой коровы,
 Только верхушки высоких лиственниц,
 Остались торчать, как репейник средней вышины.
 После того как выпал снег,
 С нижнего края [тучи]

- 830 Стал спускаться черный крутящийся вихрь
Величиною с урасу⁸⁹ семи зажиточных людей.
Спускаясь так, вихрь переместил снег и дождь
В глубину западного неба.
[Все вокруг] закрутилось,
Словно береста, свернувшаяся [от сильного огня];
Толстые лиственницы начали надламываться посредине,
У затвердевших [от холода] лиственниц
Верхушки стали отламываться,
Начали крошиться вершины пышных лиственниц;
- 840 Стали расщепляться крепкие деревья, словно спинные сухожилия.
[Этот вихрь] у незамерзающего моря, ставшего отцом девяти рек,
Всю тину со дна выворотил,
Весь снеговой покров начисто содрал
И, закрутив все,
Стал перебрасывать к нижней окраине западного неба.
Вместе с вихрем и вьюгой
Туча дальше пронеслась.
А следом за ней, с дождем и снегом,
Вылезла еще мрачнее туча:
Загремели в глубине девятого неба
- 850 Девять раскатистых громов;
Поднявшись на самую верхушку
Гулкого просторного неба,
Соединились они вместе,
Слились в один мощный гром.
Когда превратились они в один гром,
Запыхал большой костер –
Высотой до середины толстой лиственницы,
Засверкали разящие молнии –
До середины ветвистой лиственницы,
- 860 Ударили по мощным стволам,
Поразили могучие деревья;
Стали падать [с небес] крупные льдины-градины
Величиною с голову одотравного теленка.
После этого туча, свисая,
Двинулась в сторону
Нижнего склона западного неба,
Увлекая за собою и громы, и молнии.
Вслед за этим из глубины восьмого неба
Медленно вылезло
- 870 Тяжелое черное облако с дождем и снегом.
Глухо-глухо гром прогремел,
Быстро-дробно дождь застучал,
Стало облако стремительно падать вниз,
Удаляясь к нижнему краю западного неба.
Призванное силой заклинания,
Вылезло затем облако,
На которое садятся шаманы⁹⁰.

В отдалении послышались звуки колотушки,
 Зарокотал бубен,
 880 Забрэнчали подвески,
 Донесся раскатистый голос молодой шаманки –
 С оглушительным шумом прилетела она?
 Смотрит наш человек:
 Показалась верхняя часть
 Женской груди и спины;
 Блистая, появился
 Ослепительно белый ясный лик ее,
 Подобный девяти солнцам, соединившимся в одно;
 [Шаманка эта], оказывается,
 890 Из всех женщин – самая красивая,
 Из всех женщин – самая прекрасная!
 Трижды покружась над тремя
 Ликующими холмами,
 Стала летать шаманка эта
 С солнечной стороны;
 Выпячивая грудь, стала бить
 Глянцево-белой
 С острыми краями колотушкой
 Величиной с переднюю ногу
 900 Упитанной восьмитравой кобылицы,
 Отрубленную вместе с восемью ребрами;
 Стала возбужденно ударять
 В белый овальный бубен свой
 Величиной с небольшое озер;
 Забрэнчали ее золотые подвески,
 Стала заклинать она, позвякивая [подвесками],
 Стала молить, сверкая [ликом]:
 «Айхал! Уруй, айхал! Ойлоот-ойлоот!
 Кюёгэл-нусхал, кюёгэйэ доммун⁹²!
 910 Дух-хозяйка восьмибодной-восьмиокраинной
 Первозданной матери-земли моей⁹³,
 Созданной для прокормления нашего,
 Первородная, приветливая, сердцем жалостливая,
 Благожелательная бабушка моя,
 Госпожа-бабушка Аан Мичик Хотун⁹⁴ –
 Прими же приветствие мое!
 Дух-хозяйка семибодной-семиокраинной
 Матери-земли моей,
 Имеющая бубном узорную чашу⁹⁵,
 920 Разукрашенную шитьем из конского волоса,
 Имеющая колотушкой священную ложку⁹⁶,
 Разукрашенную пучком из конской гривы,
 Бэдэрдээх Бэбиэрэ Хотун⁹⁷,
 Госпожа-бабушка, бабушка моя,
 Прими же мое приветствие!
 Сама я, суставы имея, преклоняю колени,

- Шею имея, кланяюсь вам,
 Перед тремя теньями вашими склоняюсь⁹⁸.
 Не подумайте: «Адъараев девка прибыла»,
 930 Не подумайте: «Леших девка увязалась».
 Пришла я – шаманка солнечных добрых духов.
 Если спросите: «С кем я в родстве,
 Откуда, чьей крови и корня?»,
 [Скажу:] мать моя – Кюлюм Хотун
 Со светильником из солнечных лучей,
 Отец мой – Сандаар Тойон
 С фонарем из лунных лучей;
 Проживают они над тремя небесами,
 На высоком божественном небе
 940 С клочковатыми облаками,
 Похожими на столы-сандалы пеших людей.
 Я – женщина, родившаяся раньше
 Девяти их бесшабашных, удалых сыновей,
 Подобных вольным журавлям;
 Я – женщина, родившаяся первой
 Из восьми их красавиц дочерей,
 Подобных самкам белых журавлей;
 Я – счастливый плод первого зачатия.
 Вот пришла я, шаманка Кюн Толомон Нюргустай
 950 С волнистой косой в девять маховых саженой,
 С дыханием, как шелковистая волна,
 Самая нарядная
 Из владеющих белым овальным бубном
 Величиной с небольшое озеро,
 Наилучшая из обладающих
 Глянцево-белой с острыми краями колотушкой
 Величиной с переднюю ногу
 Упитанной восьмитравой кобылицы,
 Отрубленную вместе с восемью ребрами.
 960 Я прибыла, чтобы выполнить
 Предназначение свое – стать [прародительницей] людей,
 Родоначальницей якутов,
 Исполнить главное предначертание свое – стать предком
 уранхайцев.
 Я пришла госпожой в просторный дом вашего человека,
 Чтобы огромную юрту его наделить главой,
 Берестяную урасу его одарить хозяйкой,
 Рождающихся детей его – колыбелями,
 Умножить дымокуры, взвивающие к небу голубые струйки-дымы,
 Вырастить жеребят больше, чем шишек в лесу,
 970 Растянуть для них веревки о девяти колышках
 с чекушками-застежками⁹⁹.
 Госпожи-бабушки, бабушки мои!
 Не выставляйте острые концы рогов своих,
 Подумав: «Шаманка пришла».

- И в гневе, обернувшись угрюмо мычащими
 Четырехтравными буро-черными быками¹⁰⁰,
 Не выставляйте угрожающе ваши крутые рога,
 В презрительном возмущении решив:
 «Могущественная из ясновидящих пришла!»
 Не становитесь грозно на дыбы,
- 980 Обернувшись темно-гнедым молодым жеребцом
 С девятисаженным волнистым хвостом,
 Семисаженной гривой, буйно разметавшейся,
 С четырьмя круглыми серебряными копытами –
 Каждое с копну, занесенную снегом, –
 С четырехсаженной челкой бурого серебра,
 [С подвижной серебряной головой,
 Словно стоймя поставленный айах-кубок]¹⁰¹,
 С глазами – медными кольцами,
 Подобными днищам медных котлов,
- 990 С пятнисто-рябоватыми ноздрями –
 Словно опрокинутые днища айах-кубков
 С кистями из конской гривы.
 Уруй, айхал, кюёгэйэ доммун!
 Дух-хозяин просторного дома¹⁰²!
 Подумав: «Могущественная из ясновидящих пришла!», –
 Не распатывай восемь толстых серебряных,
 Увешанных перьями столбов¹⁰³.
 Господин-дедушка мой, Аал Уххан Тойон –
 Кырыы Тёбё – Былдыа Бытык¹⁰⁴,
- 1000 Имеющий оплот из девятигранного чувала-камелька,
 Вытесанного из камня,
 Имеющий ложе из крапчатого шестка
 Величиной с половину елани-долины,
 Имеющий кремень искрометный величиною
 С печенку откормленного двухтравного жеребенка,
 С огнивом и трутом
 Величиной с голову лошади-четырёхлетки,
 С растопкой из сухой травы
 Величиной с копну, занесенную снегом,
- 1010 С пылающей плетью,
 Извергающей огонь,
 До середины сухостойной лиственницы,
 С сыном-дымом густым,
 С восемью дочерьми-искрами –
 Господин-дедушка мой,
 Подумав: «Это самая грозная из шаманок пришла»,
 Не размахивая пылающей плетью, извергающей огонь
 До середины сухостойной лиственницы.
 Уруй, айхал, кюёгэйэ доммун!
- 1020 Парни и девушки – духи трав и растений¹⁰⁵,
 Яркими узорами украшающие деревья и травы,
 Распускающие [листья] деревьев и трав,

- Подумав: «Самая опасная шаманка идет»,
 Падая в страхе,
 Не обнажайте корни деревьев и трав,
 Не губите, ударив по селезенке,
 Даже худого жеребенка со свалывшейся шерстью,
 Не губите, ударив по спинному хребту,
 Даже шелудивого теленка!
- 1030 Уруй, айхал! Кюёгэл-нухал,
 Ойлоот-ойлоот!» – [так] сказала она.
 После этого шаманка
 Глянцево-белой с острыми краями колотушкой
 Величиной с переднюю ногу
 Упитанной восьмитравой кобылицы,
 Отрубленную вместе с восемью ребрами,
 Рассекла надвое свое облако,
 С шумом прилетела к [будущему] мужу своему,
 Стойма, плавно спустилась вниз,
- 1040 Встала перед нашим человеком.
 В правой руке держит она
 Глянцево-белую, с острыми краями колотушку
 Величиной с переднюю ногу
 Упитанной восьмитравой кобылицы,
 Отрубленную вместе с восемью ребрами;
 От левой руке держит она
 Овальный белый бубен свой
 Величиною с небольшое озеро;
- 1050 Стоит, одетая в [шаманскую] одежду,
 Звенящую золотыми подвесками,
 С канфовыми кистями до предплечья,
 С шелковыми кистями до колен.
 Оказывается, сережки ее с бренчащими подвесками
 Похожи на раскидистую восьмиствольную березку.
 Засверкал ослепительно белый, ясный лик ее,
 Подобный девяти солнцам, соединившимся в одно.
 И шаманка трижды оглушительно ударила в бубен свой,
 Трижды взмахнула глянцево-белой колотушкой
 Величиной с переднюю ногу
- 1060 Упитанной восьмитравой кобылицы.
 Забренчали подвески бубна ее,
 Ширкунцы ее зазвенели.
 По-хорински распевая¹⁰⁶,
 Трижды [через левое плечо] повернулась-покрутилась, –
 Так, что камлальная одежда¹⁰⁷ вверх поднялась,
 Разом снялась,
 Отлетела [в сторону] и упала кучей,
 Словно копна, занесенная снегом.
 И вот, как только одежда [ее] упала,
- 1070 Шаманка, мотнув головою,
 На самый затылок откинула

- Серебряную шапку с девятью пучками перьев,
 Трижды поклонилась
 И стала говорить такие слова:
 «Нуу, а-а-ы-а-ы-а!
 Здравствуй, богатырь Строптивный Кулун Куллустуур,
 Выросший в тихой райской стране,
 Где деревья, сваливаясь, не редуют,
 Вода, испаряясь, не убывает,
 1080 Где ежедневно восходит почитаемое
 Белое солнце
 Где еженощно сияет
 Светлая луна,
 [Здравствуй, богатырь], выросший в стране,
 Где люди и скот
 [До тебя] еще не размножились,
 Владеющий конем
 С кроншнепом-птицей на ушах,
 Кукушкой-птицей на загривке,
 1090 Сарычем-птицей на лопатках,
 Селезнем-птицей на крупе,
 Серыми зайчатами на подколенках,
 В Верхней Сибири названным:
 Огненный Рыжий конь,
 Который, резвясь, мотает головой;
 В Нижнем мире названным:
 Буйный Рыжий конь,
 Который, резвясь, перебирает ногами;
 В Среднем же мире названным:
 1100 Вихревой Рыжий конь,
 Который, резвясь, помахивает хвостом!
 Другой России царь, иной Сибири князь,
 [Чужого] бранного поля властелин,
 Господин мой,
 Предназначенный мне самец –
 Муж верный мой,
 Предопределенный мне Кэнгириир Хааном,
 Предуказанный мне Чынгырыыр Хааном,
 Предназначенный мне Орулуур Одун Хааном!
 1110 Суставы имея, преклоню колени,
 Шею имея, кланяюсь тебе,
 О-ой, дугар!
 А с чего бы это лицо у тебя такое надменное,
 Отчего глаза у тебя такие колючие,
 Отчего видом и обличем ты такой упрямый?
 Прошу я: попробуй успокоить вздохом гнев свой,
 Попробуй возгласом отвести досаду свою.
 Введи меня в просторный свой дом.
 Согреемся приятной теплотой нашего священного огня,
 1120 Приготовим и вкусим чистую, благодатную пищу,

- Да поспим на нашей скамье, устланной сеном,
 Да, обнявшись, полежим в теплых объятиях...
 Не гневайся!
 Выполним предназначение свое –
 Стать [прародителями] людей,
 Исполним высокое предназначение наше –
 Умножать людей-якутов, дружок!
 Выполним радостное назначение свое –
 Быть предками уранхайцев:
- 1130 Наделим колыбелями рождающихся детей,
 Да огородим размножающийся скот,
 Да умножим дымокуры,
 Взвизывающие к небу голубые струйки-дымы,
 Да растянем веревки о девяти кольцах с чекушками-застежками,
 К ним привяжем рядами жеребят,
 [Которых] больше, чем шишек в лесу,
 Да заставим громко мычать молодых бычков,
 Да заставим звучно ржать молодых жеребцов.
 Не отвергай меня!
- 1140 Я ведь тоже из именитого рода.
 Зовут меня Кюн Толомон Нюргустай
 С волнистой косой в девять маховых сажений,
 С дыханьем, как шелковистая волна,
 Проживаю я над тремя небесами,
 На особом божественном небе
 С клочковатыми облаками,
 Напоминающими столы-сандалы пеших людей.
 Еще неизвестно, сможешь ли ты обратиться меня
- 1150 В чернобурого четырехтравного бычка
 И, нос просверлив, водить за собой;
 Еще нельзя сказать,
 Сможешь ли ты обратиться меня
 В шеститравного темно-саврасого жеребца,
 А затем сесть верхом, веревкой взнуздать,
 Вьючным седлом оседлать,
 Потником из коры покрыть
 И заставить меня биться, как жеребенка!..
 Ой, дружок! Не гневайся, думы оставь дурные,
 Направимся-ка [лучше] к нашему жилью!
- 1160 Аай-баай!» – говорит.
 Когда эта женщина сказала так,
 У нашего человека [от гнева]
 Спинные сухожилия стали стягиваться,
 Выгибаясь, как упругое дерево;
 Ноги у него стало сводить,
 [Гнуть] подобно дучку черкана;
 Из обоих висков его
 Синие огни, шипя, разгораясь, вверх поднялись,
 Похожие на разворошенный костер;

- 1170 На самой макушке у него заплясал
Огонь величиною со средний горшок;
Из обоих глаз у него
С треском посыпались искры,
Как из кремнистого огнива;
Могучие мышцы его стали разрываться,
Стали напрягаться мощные сухожилия,
Порываясь вырваться наружу;
Яростный гнев в нем вспыхнул,
Бешенство в крови вскипело.
- 1180 Прямо держа над собой
Девяностопудовую железную
Палицу свою,
Грузно затопал женщине навстречу,
Стад сыпать крепкими словами:
«Муо, ой, муо-о!
Гляди-ка, друг,
Что болтает эта девка адъараев
С уловками, что убегающие облака;
Погляди-ка, какую горечь изрыгает
- 1190 Эта мерзкая девка ¹⁰⁸
С проделками, что пролетающие облака;
Гляди-ка ты, как бранится и горланит
Эта девка леших
С эмэгэтами снующими, что бешеные облака!
Посмотри-ка, как оскорбляет
[Эта девка адъараев
С волшебствами, что проходящие облака]¹⁰⁹,
Заклиная, на жертвенных холмах,
Где посвящают скотину,
- 1200 Она жует мясо посвященной скотины;
Причитая на заклятых холмах,
Она поедает мясо с жертвенного стола;
Заклиная на холмах, где приносят жертву,
Она пожирает мясо жертвенной скотины!
Пока я в здравом рассудке –
Ни за что не женюсь
На шаманке буйной,
На этой ясновидящей.
Бешенство в крови моей вскипело,
- 1210 Яростный гнев во мне вспыхнул,
Дальновидные мысли мои укоротились,
Обширные помыслы мои сузились¹¹⁰;
Сузилась огромная спина моя, заслоняющая солнце,
Иссякло мое долгое терпение!
Пришло время долбить мне темя твое!
Уж позабавлюсь я!
Найду задний разрез на шубе твоей –
Надвое рассеку спину твою,
Маховыми саженьями промеряю кишки твои.

- 1220 И такому человеку, как я,
 Передать черную нечисть свою
 Явилась ты?!
 И такого человека, как я,
 Покрыть залежавшейся зеленой нечистью своей
 Явилась ты, мерзкая тварь?!
 Толстую кожу твою рассеку,
 Тонкие сухожилья твои разорву,
 Крепкие кости твои сокрошу,
 Тело здоровое твое порублю.
- 1230 Пришло мне время
 Лишить тебя белого солнца,
 Не дам ни слова вымолвить, ни вздохнуть.
 Ой-ой! Буйака-ам¹¹¹»
 Кончил говорить наш человек,
 Бросился ей навстречу
 С шумом, похожим на шум крыльев тетерева-косача,
 И, зычно крикнув, молниеносно ударил он
 Девяностопудовой железной
 Палицей-булавой своей
- 1240 По ослепительно белому ясному лику ее,
 Подобному девяти солнцам,
 Соединившимся в одно.
 [Ударил] чуть повыше ясных,
 Как ласковое солнце, глаз ее.
 От сильного удара палица-булава богатыря
 На мелкие кусочки разлетелась,
 Кремневыми искрами рассыпалась.
 Но [Кюн Толомон Нюргустай] даже не моргнула
 Ласковыми глазами своими,
- 1250 Даже не звякнули с восемью подвесками серьги ее,
 Похожие на островки раскидистых березок,
 Не шелохнулись
 Ни передние, ни задние подвески ожерелья ее ¹¹²;
 Даже не дернулась голова ее,
 Не подогнулись колени.

Наш человек подумал: «Во скольких же местах проломился презренный лоб этой женщины от удара такого человека, как я?» – и посмотрел на нее. Но сколько ни вглядывался, даже красной точки, как после укуса вошки, не увидел. Тогда он напруг все силы свои и изготовился ударить второй раз. Лицо у женщины покраснело, зарделось. Она трижды, как богатырка айбы, громко вскрикнула, трижды, по ходу солнца кружась, сверкнула¹¹³; одежда ее – из самых серебристых соболей, из самых пушистых бобров, из самых лучших рысей, из самых отборных лисиц – слетела прочь и упала сзади высокой снежной копной. И как только одежда ее слетела, заблестал на ней железный панцирь о семи гранях.

- И у женщины этой есть, оказывается,
 Девяностопудовая,
 Увесистая палица-булава.
 И стали они друг друга так молотить,
 1260 Словно кувалдами загромыхали кузнецы.

- И пошли они так бить друг друга,
 Словно молотами застучали кузнецы.
 Так сцепились они –
 Оказались равными по силе,
 Так схватились они – оказались достойными друг друга.
 Еще не успели свариться
 Три горшка мерзлого мяса ¹¹⁴,
 А люди эти
 Раскрошили
- 1270 Девяностопудовые железные
 Палицы свои,
 Разбили их, словно деревянную колотушку старухи-кожемяки,
 И пошвыряли за спины.
 Похватили острые
 Свои пальмы с черной нечистью
 Великоною с подстилку из медвежьей шкуры
 И с зычными криками
 Стали биться, хватать,
 Раздирать друг друга.
- 1280 Три горшка мерзлого мяса не успели еще свариться,
 А они уж затупили пальмы свои
 Так, что остались одни обушки
 Вроде скребка для скобления [шкур] у старика-кожемяки,
 Пошвыряли они пальмы за спины.
 Схватили искрометные грозные копыя свои,
 Пылающие огнем кровожадности
 Великоною со средний горшок,
 И стали колоть-протыкать друг друга.
 Три горшка мерзлого мяса еще не успели свариться,
- 1290 А копыя их изогнулись и вкривь, и вкось,
 Словно ножи у старика-резчика деревянных мисок, –
 И за спины они пошвыряли их,
 Выхватив пятидесятипудовые,
 Громко ревущие мячи-ядра свои,
 Стали с грохотом метать ими
 В черные печени друг друга.
 Три горшка мерзлого мяса
 Еще не успели свариться,
- 1300 А они уже раздробили мячи-ядра свои друг о друга,
 [Стали они] великою с яйцо утки-гоголя,
 Перестали [даже] ощущаться в ладонях, –
 И за спины пошвыряли их.
 Тогда крепко схватили они друг друга за толстые шеи,
 За пояса штанов ухватились
 Своими мощными серебряными пальцами,
 Похожими на десять серых горностаев,
 Сложенных вместе голова к голове.
 Стали гнуть один другого,
 С криками подталкивать друг друга,

- 1310 С воплями бросая друг друга через бедро,
Стали друг друга перекидывать.
Там, где они приподнимали друг друга,
Земля проваливалась, образуя впадины;
Там, где они подталкивали друг друга,
Земля растрескивалась, образуя колдобины;
Там, где скакали они,
Земля оседала, образуя рытвины;
Там, где боролись они,
Земля обваливалась, образуя крутояр;
- 1320 Там, где прыгали борцы,
Земля раздвигалась, образуя ухабины.
Прошли они [в азарте борьбы] по самой середине
Незамерзающего моря, ставшего отцом девяти рек,
Расплескивая [ногами] воду,
И вышло оно из берегов.
На сверкающем берегу,
Где зимуют счастливые белые журавли,
Словно в пепел, все в прах истолкли,
Не оставив ни клочка зеленого дерна
- 1330 Величиною с подседельник резвой лошади.
Темные леса с ровными кронами,
Подобными подрезанным хвостам
Молодых жеребцов,
Начисто вытоптали,
Повалили [деревья] с шумом и грохотом,
Превратив в непролазный бурелом.
Высокий светлый лес,
Подобный чуть срезанной гриве
Быстроходного коня,
- 1340 С шумом и грохотом
На корню истоптав,
Превратили в мелкий сушняк.
В густую пыль
Истолкли каменные горы;
Растоптали земляные горы,
Превратив их в красные пески;
Темная мгла все затянула,
Когда измололи они глинистые горы,
Обвалив их с самых вершин
- 1350 И обрушив вниз серой пылью.
Гневно они вопили,
Зычно кричали,
Туманную бурю накликали;
Постыдными словами перебрасывались,
Непотребными словами переругивались.
От гневных воплей их,
От постыдных речей их
Заволоклось гулкое обширное небо,

- 1360 Побежали бушующие темные вихри
 Величиною с берестяную урасу
 Семи зажиточных людей
 И, захватив щепу и песок,
 Всю развороченную землю, весь мусор,
 Подняли легко, как бересту,
 Свернувшуюся на жарком огне,
 В обширное гулкое небо.
 Когда все поднялось вверх,
 Спустилась такая черная мгла,
 Наступила такая крошечная тьма,
 1370 Поднялся такой густой туман,
 Что не различить было и солнца божьего,
 Не увидеть и месяца божьего.
 Сколько-то дней, сколько-то месяцев – и не счесть,
 Безрассудно буйствуя,
 Упорно сражаясь,
 Люди, из мяса созданные, начали ослабевать,
 Люди, из жира созданные, притомились,
 Люди, из костей созданные, изнемогли.
 Тонкие сухожилия их стали словно бы рваться.
 1380 Были они люди с дыханием – дыхание их прерываться стало;
 Были они люди с легкими – легкие их разбухли.
 Из глубины тела у каждого, вздуваясь пузырьками,
 Выступила белая пена
 С голову доброй быстрой лошади.
 Тяжело дыша, они остановились,
 С грохотом стукнувшись лбами, уперлись друг в друга.
 Женщина резко толкнула
 В грудь нашего человека
 И попятилась назад,
 1390 А он бросился за нею,
 Устрашающе топая ногами,
 Словно разъяренный бык.
 Продолжая пятиться, плавно ступая, женщина стала бранить его:
 «Му-у, ой му-у!
 Несуразное ты чудище с лицом что подошва!
 Норов твой я постигла,
 Повадку твою разгадала!
 Оказывается, ты – варнак ¹¹⁵
 С глупыми выходками,
 Которых не вместить и [в обширном] лесу;
 1400 Оказывается, ты – негодник с дерзкими помыслами
 И необузданными мыслями,
 Которых не утопить и в воде!
 Такой беспутный ты,
 Должно быть, и во сне не видишь,
 И по приметам не угадываешь,
 От кого ты произошел,
 Чьей ты крови, где корень твой!

- И того не ведаешь, от кого уродился ты, безгранично глупый, –
 Настолько же глуп, насколько и толст!
- 1410 Не знаешь ты и родни своей, безмерно бестолковый, –
 Настолько же бестолков, насколько и долговяз!
 Не хочешь ли ты услышать
 О кровных своих родных,
 [Не хочешь ли], чтоб я раскрыла родословную твою?
 Если желаешь узнать, слушай:
 Уродился ты, беспредельный глупец,
 На самой верхушке девятого неба,
 На самой середине восьмого неба,
 На самой середине седьмого неба;
- 1420 Появился-то ты у людей,
 Достойных называться людьми;
 Уродился-то ты у людей знатного рода.
 Если спросишь: «Кто они?» –
 Старший в [твоем] роду –
 Юрюнг Айыы Тойон,
 Ставший господином девятого неба,
 Царем восьмого неба,
 Князем седьмого неба;
 Его гонцы – дождь с градом,
 Вестники – девять разящих громов,
- 1430 Спутники – восемь грохочущих громов,
 Войско – семь гремящих громов;
 [Он тот], кого благословляют, угощая из разукрашенного
 айах-кубка,
 Кого приветствуют, поднося чороон-кубок;
 Кто облачен в золотую ризу ¹¹⁶
 Величиною с урасу зажиточных людей;
 Чья светло-желтая лампада
 Светится издали, словно роща молодых раскидистых берез.
 Золотая трость [в его руке] – с половину высокой лиственницы,
 Он надевает набекрень островерхую серебряную шапку,
 Украшенную девятью воткнутыми в нее перьями,
 Расписанную ликами двенадцати ангелов.
- 1440 На выпяченной груди носит он
 Девять икон с Николой-угодником,
 На плечи взваливает
 Восемь икон с ангелами,
 На спине раскладывает
 Семь икон со святыми.
 Он [ходит] с фонарями из негаснущих свечей,
 С благоухающими ладаном курильницами;
- 1450 [В его] небесном городе
 Из-за сильных вихрей не задерживаются крупинки снега,,
 В блистающем небе-зимовье
 Не застревают пылинки;
 [У него] нижнее, пешее небо ¹¹⁷ – для прогулок,
 Светлый рай [у него] – с церковью.

- Страна [его] покрыта
Трепещущей молочной пенкой,
У подножия ее – молочное озеро.
Этот Юрюнг Айыы Тойон,
1460 Беломолочный на вид,
Имеет чернильницу из черного серебра
Величиною с копну, занесенную снегом,
Золотое перо
Величиною с вилы,
Книгу из листового серебра
Величиною со связку сосновой заболони¹¹⁸;
Он – [владелец табунов] с огромными кучами навоза¹¹⁹.
Этот Юрюнг Айыы Тойон –
Врат семи старших и младших братьев.
1470 Росли они, держась друг друга,
Словно жеребята, привязанные к одной веревке;
В одно время они подрастали,
Словно восемь жеребят,
Пристегнутых к одной веревке;
В одном табуне воспитывались,
Словно жеребята в намордниках¹²⁰.
Самый младший из братьев его –
Уордаах Дьэсэгэй¹²¹,
Самая младшая невестка –
1480 Дьюсюлю Хотун.
От них-то и приходишь ты.
Давай-ка поднимемся
К Юрюнг Айыы Тойону, дяде твоему,
Владельцу табунов с огромными кучами навоза,
Попросим его запутанное дело наше решить,
Распутать наши узорные швы,
Разобраться хорошенько в слоях бересты нашей¹²².
Ой, буйакка-а-м!»
Говорит на это наш человек:
1490 «Ты, девка адъараев
С уловками, что убегающие облака!
Что-то не видать за плечами моими
Чистых белых крыльев,
Поднимающих на перевал восьмого неба!
Что-то не видно выросших за спиной у меня
Голубых огромных крыльев,
С шумом возносящих
На самую вершину девятого неба!
Ну-ка, девка адъараев
1500 С проделками, что пролетающие облака,
Какими еще чарами-колдовствами,
Какими плутнями и обманом
Победишь ты меня?
Хвастаешься, возомнив себя колдуньей,

А я [еще] погляжу, как это ты
Поднимешь меня
На то самое темечко девятого неба!
Мерзкая тварь, плевки которой
Не доходят до земли¹²³;
1510 Отъявленная мерзавка
Черные мысли которой
Не дойдут до волос виска, –
Разве ты не босоногая девчонка,
Что напрудила на колени свои,
Обмаралась на ступни ног своих?!
Заставлю тебя поклониться мне,
Аллаатыгар!» –
Так говорил, он гоняясь за женщиной.

– «Ну что ж, если просишь: «подними», – что делать, придется поднять», – сказала женщина, продолжая пятиться¹²⁴.

IV Трижды пропела песню айы и трижды по ходу солнца покружилась она – и божественная одежда, [спустившись сверху], сама ловко наделась на нее. Трижды кружится она в обратную сторону, распевая по-хорински, – и камлальная одежда [спускается сверху], сама ловко надевается на нее.

Глянцево-белой, с острыми краями колотушкой трижды громко ударяет [она] в белый овальный бубен величиною с небольшое озеро, трижды чмокает губами¹²⁵. Громко взывая, притягивает в бубен свой колдовскую слизь из гибельного потаенного моря, в котором погребены начала девяти болезней; колдовскую песню поет. Кончив петь, брызгает она изо рта, будто горячим свинцом, в лицо и глаза нашему человеку. Мгновенно ослепнув, он хватается за деревья и травы.

Трижды ударив в бубен, шаманка, распевая песню айы, трижды чмокает губами, смотрит в сторону верхней страны и, громко взывая, притягивает оттуда в бубен свой волосяную белую веревку, которой с расстояния трех дней пути Юрюнг Айы Тойон опутывает табуны [свои].

После этого поет она колдовскую песню, набрасывает на будущего мужа своего веревку, опутывает его, словно сетью. И катится наш человек, подобно [туго набитой] кожаной суме.

Силой заклинания вызывает она облако, на которое обычно садятся шаманы, и заставляет его лететь над самой землей; затем вызывает черный крутящийся вихрь величиною с урасу семи зажиточных жителей; втянув в этот вихрь нашего человека, забрасывает его на облако, которое стремительно поднимается вверх, подобно сухому листу березы.

Наш человек, Строптивный Кулун Куллустуур, вопит и сетует: «Ведь был же я очень тяжелым! – Он напрягается изо всех сил, стараясь стать тяжелее. – Какая досада! Был же я зорек глазами, что случилось со мной? – говорит, и чем шире сидится раскрыть узкие щелки глаз, тем больше погружается в темноту. – Вот горе! Ведь был я очень крепким и сильным, – что же случилось со мной? – говорит, бьется, пружинится, но, вместо того чтобы освободиться, [чувствует]: веревка еще туже стягивает его. – Вот горе! И на ухо чутким был я! С чего бы [теперь] я таким стал?» – говорит и прислушивается. А снизу гулко доносится голос молодой шаманки. Лежит он, прислушиваясь, и думает: «О чем это распевает девка, пожирающей смерть дочь?»

- А женщина, оказывается, произносит такие слова:
«Айхал, айхал, ойлоот!
Кюёгэйэ доммун! Уруй, айхал!
- 1520 Люди улусов беспокойного неба¹²⁶
Со ртами под кадыком,
Смотревшие на меня сбоку,
Обучавшие меня, робкую,
Подойдите-ка сюда,
Соплеменники мои!
Оберегавшие меня сзади
Улусы упрямых
С веревкою на затылке,
Родные мои,
- 1530 Вы пересказывали мою невнятную речь¹²⁷,
Подойдите же сюда!
Девять берестяных эмэгэтов моих,
Соплеменники мои,
Подойдите-ка сюда!
Семь скитающихся бесноватых эмэгэтов моих,
Родные мои,
Подойдите же скорее сюда!
Злосчастный муосааны мой,
Тридцать лет добиравшийся до лиственницы
- 1540 С обломанной верхушкой,
Чтобы сесть [отдохнуть]¹²⁸,
Подойди поближе сюда!
Барыглаах – божество мое¹²⁹,
Подойди, пожалуйста, сюда!
Уруй, айхал, кюёгэл-нусхал –
Песни мои!
На пути к высокому небу, где обитают божества-айыгы,
Что находятся выше трех небес
С клочковатыми облаками,
- 1550 Похожими на столы-сандалы пеших людей,
Протянулся, поднимаясь ввысь,
Божественный небесный проход,
Похожий на разрезанное горло черной лошади,
Запрокинутое вверх.
Когда я силой заклинания
По этому проходу вверх подниму его,
Когда перевалю над тремя небесами
На особое божественное небо
С клочковатыми облаками,
- 1560 Похожими на столы-сандалы пеших людей,
И покажется новый
Божественный светло-серый проход,
Спускающийся с вершины девятого неба,
Дочь Ый Тойона¹³⁰,
Ытык Ылбальдын-шаманка,

- Милая подруга моя,
 Побыстрее раскрой мне
 Этот божественный светло-серый проход!
 Дочь Кюн Тойона
 1570 Кюёгэль Духал-шаманка,
 Милая подруга моя,
 Настежь раскрой для меня
 Этот божественный светло-серый проход!
 Дочь Юргэл Тойона,
 Кюн Сюргюлдэюн-шаманка,
 Милая подруга моя,
 Подставь ладонь свою из сплошного серебра
 Величиною с лопату-черпак, призови-ка [нас]!
 Дочь Чолбон Тойона,
 1580 Дьоргосун-шаманка, милая подруга моя,
 Подставь ладонь свою из сплошного серебра
 Величиною с лопату-черпак, призови-ка нас!
 Дочь Арангас Сулуса,
 С волнистой косой в восемь маховых саженей
 Айтальын-шаманка, солнечная подруга моя,
 Подставь ладонь свою из сплошного серебра
 Величиною с лопату-чердак, призови-ка нас!
 Дочь Хотой Айыы¹³¹,
 С волнистой косой в девять маховых саженей
 1590 Ытык Нуоруллаан-шаманка, задушевная подруга моя,
 Подставь ладонь свою из сплошного серебра
 Величиною с лопату-черпак, призови-ка нас!
 Дочь Кэнэн Айыы,
 Кээкэлдын-шаманка, родственница моя,
 Посмотрев в нашу сторону, призови-ка нас!
 Хозяйка багрового облака,
 Кыыкыллаан-шаманка, солнечная подруга моя,
 Подставь ладонь свою из сплошного серебра
 Величиною с лопату-черпак,
 1600 Призови-ка нас!
 С помощью волшебства своего
 Одолела я сильного богатыря,
 Которого не выдержит и земля;
 Проведя уловками своими,
 Подняла к вам могучего богатыря,
 Которого не удержит и мир;
 Поборола хитростью своей
 И подняла к вам
 Другой России властелина-богатыря.
 1610 Притомились кости мои, отяжелели,
 Подходит время, когда уж не справится мне с ним.
 Солнечные старшие сестры мои! Помогите мне!
 Мать моя – Кюлюм Хотун
 Со светильником из солнечных лучей,

- Отец мой – Сандаар Тойон
 С фонарем из лунных лучей;
 Родились они над тремя небесами,
 На особом божественном небе
 С клочковатыми облаками,
 1620 Похожими на столы-сандалы пеших людей;
 Меня зовут Кюн Толомон Нюргустай
 С волнистой косой в девять маховых саженей,
 С дыханием, как шелковистая волна.
 Поднимаемся мы к владельцу табунов
 С огромными кучами навоза Юрюнг Айыы Тойону,
 Чтобы принести жалобу.
 Уруй, айхал! Ойлоот-ойлоот!
 Кюёгэл-доммун, уруй, айхал!»
 1630 Наш человек лежал, прислушиваясь и вникая:
 Песнопения шаманки наконец
 Как будто стали затихать,
 А голосов разных словно бы больше стало,
 И слов разных словно бы больше стало;
 Не успел опомниться наш человек,
 Как понесло его вверх с шумом – словно сухой
 березовый лист шуршал.
 В ушах у него будто
 Мерзлый тальник засвистел.
 Долго ль летел он – не понял,
 1640 Быстро ль несся – не уразумел.
 Что делать слепому человеку?
 Кричал он, продолжая лететь так,
 Как его положили.
 Вдруг ему в нос
 Ударило запахом ладана.
 «Вот это да! –
 Говорит он, –
 Неужели эта девка адъараев
 С колдовствами неуловимыми, что убегающие облака,
 1650 Уже успела поднять меня
 На самую вершину девятого неба?
 Неужели сумела вознести меня
 На перевал восьмого неба,
 На хребет седьмого неба?»

[Тут женщина] сильно подула ему на темя, и мигом сошла та колдовская слизь, которой она, плюнув, облепила [нашего человека], словно горячим клеем. Со свистом раскрутившись, как ремешки курительной трубки¹³², спала с него белая волосяная веревка, которой Юрюнг Аар Тойон опутывает [скот свой] с расстояния трех дней пути. И [наш человек] тут же опустился, как столб, провалившись [в землю] до самой промежности.

Словно новорожденный ребенок,
 Стоял он так,
 Бессмысленно озираясь по сторонам.

- Оказывается, попал он в страну,
Где солнечные лучи сыплются, сверкая,
1660 Как опилки с серебряных сережек;
Оказывается, попал он в страну,
Где лучи месяца искрятся, краснея,
Как опилки с подвесок медных сережек;
Оказывается, [эта страна] – с фонарями
Из негаснущих свечей¹³³;
Оказывается, она – с курильницами
Не убывающего благовония ладана;
Оказывается, стоит там, сверкая, золотая ограда,
Протянувшаяся на сорок кёс¹³⁴;
- 1670 Оказывается, опустился он
На самую середину [той страны].
Оглянулся он назад –
Стоит он, оказывается, привалясь
К подножию переднего столба коновязи,
Украшенного резным соколом,
Окрашенного львиной кровью,
С изображением ёксёкю-птицы,
С бар-зверем на верхушке.
Когда посмотрел он вперед –
- 1680 Оказывается, стоит перед ним, сверкая,
Дом из золота в сорок комнат.
Между этим домом и коновязью
Идут друг за другом,
Словно утята за уткой,
Сорок четыре тойона божественной свиты¹³⁵.
Впереди этих
Сорока четырех тойонов
Торжественно шествует почтенный старец,
Облаченный в золотую ризу
- 1690 Величиною с урасу зажиточных людей,
С светло-желтой лампадой,
Которая светится издали, словно роща молодых
раскидистых берез;
С золотую тростью [в руке]
С половину выскокой лиственницы,
В надетой набекрень
Острроверхой высокой серебряной шапке,
Украшенной перьями,
Расписанной ликами
Двенадцати ангелов;
- 1700 На выпяченной груди старца
Девять икон Николы-угодника
На плечи его взвалены .
Восемь икон с ангелами,
На спине разложены
Семь икон со святыми.

- Увидев его, наш человек смекнул:
«Впереди, должно быть, шествует
Господин девятого неба.
Царь восьмого неба,
1710 Князь седьмого неба,
Чьи беспощадные решения неотменяемы,
Чьи жестокие повеления окончательны;
Он – владелец табунов
С огромными кучами навоза
Юрюнг Айыы Тойон».
Все эти
Сорок четыре тойона идут,
Уставившись на нашего человека.
1720 Краем глаза заметил он:
Рядом с ним, приосанившись,
Стоит его [будущая] жена.
А во дворе
В двенадцати местах установлены березки-чэчир ¹³⁶,
Поставлены двенадцать столбов
Для кумысного праздника.
Родившиеся па вершине девятого неба,
Созданные на перевале восьмого неба –
Все пришли до единого;
Родившиеся на хребте седьмого неба –
1730 Все до одного пришли;
Собрались, чтобы устроить праздничные игры,
Радостное пиршество,
Счастливым ысыах¹³⁷.

Все сорок четыре – тойона, следуя друг за другом, как утята за уткой, обошли
вокруг березок-чэчир и остановились перед нашими людьми.

- Владелец табунов
С огромными кучами навоза
Юрюнг Айыы Тойон,
Окинув их взором, сказал:
«Дочь Ый Тойона,
Ытык Ылбальдьын-шаманка!
1740 Дочь Кюн Тойона,
Кюёгэль Нусхал-шаманка!
[К нам] поднялась Кюн Толомон Ньюргустай,
Рожденная над тремя небесами,
На особом божественном небе
С клочковатыми облаками,
Похожими на столы-саңдалы пеших людей,
Мать которой – Кюлюм Хотун-старуха
Со светильником из солнечных лучей,
Отец которой – Сандаар Тойон
1750 С фонарем из лунных лучей, –
Дитя мое, невестка моя
С волнистой косой в девять маховых саженей,
С дыханием, как шелковистая волна.

Возьмите у нее
И спрячьте в потайном чулане моем
Одежду и платье ее,
Доспехи и снаряжение, которыми она
Пользуется в самом крайнем случае».

Все стали обходить вокруг березок-чэчир. Обойдя, остановились перед этими мужчиной и женщиной.

1760 После этого владелец табунов
С огромными кучами навоза
Юрюнг Айыы Тойон сказал:
«Дочь Ый Тойона,
Ытык Ылбальдьын-шаманка!
Дочь Кюн Тойона,
Кюёгэль Нухал-шаманка!
Возьмите за руки и отведите к подножию передних
березок-чэчир

1770 Тетю свою,
Кюн Толомон Нюргустай
С волнистой косой в девять маховых саженей,
С дыханием, как шелковистая волна;
Положите свежего сена,
Постелите чистую белую шкуру жеребца,
Посадите ее на сиденье,
Поднесите ей главный узорный кубок тойон-айах¹³⁸
С кистью из конской гривы!»

Две шаманки, бережно подхватив ее под руки, отвели и посадили у подножия передних березок-чэчир.

1780 Затем владелец табунов
С огромными кучами навоза
Юрюнг Айыы Тойон сказал:
«Сын Кюн Тойона,
Непобедимый силач Кюёнчэ Бёгё!
Сын Ый Тойона,
Силач с железной хваткой
Ыйыктай Боотур!
Парни! Ваш дядя,
Почтенный Стройтивный Кулуп Куллустуур –
Похоже, дерзкий он человек –
Поднялся сюда.

1790 Ведите его к тем же березкам
И посадите у ног
Этой женщины;
Густо накидайте прутьев,
Постелите шкуру бурого медведя
И поднесите главный
Узорный кубок тойон-айах
С кистью из конской гривы».
Взяв под руки,
Повели, тяжело ступая, нашего человека

- И возле березок-чэчир
Усадили его
- 1800 У ног этой женщины.
И вот, когда уселись они рядом,
Дочь Ый Тойона,
Ытык Ылбальдьын-шаманка,
Вместе с дочерью Кюн Тойона,
Кюёгэль Нусхал-шаманкой,
Поднесли этой женщине Главный кубок –
Узорный тойон-айах
- 1810 С кистью из конской гривы.
Сын Кюн Тойона,
Непобедимый силач Кюёнчэ Бёгё,
Вместе с сыном Ый Тойона,
Силачом с железной хваткой
Ыйыктай Боогуром,
Поднесли тому человеку
Тойон-айах-кубок
С кистью из конской гривы,
Поднять который [под силу] лишь девяти богатырям.
Положили перед ним
- 1820 Опрокинутую золотую ложку
Величиною с лопату-черпак.
Наш человек, говорят,
Никогда не ел Ложкой и поварешкой;
Прочь отпихнул он ложку,
Взял тот кубок-айах
С кистью из конской гривы
И, зажав его между пальцами,
Разом опорожнил,
- 1830 Словно рюмку с водкой,
В рот опрокинул, как в яму.
Когда с хлопотами об этих двух людях
Было покончено,
Составили особый круг –
Из знатных мужчин,
Особый круг –
Из знатных женщин,
Особый круг –
Из молодых людей,
- 1840 Особый круг –
Из молодых девушек,
Особый круг –
Из парней-дровосеков,
Особый круг –
Из коровниц-старух,
Стали на двенадцати лужайках
Рассаживаться группами
Сообразно своему положению.

Сорок четыре тойона из божественной свиты обходили всех, распоряжались. Обойдя вокруг лужайки, остановились они перед нашими мужчиной и женщиной. [Сказали так]:

- «Дочь Ый Тойона,
1850 Ылбальдьын-шаманка,
И дочь Кюн Тойона,
Кюёгэль Нусхал-шаманка!
Для почтенной тети своей,
Кюн Толомон Нюргустай
С волнистой косой в девять маховых саженей,
С дыханием, как шелковистая волна,
Наварите мяса
Светло-серого жеребенка-стригунка
И выложите на слоистую бересту,
1850 Сбоку положите остро наточенный ножичек,
На лезвии которого ясно отражаются
И брови, и ресницы молодой женщины!
Сын Кюн Тойона,
Непобедимый силач Кюёнчэ Бёгё,
И сын Ый Тойона,
Силач с железной хваткой Ыйыктай Боотур, – вдвоем
Молодому нашему господину
Строптивому Кулун Куллуштууру
Наварите мяса шести пестрых жеребят,
1870 Рожденных в пору
Появления первых весенних проталин,
И выложите на слоистую бересту!
Рядом положите бойкий ножичек
На лезвии которого играет-отражается
Жующий юноша, его губы и зубы!
Люди с дороги проголодались, наверное,
Люди в пути отощали, наверное,
Следует их покормить».
Сказав так, отдав [такое] распоряжение,
1880 Юрюнг Айыы Тойон
С теми самыми сорока четырьмя
Своими тойонами
Удалился, ведя их за собой,
Как утка водит утят.
Как только эти тойоны прошли,
Две молодые шаманки
Весело принялись Варить мясо
Светло-серого жеребенка-стригунка,
1890 Выложили его на слоистую бересту
И поднесли Кюн Толомон Нюргустай;
Сбоку положили остро наточенный ножичек,
На лезвии которого ясно отражаются
И брови, и ресницы молодой женщины.
Кюн Толомон Нюргустай, съев около половины,
Остаток отодвинула от себя;

Сын Кюн Тойона, непобедимый силач Кюёнчэ Бёгё,
Вместе с сыном Ый Тойона, силачом с железной
хваткой Ыйыктай Боотуром,

- 1900 Отправились, грузно ступая,
Наварили мяса шести пестрых жеребят,
Рожденных в нору появления первых весенних проталин,
Выложили [его] на слоистую бересту
И поднесли Строптивому Кулун Куллустууру;
Положили перед ним бойкий ножичек,
На лезвии которого играет-отражается
Жующий юноша, его губы и зубы.
Наш человек, оказывается,
Никогда не пользовался ни ножом, ни вилкой, –
Прочь отпихнул он нож от себя.
- 1910 Разом отодрал он зубами
Мясо с костей,
Набил полный рот бедром-огузком,
Плечевыми крепкими мышцами.
Толстые концы костей разжевывал он
С [таким] хрустом, словно снег [скрипит на морозе],
И сплевывал размельченные мелкие крупички.
Крепкие кости, мозг из которых
Он с хлюпаньем высосал, ”
Побелели так, будто они девять лет сохли.
- 1920 С грохотом побросал их на бересту.
Как в кожаный мешок, понабил,
Как в суму, понапихал в себя,
Так что не осталось ни одного кусочка мяса,
Отделенного от костей.
И вот, как только они кончили есть,
Юрюнг Айыы Тойон, ведя за собой,
Как утка утят, своих тойонов,
Тотчас вернулся и остановился
Перед Кюн Толомон Нюргустай-шаманкой
- 1930 С волнистой косой в девять маховых саженьей,
С дыханием, как шелковистая волна.
«О девушка! – говорит владелец табунов
С огромными кучами навоза,
Юрюнг Айыы Тойон, –
Дитя мое, невестка моя!
Дочь Кюлюм Хотун-старухи
Со светильником из солнечных лучей
И Сандаар Тойона-старика
С фонарем из лунных лучей,
- 1940 Живущих над тремя небесами,
На особом божественном небе
С клочковатыми облаками,
Похожими на столы-саңдалы пеших людей!
Кюн Толомон Нюргустай

- С волнистой косой в девять маховых сажений,
С дыханием, как шелковистая волна!
Три полных года прошло
[С тех пор], как ты поднималась ко мне.
Когда приходила ты,
1950 Бывали у меня праздничные игры,
Радостное сборище,
Счастливый ысыях.
[В первый раз] я подумал: «Невестка молоденькая – заробееет она,
Девушка совсем юная –
Застесняется», –
Не позвал тебя на игры.
Теперь – во второй раз –
Ты уже привыкла, освоилась.
Ну вот, сэгэрим¹³⁹, дитя мое,
1960 Придется тебе показать игры свои».
Когда сказал он так,
Эта прекрасная женщина
Весело засмеялась, засверкала,
Складно заговорила, засияла:
«Сколько бы ни претерпела мук,
А тоскую по играм-забавам,
Ведь выросла я, сроднившись с играми;
Как же не поиграть? Поиграю!» –
Так отвечала Кюн Толомон Нюргустай-шаманка.
1970 Сорок тойонов друг за другом идут,
Как утята за уткую.
Следом за ними
Повалило гурьбой все живое.
Слепые на поводу шли, думая:
«Хоть услышим своими ушами».
Калеки заставили
Везти себя на телегах¹⁴⁰, думая:
«Хоть увидим своими глазами».
Когда люди уходят,
1980 И собаки не остаются, оказывается.
У подножия березок
Никого не осталось.

Один только наш человек, Строптивный Кулун Куллустуур, оказался у подножия березок, остался там, где и сидел, словно пригвожденный.

А люди, все скопом, пришли на высокую поляну для игр. Столпились. Стали отбирать силачей-богатырей.

Послышались вопросы:

«Кто ж будет равным по силе девушке нашей,

Кюн Толомон Нюргустай

С волнистой косой в девять маховых сажений,

С дыханием, как шелковистая волна?»

Сказали: «А что,

Если попробует выйти против нее

1990 Сын Кюн Тойона,
Непобедимый силач Кюёнчэ Бёгё?»
Юрюнг Айыы Тойон говорит:
«Не устоит он».
Предложили [тогда]: «Если так,
Надо попробовать выставить сына Ый Тойона,
Силача с железной хваткой Ыйыктай Боотура».

На это Юрюнг Айыы Тойон говорит: «Он только тем и славится, что не выпускает схваченного, а так никакой он не силач. Не устоит! Хорошо бы выставить сына скрежещущего неба, Атыыр Хардаса-богатыря, владеющего конем по кличке Аалай Магаас с восемью отметинами из белых полос на лбу; этот богатырь слишком зазнался, не находя себе равного на вершине нашего девятого неба».

Все обрадовались: «Вот и прекрасно!»

Тогда привели его –

Хотя и двуногого,

Хотя и двурукого,

2000 Хотя и двуглазого,
Но неказистого на вид¹⁴¹,
Крепко скроенного,
На ухватку ловкого,
Широкоплечего, мускулистого.

И, оказывается,

Он действительно человек кичливый, спесивый.

Подвели его к той

Молодой шаманке нашей.

Вот схватились они.

2010 Женщина взяла его за локти,
Затем ухватила за плечи,
Заставила с топотом
Быстро пятиться назад,
Стала скручивать его,
Как скручивают ухо,
Потом, увернувшись, потрянула его
И, трижды по ходу солнца
Повернув вокруг себя,
Бросила, а у самой земли [подхватила]

2020 И на ноги поставила¹⁴².

И вот, когда она его на ноги поставила, люди сказали: «Алаатыгар! Невестке-то нашей есть, оказывается, что показать!»

Юрюнг Айыы Тойон сказал: «Теперь найдите прыгуна по прыжкам-кылыгы¹⁴³».

На это [ему] ответили:

«Есть Наатык Мэргэн,

Сын Хотой Айыы,

Владеющий Резвым Вороным конем,

Он хорошо прыгает на одной ноге –

Он и на ноги резв,

Его надо выставить».

Тут же заставили его выйти.

Попробовал он состязаться в прыжках,

- 2030 Но вдвое дальше его прыгнула
Наша женщина.
Послышались голоса:
«Есть Элэс Мэргэн-богатырь,
Сын Кэнзн Айыы,
Владеющий Упитанным Вороным конем;
Надо попробовать его на состязаниях в прыжках».
Попробовал и этот человек
Состязаться в прыжках,
Да отстал.
- 2040 Наша молодая шаманка
Состязалась в прыжках –
Равного себе не нашла,
Состязалась в беге –
Резвее себя не нашла,
Состязалась в красноречии –
Речистее себя не нашла,
Состязалась в пении –
Лучше себя певца не нашла.
На вершине девятого неба
- 2050 Не оказалось людей,
В состязаниях равных ей.

А продолжались игры полных двенадцать суток.

V Когда игры закончились, люди стали возвращаться обратно. Как ни приглядывались к нашему человеку, как ни оглядывали его с головы до ног – незаметно было, чтобы он хоть раз за двенадцать дней присел на корточки, решив: «Густое мое подошло»; незаметно было, чтобы он хоть раз приподнялся [помочиться], решив: «Жидкое мое подошло».

Люди, вернувшись к подножиям березок-чэчир, расселись по своим местам, распили остатки кумыса.

После этого владелец табунов с огромными кучами навоза Юрюнг Айыы Тойон сказал:

- «Ну, друзья,
Был у меня кумыс – кончился,
Игры завершились,
Праздник ысыах подошел к концу.
Расходитесь-ка, возвращайтесь [по домам]:
У тех, кто имеет скот, – скот остался без присмотра;
У тех, кто имеет детей, – дети остались без присмотра;
У тех, кто имеет еду, – еда осталась нетронутой;
2060 У тех, кто имеет дом, – дом стоит неприбранным;
У тех, кто скопил сено, – сено лежит необрунным.
Слушайте,
Мои сорок четыре тойона:
Эти богатыри двух Сибирей¹⁴⁴
Не для того, наверное, поднялись,
Чтобы просить одеть их, обносившихся,
Не для того, наверное, поднялись,
Чтобы просить накормить их, изголодавшихся.

- 2070 Поднялись, наверное, повздорив друг с другом,
 Поднялись, наверное, чтобы высказать жалобу.
 Не уходите же, не взваливайте [суд] на меня одного,
 Решив: «Пусть владелец табунов
 С огромными кучами навоза
 Юрюнг Айыы Тойон
 Сам их рассудит».
 Сказав так,
 Почтенный человек медленно зашагал
 К дому своему.
- 2080 Сорок четыре тойона
 Следом за ним пошли в дом.
 В глубине золотого дома
 Из сорока четырех комнат
 Оказалась комната-суглан –
 Туда они и зашли.

Когда они вошли туда, наша женщина подумала: «Наверное, эти тойоны уже там разместились» – и, чинно ступая, приосанившись, подошла к двери золотого дома.

Дверь его, оказывается, открывалась, вращаясь по ходу солнца. Тронешь ее по ходу солнца – и она сама вталкивает внутрь, не давая времени опомниться.

Толкнув эту дверь, шаманка вошла в дом и, приветливо улыбаясь, зашагала по золотому полу, похожему на хребты восьми стерлядей, сложенных вместе. Пошла в глубь золотого дома из сорока четырех комнат.

- 2090 Там, оказывается,
 Сорок четыре тойона
 Уселись в ряд;
 Во главе их сидит
 Владелец табунов
 С огромными кучами навоза
 Юрюнг Айыы Тойон.
 Подойдя к тойонам из божественной свиты,
 Молодая шаманка
 Трижды приседает и кланяется,
 А слезы у нее скатываются
 По щекам.
 Плачет она,
 Причитает,
 С такими словами обращается:
- 2100 «Ой, ай, уй, буйаккам!
 Примите приветствие мое, сорок четыре тойона,
 Ставшие тойонами девятого неба!
 Я пришла и, суставы имея, преклоняю колени,
 Шею имея, кланяюсь вам.
 Перед тремя тенями вашими склоняюсь!
 Если спросите:
 «Что с тобой, девка, приключилось?», [ответчу:]
 «Потому пришла, что потускнело
 Излучающее свет лицо мое,

- 2110 Побледнел сияющий лик мой,
 Опозорено славное имя мое!»
 Если спросите:
 «Что же случилось, девка, с тобой?», [ответу:]
 «Прошло полных три года, как я побывала у вас
 На праздничных играх, радостном сборище,
 Счастливом ысыахе».
 В тот раз я спрашивала:
 «Кто господин мой,
 Предопределенный Чынгырыыр Хааном.
- 2120 Предуказанный Менгюрююр Хааном,
 Предназначенный мне Орулуур Одун Хааном?
 Кто самец, верный муж мой?»
 На это вы мне отвечали:
 «Есть богатырь, рожденный грозным Дьёсёгёй Тойоном
 И матушкой Дьюсюлю Хотун,
 Строптивный Кулун Куллустуур,
 Владеющий конем
 С кроншнепом-птицей на ушах,
 Кукушкой-птицей на загривке,
- 2130 Сарычем-птицей на лопатках,
 Селезнем-птицей на крупе,
 Голубем-птицей на бедрах,
 Серыми зайчатами на подколенках,
 В Верхней Сибири названным:
 Огненный Рыжий конь,
 Который, резвясь, мотает головой;
 В Нижнем мире названным:
 Буйный Рыжий конь,
 Который, резвясь, перебирает ногами,
- 2140 В Среднем мире названным:
 Вихревой Рыжий конь,
 Который, резвясь, помахивает хвостом».
 И вот [вы] сказали:
 «Мы спустили его, решив:
 Пусть он будет предком людей, владельцем скота
 В средней второй райской стране,
 Где деревья, сваливаясь, не редеют,
 Вода, испаряясь, не убывает,
 Где ежедневно восходит
- 2150 Почитаемое белое солнце,
 Где еженощно
 Сияет светлая луна».
 Определили, предуказали, сказав:
 «Пусть родит он четырех якутов,
 Воспитает двух якутов,
 Расплодит трех якутов!»
 Говорили вы: тот человек и будет
 Моим мужем,
 Предопределенным мне Чынгырыыр Хааном.

- 2160 Предуказанным Менгюрююр Хааном,
Предназначенным Орулуур Одун Хааном.
Я доверилась вашим словам,
Через посланницу свою
Обхаживала того человека.
Когда его обхаживали так,
Сказал он посланнице моей:
«Поглядите-ка, сколько яду в гортани этой дряни,
Которая, на жертвенных холмах заклиная,
Пожирает жертвенное мясо;
- 2170 Сколько горечи в глотке
Этой мерзкой девки,
Которая, причитая на заклётых холмах,
Набивает рот мясом с жертвенного стола;
Нестерпимо обидны вопли девки адьараев,
Которая, причитая на священных холмах,
Где посвящают в жертву скотину,
Поедает мясо посвященной скотины!»
И еще сказал: «Если бы эта дрянь,
Продувная бестия,
- 2180 Прodelок которой не выдержать и земле,
Когда-нибудь и пришла бы сюда,
Я рассек бы толстую кожу ее,
Выпустил бы черную кровь ее,
Сломал бы крепкие кости ее,
Порубил бы здоровое тело ее;
Дал бы этой страны жукам –
Величиною с молодого бычка –
Насладиться мясом ее;
Трехгорбому черному ворону гибели
- 2190 Дал бы насытиться телом ее;
Четырехглазой черной собаке этой страны
Дал бы грызть с хрустом тело ее,
Упираясь лапами в ее лицо.
Пусть, явившись ко мне,
Не переносит на меня
Гибельную черную нечисть свою».
Сказал: «Пусть не опутывает меня
Грязной синей нечистью своей».
Сказал: «Пусть не утруждает себя,
- 2200 Не приходит сюда.
Что бы там ни было –
Ни за что не женюсь
На шаманке буйной, дьявольской из ясновидящих».
Зная такие слова его,
[Но] вашим предначертаниям веря,
Я скрепя сердце
Отправилась к нему, важно ступая,
Перебирая пятками,

- 2210 Приседая в коленях,
Прибыла к нему сама.
И вот, когда я прибыла к нему,
Он изругал меня скверными словами,
Каких никогда в жизни не слышала я,
Когда скверные слова у него иссякли,
Он разбил лицо мое,
Которого за всю мою жизнь
Даже ветка-не задевала;
Ударил по лицу моему,
Которого за всю мою жизнь
2220 Даже тростинка не касалась.
Из-за этого ссора возникла,
Бой произошел.
Бились мы полных
Девяносто дней и ночей трех месяцев –
Никто не осилил друг друга.
Только изничтожили прекрасный зеленый луг
Взрастившей нас матери-земли.
Поэтому с помощью разных волшебств, которыми я владею,
Подняла его к вам, чтобы пожаловаться.
2230 Рассудите, запутанное дело наше,
Прослеживая сложные узорные швы,
Разбирая слои бересты нашей!
Если не желаете рассудить нас, решив:
«Молодая женщина, захотев мужчину,
Исчерпала все свое красноречие...
Девка ищет самца для блуда»,
Значит, вы только хотели посмеяться,
Поглумиться надо мной,
Когда отправляли меня уговаривать
2240 Особой Сибири господина, другой России царя.
Если тогда вы послали меня,
Чтоб посмеяться надо мной, – неладное это дело:
Ведь я – женщина, которая в прошлом
Много хорошего сделала для вас!
Жду вашего справедливого решения!
Ай, буйакам, ой, буйакам!»
Выслушав это, тойоны, остолбенев, долго молча сидели.
Владелец табунов
С огромными кучами навоза
Юрюнг Айыы Тойон сказал:
2250 «Нет, дитя мое,
Ни тогда, ни теперь
Не были мы
Насмешниками над людьми.
Идите, парни, –
Сын Кюн Тойона,
Непобедимый силач Кюёичэ Бёгё,

- Сын Ый Тойона,
 Силач с железной хваткой Ыйыктай Боотур,
 Позовите, приведите-ка сюда
 2260 Не в меру сильного старшего дядю своего!
 Смотрите, попав ему под руку,
 Не сгубите себя,
 Не будьте чересчур заносчивы,
 Необдуманно не говорите с ним!
 Видать, ярость его приумножилась,
 Бешенство в крови вскипело.
 За эти двенадцать суток
 Он не вставал
 Посмотреть на игры;
 2270 Я даже не видел,
 Чтоб он поднялся [помочиться],
 Сказав: «Жидкое мое подошло»;
 Не видел я, чтоб присел он на корточки,
 Подумав: «Густое мое подошло».

И вот два названных богатыря вскочили, приосанились, побежали нему], изда-лека начали кланяться, с расстояния трех дней пути стали придать: «Дорогой наш дядя! Женщина, что прибыла с тобой, стала жаловаться поэтому тойоны призывают тебя, говорят, должен прийти к ним».

Когда они сказали так, наш человек ответил: «Как же не пойти, раз позвали грозные тойоны!» И грузно поднялся наш человек.

- Пошел, до наха продавливая
 Ссохшуюся глину,
 До ямок коленных чашечек вдавливаясь
 В мерзлую глину.
 Настежь распахнул дверь,
 2280 Которая открывалась,
 Трижды по ходу солнца
 Покрутившись на вертушке,
 И ввалился в дом.
 Пошел, ступая вразвалку,
 Тяжелой поступью
 По золотому полу,
 Похожему на хребты восьми стерлядей,
 Сложенных вместе.
 2290 Что [можно] разворотить – разворачивал,
 Что [можно] проломить – проламывал;
 Где проходил – весь пол разворотил
 Из конца в конец дома,
 Во всех сорока четырех комнатах.
 Пройдя так,
 Расставил ноги
 И прямо встал
 Перед сорока четырьмя тойонами.
 И «здравствуй» не говорит,
 И шапку не снимает –

- 2300 Стоит и не моргая
Таращит глаза, словно глупый,
На всех сорока четырех тойонов.
Владелец табунов
С огромными кучами навоза
Юрюнг Айыы Тойон говорит тогда:
«Испокон веков
Все, кто стоя мочится,
У кого колени сгибаются, –
Все до единого, –
- 2310 Сняв шапки и в коленях [ноги] сгибая,
Нам кланялись.
У тебя что – другие обычаи?
Сними шапку!»
Наш человек, как глупый, продолжает стоять
и глазеть не мигая.
Владелец табунов
С огромными кучами навоза
Юрюнг Айыы Тойон
Ударяет слева наотмашь
Золотой тростью
Величиною в половину
- 2320 Высокой лиственницы
По рогатой шапке
Строптивного Кулун Куллустуура,
Сшитой из шкур
Девяти лосиных голов, снятых с рогами;
Слетев с головы,
Шапка с грохотом падает
На отливающий золотом пол,
Похожий на хребты восьми стерлядей,
Сложенных вместе,
- 2330 И проламывает две половицы.
И вот, когда шапка упала,
Владелец табунов
С огромными кучами навоза
Юрюнг Айыы Тойон говорит:
«Парень! В старину,
Когда ты родился от младшего брата моего
Уордаах Дьёсёгёя и Дьюсюдю Хотун,
Упав на зеленую траву о девяти стеблях¹⁴⁵,
Ударившись теменем своим,
- 2340 Мотая дрожащей головой,
Брыкаясь тоненькими ножками, –
Трое суток солнце не всходило,
На семеро суток черный туман опустился.
После твоего рождения, спустя время,
За которое три горшка мяса сварятся,
От самой породистой – первоосновы моего табуна, –

- Еще не жеребившейся молодой кобылы,
 От лучшего жеребца моего Хаан Дьаралыка
 Родился жеребенок,
 2350 Который, упершись ногами,
 Проломил балки
 Широкого гулкового неба.
 [Этот конь] – с кроншнепом-птицей на ушах,
 Кукушкой-птицей на загривке,
 Сарычем-птицей на лопатках,
 Селезнем-птицей на крупе,
 Голубем-птицей на бедрах,
 Серыми зайчатами на подколенках –
 В Верхней Сибири назван:
 2360 Огненный Рыжий конь,
 Который, резвясь, мотает головой;
 В Нижнем мире назван:
 Буйный Рыжий конь,
 Который, резвясь, перебирает ногами;
 В Среднем мире назван:
 Вихревой Рыжий конь,
 Который, резвясь, помахивает хвостом.
 После твоего рождения, спустя время,
 За которое семь горшков мяса сварятся,
 2370 Над тремя небесами
 На особом божественном небе
 С клочковатыми облаками,
 Похожими на столы-сандалы пеших людей,
 У Кюлюм Хотун-старухи
 Со светильником из солнечных лучей
 И Сандаар Тойона-старика
 С фонарем из лунных лучей
 Родилась Кюн Толомон Нюргустай-шаманка
 С волнистой косой в девять маховых сажений,
 2380 С дыханием, как шелковистая волна.
 Шесть небесных писарей,
 Проживающих над высоким небом
 С птицами-орлами ёксёкю,
 По ту сторону скрежещущих небес
 С птицами-ястребами,
 По другую сторону белого неба
 С птицами-соколами,
 На противоположной стороне
 От вихревого неба,
 2390 Не задерживающего градин,
 По ту сторону чистого неба,
 Не удерживающего и легких крупинки снега,
 На внешней окраине Заклятого желтого неба,
 На противоположной стороне Столбовой Горы,
 Имеющей письмена, –

- Эти писаря властного Рока
 Раскрыли небесную книгу судеб¹⁴⁰
 И, посмотрев в нее, сказали
- 2400 Про Кюн Толомон Нюргустай:
 «Она – Чыпгырыыр Хааном предопределенная,
 Менгюрююр Хааном предуказанная,
 Орулуур Одун Хааном предназначенная
 Жена его».
 А про этого Буйного Рыжего коня,
 Который резвится, перебирая ногами,
 Властного Рока писаря записали:
 «Предназначенный ему конь».
 Ты, говорят, человек, от рожденья имеющий силу
- 2410 Сорока девяти отборных богатырей.
 А эта предназначенная тебе хозяйка-жена,
 Кюн Толомон Нюргустай, девушка-богатырка
 С волнистой косой в девять маховых сажений,
 С дыханием, как шелковистая волна,
 От рожденья имеет силу
 Сорока восьми отборных богатырей
 И вдобавок сорок девятой силой наделена –
 Даром шамавкй:
 В небесной книге записано так:
- 2420 «Этот Строптивный Кулун Куллуштуур-богатырь
 На вершине девятого неба не уживется».
 Поэтому мы определили так:
 Быть тебе прародителем людей и [владельцем] скота
 В средней тихой райской стране,
 Где деревья, сваливаясь, не редуют,
 Где вода, испаряясь, не убывает,
 Где ежедневно восходит
 Почитаемое белое солнце,
 Где еженощно сияет
- 2430 Светлая луна.
 Спустили тебя туда, дав на прожитие
 Коней короткогривых со светлой чистой шерстью –
 Табуны, [которые нужно считать] долинами.
 Опустили, дав для пропитания
 Рогатый скот
 С густой спутанной шерстью, с крутыми рогами,
 С острым запахом пота,
 С раздвоенными копытами –
 Стада, [которые нужно считать] луговинами.
- 2440 Поселили тебя, решив:
 Если кто и выдержит там
 Натиск племен адъараев,
 Отобьется от лихих набегов улуса леших¹⁴⁷,
 Владеющих темными, сумеречными еланями,
 Наклонными бродами,

- Алчность которых равна завязкам пристегиваемых наколенников,
 Прожорливость которых равна завязкам шапки, –
 Так все это выдержит, думали, только ты,
 От всего этого отобьешься, думали, только ты.
- 2450 Что же за дурень ты, глупость которого
 Не вместить и в [обширном] лесу,
 Если не хочешь жениться
 На предназначенной тебе женщине?
 Уж не думаешь ли взять в жены
 Молодую телку
 Или яловую кобылицу?
 Шумно летающие
 Над тремя небесами
 Птицы с сизыми крылышками
- 2460 Живут парами –
 Самец с самочкой;
 Животные, топчущие
 Зеленый лик средней страны,
 Также сбиваются в пары –
 Самец с самкой.
 Рассуди-ка сам!
 Если не женишься,
 Как же будут размножаться люди?
 Отвечай же,
- 2470 Отчего ты не женишься?»
- Тогда наш человек, трижды поклонившись тойонам, преклонив колена, сказал:
 «Муо, ой, муо, буйакам!
 С тех самых пор,
 Как зародился ты,
 Владелец табунов
 С огромными кучами навоза
 Юрюнг Айыы Тойон,
 Слова твои – темные,
 Суд твой – черный!
 С тех пор как родился я на вершине девятого неба,
 Упав на зеленую траву о девяти стеблях,
 Ударившись теменем своим, мотая дрожащей головой,
 Брыкаясь тоненькими ножками, –
 Сколько новорожденных захирело из-за меня,
 Скольких младенцев загубил я?!
 За что же меня, господин мой,
 Ты спустил в необжитый рай,
 Где не родился и не жил [никогда] ни человек, ни скотина?
 За что приписал мне
 Прогибающие спину грехи,
- 2480 Ввалил [на меня] едва поднимаемую вину?
 Неужели только меня одного
 Нашел ты провинившимся, самым грешным,
 Чтоб низвергнуть

- В самую пасть улуса леших
 Отбиваться от их лихих набегов?
 Тебе мало показалось этих причиненных мне обид,
 Ты подумал: «Мало я его притеснил» –
 И навязал мне могущественную из шаманок,
 Всесильную из ясновидящих?!
 2500 Слушайте внимательно слова,
 Которые скажет такой человек, как я:
 Пока в моем теле
 Останется хоть кусочек мяса,
 Пока из костей моих
 Останется хоть одна трубчатая кость,
 Пока в огромной спине моей,
 Заслоняющей солнце,
 Останется хоть одна капля крови,
 2510 А в ногах моих останется хоть одно тонкое сухожилие –
 Тоньше нити, ссученной скупой женщиной, –
 Я не возьму в жены эту шаманку буйную,
 Пусть [лучше] весь изведусь!
 Вот вам твердое слово мое!
 В давние времена, приписав мне черные грехи,
 Вы сделали меня отцом чужой страны.
 Потому и нет у меня особенного желания
 Почитать вас за своих господ.
 Вот, как хотите, так и решайте! Муо-а-йака-ам!»
 Когда он сказал так, все сорок четыре тойона остолбенели, молча сидели.
- 2520 [Потом] владелец табунов
 С огромными кучами навоза
 Юрюнг Айыы Тойон
 Подал свой голос:
 «Все слышали, что тут брехала эта собака,
 Этот вымазанный сажей пес,
 Уродившийся с глазами на макушке?!
 Он осмелился перечить
 Таким людям, как мы,
 Заставил помрачнеть наши лучезарные лица,
 2530 Заставил потускнеть наши сияющие лики!
 Вы – сын Кюн Тойона,
 Непобедимый силач Кюёнчэ Бёгё,
 И сын Ый Тойона,
 Силач с железной хваткой Ыйыктай Боотур!
 Уведите собаку эту
 Да сбросьте вниз головой
 В ту ледяную сибирку¹⁴⁸ мою,
 Что находится на самом дне
 Пятирядной железной сибирки моей!
 2540 Пока девять суток пройдут,
 Пусть полежит, одумается».

Два названных богатыря, грузно переваливаясь, подошли к нему: «Ну как, дорогой дядя наш, пойдешь? Судьи, которым жалуешься, боги, которым молишься, сказали ведь: «Уведите его и бросьте в сибирку!»

На это наш человек, Строптивный Кулун Куллустуур, отвечал: «Как же не пойти? Пойду уж!»

Кинулся он
К шапке своей,
Упавшей с головы
Схватил ее
И, топая ногами,
Разворачивая
Сверкающий золотой пол,
Похожий на хребты
2550 Восьми стерлядей,
Сложенных вместе,
Настежь распахнул
Золотые двери дома
И с шумом выскочил наружу.
Те два богатыря,
Вцепившись в него
С обеих сторон,
Зашагали вперевалку,
Тяжелой поступью,
2560 Направились
К железной сибирке.
Подойдя к дверям
Этой сибирки,
С грохотом открыли замки,
Разом отомкнув
Пятирядную дверь,
Столкнули приведенного
В нижнюю сибирку,
Что находится
2570 На самом дне
Пятирядной железной сибирки.

Наш человек тотчас скинул одежду свою, пихнул под голову шапку и рукавицы, лег на спину и сказал: «Эй, парни! Заприте хорошенько дверь, а то еще придет девка, начнет приставать».

Два богатыря с грохотом заперли двери и вернулись к своим тойонам.

VI Владелец табунов с огромными кучами навоза Юрюнг Айы Тойон сказал:

«Сын Кюн Тойона,
Непобедимый силач Кюёнчэ Бёгё!
Сын Ый Тойона,
Силач с железной хваткой Ыйыктай Боотур!
Сын Хотой Айыы,
Владеющий Резвым Вороным конем Наатык Мэргэн!
Сын Кэнэн Айыы,
Владеющий Упитанным Вороным конем

- 2580 Элэс Мэргэн-богатырь!
 За девять суток разыщите
 И приведите [ко мне] во что бы то ни стало
 Небесного писаря Ытык Дьюорсуна,
 Чья мать – Тысы Суорун Хотун,
 Чей отец – Атыыр Суорун Тойон,
 А брат – тоже писарь Атыыр Дьюрагальдын,
 Который стал тетивой восточного неба,
 Древком лука западного неба,
 Подпоркой лука северного неба,
 2590 Спуском лука южного неба.
 Он отправился, чтоб, обойдя четыре неба¹⁴⁹,
 Записать [в небесную книгу] рождающихся детей
 И вычеркнуть умерших.
 Поэтому вы четыре богатыря,
 И отправляйтесь четыре Сибири!»

Четыре богатыря отправились объезжать четыре Сибири. Через семь суток вернулись обратно. Сын Хотой Айбы, Наатык Мэргэн, владеющий Резвым Вороным конем, разыскал в средней Сибири Ытык Дьюорсуна – писаря.

Между тем прошло девять суток.

Владелец табунов с огромными кучами навоза Юрюнг Айбы Тойон говорит: «Выходя [отсюда], [Кулун Куллустуур] сильно разрушил, разломал мой сверкающий золотой пол. Мне больших трудов стоило заделать его. Если этот человек опять зайдет, он, пожалуй, покои мои распатает. Вынесите и поставьте между домом и коновязью восьмиугольный широкий стол, приготовьте подстилки для сорока четырех моих тойонов, поставьте для меня золотой стул на четырех ножках».

Вынесли и, как было указано, все приготовили. Когда все приготовили, владелец табунов с огромными кучами навоза Юрюнг Айбы Тойон сказал: «Ну вот, девять суток прошло, как парень лежит; наверное, обо всем догадывается. Выпустите его скорей из заключения!»

- Сын Кюн Тойона,
 Непобедимый силач Кюёнчэ Вёгё,
 Вместе с Сыном Ый Тойона,
 Силачом с железной хваткой Ыйыктай Боотуром,
 2600 Грузно ступая, побежали,
 Двери с грохотом открыли,
 Прыгнули на дно сибирки
 С пятирядными стенами.
 Оказывается, наш человек,
 Строптивный Кулун Куллустуур,
 Лежит себе, спит,
 Только храп раздается,
 Словно раскаты двух
 Столкнувшихся громов.
 2610 Подошли богатыри,
 Стали дергать [его], расталкивать,
 Напрасно пытаюсь спящего разбудить.
 Смотрят: в изголовье у него лежит
 Увесистая девяностопудовая
 Железная палица.

С трудом подняли ее богатыри,
Над самым лбом его занесли
И с силой опустили!
С грохотом упала эта палица
2620 На лоб спящему человеку!
И только когда она упала,
Спавший вскочил:

«О! Та-тат!¹⁵⁰ – воскликнул он и спросил: Неужели уже девять суток прошло?»

«Да. Вот, тойоны велели тебя позвать, – в один голос сказали вошедшие, говорят, девять суток уже прошло!»

Человек [наш] встал, схватил одежду свою, мигом напялил ее, собрал свои «железные доспехи и снаряжение. Сходил на двор¹⁵¹... Вернувшись, толкнул дверь сибирки, и она опрокинулась, как чугунный горшок. Грузно переваливаясь, выбрался человек [наружу].

Тяжелой поступью шел он,
Иссохшую глину.
Вдавливал до паха [своего];
Мерзлую землю
Вдавливал по коленным чашечки [свои];
Вниз острием волочил
Острую пальму свою
2630 С черной нечистью
Величиной с подстилку из шкуры медведя;
Под мышкой держал
Грозное копые свое,
Пылающее огнем кровожадности
Величиною со средний горшок.
Видит он:
За одним из углов
Восьмиугольного
Широкого белого стола,
2640 На четырехногом золотом стуле
Расселся человек – отменный из людей –
Ростом в девять саженей,
Словно выкованный о девяти гранях,
В золотой одежде
С головы до ног.
Оказывается,
Сидящий уставился на него
Глазами-кольцами своими,
Похожими на опрокинутые медные котлы.
2650 Сидит, оказывается, человек
С взглядом острым,
Как меч.
Раскрыл он книгу свою
Из листового серебра
Толщиною со связку сосновой заболони,
Поставил перед собой чернильницу
Величиною с копну,

- 2660 Занесенную снегом,
 Окунул в чернильницу золотое,
 С длинные вилы перо свое.
 Наш человек
 Не утрашился того,
 Что сидит перед ним богатырь,
 Не смутился тем,
 Что сидит перед ним человек,
 Не устыдился того,
 Что сидит перед ним якут, –
 Подошел к нему,
 Дерзко встал перед ним;
- 2670 Глазами своими, налитыми кровью,
 Стал, насупившись, смотреть на писаря,
 Огненными глазами своими уставился в упор.
 Писарь Ытык Дьуорсун, сидя, стал говорить:
 «Слушай, парень, Строптивный Кулун Куллустуур!
 Не взял в жены predetermined [тебе] Чынгырыыр
- Хааном,
- Предуказанную Мёнгюрююр Хааном,
 Предназначенную Орулуур Одун Хааном
- Кюн Толомон Нюргустай],
- Ты своей неслыханной дерзостью
 Заставил помрачнеть лучезарные лица таких людей, как мы,
 2680 Заставил потускнеть сияющие наши лики.
 Повадки свои – оставь!
 Придется взять тебе предназначенную хозяйку-жену!»
 На эти слова наш человек
 Громким голосом стал отвечать,
 Пронзительно глядя,
 Гневно стал распевать:
 «Муо-а, ой! Гляди-ка!
 Долговязый, ростом своим
 Надеешься, что ли, испугать
- 2690 Такого человека, как я?
 Кто не знал Тысы Суорун Хотун
 И Атыыр Суорун Тойона
 Кто не знал?!
 К чему кичиться ростом своим,
 Хвастаться видом своим?
 Не слишком ли бахвалились, думая:
 «Заставлю подчиниться человека,
 Не исполнившего указания
- 2700 Владельца табунов
 С огромными кучами навоза,
 Юрюнг Айыы Тойона?!»
 Запомни твердое слово мое!
 Никогда не возьму в жены
 Эту шаманку буйную,

Всесильную из ясновидящих,
 Пока на теле моем останется
 Хоть один кусочек мяса;
 Пока из костей моих останется
 2710 Хоть одна крепкая трубчатая кость;
 Пока из сухожилий моих
 Останется хоть тоненькая ниточка;
 Пока в спине моей, заслоняющей солнце,
 Хоть одна капля крови сохранится!
 Ты, первый всезнайка, заглядывающий
 В небесные книги!
 Если и выдашь [ее] замуж за меня,
 То лишь уничтожив мое тело и кровь!
 Если упорствуешь,
 2720 Выходи на чистое поле брани!
 Ой, буйака-ам!»
 Когда он так сказал,
 Писарь усмехнулся,
 Сверкнул улыбкой,
 Повернулся к тойонам своим:

«Вот, тойоны мои, слышали этого человека? Слова мои иссякли; если теперь опять заговорю – не знаю, останусь ли и жив».

Тогда владелец табунов с огромными кучами навоза Юрюнг Айбы Тойон спросил: «Что ж, так вот и будем сидеть? Придется раскрыть записи небесных писарей властного Рока: что там написали они?»

Писарь зашуршал, перекладывая листы, почитал-полистал – и кровь прихлынула к его лицу. Взглянув на тойонов, он так сказал:

«Ну вот, тойоны мои!
 Шесть писарей властного Рока так записали:
 На верхней стороне
 2730 Высокого неба с птицами-орлами ёксёкю,
 На другой стороне
 Скрежещущего неба с птицами-ястребами,
 За тем краем
 Бледного неба с птицами-перепелами,
 По ту сторону
 Холодного неба с птицами-соколами,
 На верхней стороне вихревого неба,
 Не дающего осесть градинам,
 На той окраине сверкающего неба,
 Не удерживающего крупинки снега,
 2740 В нижнем краю заклятого желтого неба,
 Где судят грешных и виновных,
 Есть черного небесного свода хребет,
 Сбрасывающий грешников вниз,
 В огненную смолу,
 [Возносящий] безгрешных
 В светлый верхний рай.
 На южной стороне этого хребта

Высится гора, которая называется: Столбовая гора

с писаницей.

- [Писаря властного Рока] так записали:
2750 «Если эти два человека
Не согласятся стать мужем и женой,
Из-за этого задержится продолжение человеческого рода,
Замедлится размножение разводимого скота,
Они загубят все живое.
Тогда никто не сможет усмирить [этих людей]
На этой вершине девятого неба.
Должны вы, – записано здесь,
С помощью заклятия девяти кэкэт-шаманов¹⁵²
Этого Строптивного Кулун Куллустуура,
2760 Как стоит он, так стоймя и превратить [его]
В камень на Столбовой горе с писаницей, –
Пусть останется там, пока не минет последнее тысячелетие,
Пока не наступит последний судный день!»
Про эту Кюн Толомон Ньюргустай-шаманку
С волнистой косой в девять маховых саженьей,
С дыханием, как шелковистая волна,
Записано так: «До тех пор,
Пока не минет последнее тысячелетие,
2770 Не должна она входить в отапливаемое жилище,
Не должна есть нечистую земную пищу,
Не должна иметь дела с одетыми в шубу с прорезью сзади,
Не должна знаться с одетыми в шубу,
Перехваченную в поясе¹⁵³,
Не должна заигрывать с молодыми людьми,
Не должна греться у тепла домашнего очага!
К вечным божьим девственницам причислить [ее],
А душу ее превратить в юёр»¹⁵⁴.
Теперь решайте сами, [как поступить]!»

Как услышали эти слова тойоны, сразу кровь прилила к их лицам. Сидели они молча, мрачные, словно ржавчиной покрытые.

Тогда заговорил владелец табунов с огромными кучами навоза Юрюнг Айгы Тойон: «Ты, дочь Ый Тойона, Ытык Ылбальдын-шаманка, и ты, дочь Кюн Тойона, Кюёгэль Нухал-шаманка, позовите-ка и приведите сюда скорее восемь божественных добрых небесных шаманок. Дочь Юргэл Тойона, Дьоргосун-шаманка, и [ты], дочь Арангас Сулуса, Кюн Сюрюгюльдын-шаманка, отправляйтесь-ка и призовите девять божественных кэкэт-шаманов, приведите их [сюда]!»

Начались сборы. И вот тогда наш человек, Строптивный Кулун Куллустуур, говорит: «Смотрите-ка! Наконец-то принято толковое решение! Ну, Ытык Дьуорсун-писарь, ты заслужил свою славу! А мне лучше в камень превратиться, чем терпеть такой тяжкий, черный гнет!»

- Услышав это,
2780 Кюн Толомон Ньюргустай-шаманка
С волнистой косой
В девять маховых саженьей,
С дыханием, как шелковистая волна,

- Трижды склонилась в мольбе,
Из глаз ее по щекам покатались слезы.
Плачет она,
Рыдает,
Речь говорит –
Песнь распевает,
2790 Такие слова сказывает:
«Му-ый-ыа! Хар-ха-ыар! Буйака-бын!¹⁵⁵
Сорок пять тойонов моих!
Перед вами, шею имея, склоняю голову я,
Суставы имея, преклоняю колени я,
Перед тремя тенями каждого [из вас] склоняюсь!
Прежде всего примите мою благодарность!
Вы как могли
Старались нас рассудить;
2800 Но не такой он человек,
Чтобы разуму внять, послушаться!
Обращаюсь к вам с огромной просьбой,
С великой мольбой.
Ведь и у меня были добрые дела в прошлом!
Вспомните: в давние годы
Сколько убегавших от вас изловила я,
Сколько погибавших выручила,
Сколько ваших умиравших спасла,
Увядавшим
Возвращала жизнь,
2810 Новорожденным,
Только что явившимся на свет,
Продлевала жизнь.
Тогда я не просила вас:
«Воздайте мне за это добро!»
Теперь мне, уродившейся светлолицей,
Пришло время погибнуть¹⁵⁶;
Мне, появившейся на свет белолицей,
Пришла пора умереть;
Мне, ставшей ясновидящей,
2820 Пришло время исчезнуть;
Мне, родившейся шаманкой,
Придется пропасть;
Мне, рожденной [в шаманском наряде],
Придется погибнуть,
Пришел, [видать], мой последний, смертный [час]
Вдумайтесь в серебряные слова мои,
Вникните в заветные слова мои!
Если б все у нас было по-доброму,
Оставались бы мы друзьями
2830 До вершины [жизни], до девяноста лет,
Когда, чтоб на ноги подняться,
Держатся за крючковатую палку-подпорку.

- Если б мы были счастливыми,
 Мы бы прожили [в дружбе-согласии]
 Полных восемьдесят лет,
 Когда, чтоб на ноги встать,
 Опираются на палку с развилкой.
 Назначенные свыше тойоны мои!
 2840 Дайте мне поступить с этим человеком,
 Как я пожелаю!
 Не окажусь ли я счастливой женщиной,
 Которая необузданность его укротит,
 Буйство его усмирит,
 Сделает его
 Мужем-хозяином своим?
 Попробую-ка я водить его вместе с собой,
 Не давая [ему] разорять людей айыы,
 Не дозволяя убивать солнечных людей.
 2850 Если спросите: «Где ж ты станешь
 Водить его вместе с собой?», [ответчу:]
 Просторно, говорят, в Нижнем мире,
 На дне ухающей обширной бездны страны Ютюгэн
 С блеклым печальным солнцем;
 Обширно логово, широко надворье улуса леших,
 Которые пахнут смрадно, бормочут невнятно;
 Алчность которых равна
 Завязкам пристегиваемых наколенников,
 Прожорливость которых равна
 Завязкам шапки.
 2860 Владеют [они] сумеречными еланями,
 Наклонными бродами.
 Вот, отправившись туда,
 Необузданность [Кулун Куллустуура] я укротила бы,
 Буйство его усмирила бы,
 Дикость его смягчила бы.
 Если же мне во время этих испытаний
 Придется убить его,
 Не выносите [тогда] слишком сурового приговора,
 [Подумав]: «Мужа своего жизни лишила!»
 2870 И если он убьет меня,
 Не выносите слишком сурового приговора,
 [Подумав]: «Вот, жену свою жизни лишил!»
 Запишите за мной договор-кабалу,
 Скрепленную кровью из мизинца моего¹⁵⁷.
 Пока я жива – не допущу, чтобы он поднялся до вашей земли.
 Если же просьбе моей не внемлете,
 Пойдете наперекор мне, скажете: «Так ей и надо!» –
 И захотите превратить меня в злого духа-юёр,
 Постараюсь опередить вас,
 2880 Высоко над вами занесу руки свои,
 Глубоко под вас запущу руки свои!

Ведь так жестоко заковать,
Живых обратить в камень,
Превратить в злого духа-юёр!
Ах, горе мне, горе!

Добрые тойоны, умоляю вас! Ый-ыйбыан, милые мои!»

Выслушав слова женщины, остолбенели все сорок четыре тойона вместе с писарем. Так они и сидели, остолбенелые.

Первым голос подал Уордаах Дьёсёгёй, до того молчавший:

«Среброгрудый жаворонок мой,
Медногрудый птенчик мой,
Говорящая вещая птичка моя,
2890 Молодая невестка, бедняжка моя!
Слова твои прошли через девять макушек моих!
Если вас, тойонов, не тронут мольбы ее,
Если обратите [его] в камень,
Превратите [ее] в злого духа-юёр,
Душа моя воспротивится.
Примите, тойоны, и мою просьбу:
Разрешите этой женщине, [что она просит], –
Так лучше будет!»

Тогда владелец табунов с огромными кучами навоза Юрюнг Айы Тойон и Уордаах Дьёсёгёй сказали: «Если тойоны не станут выражать недовольство, не скажут: «Наперекор нам, сорока четверем, отпустили, вынудили нас дать волю этим двоим, дали [им] задержать продолжение человеческого рода и размножение разводимого скота», если [все] будут согласны, [пусть] и тойоны подпишут договор, скрепят его кровью, [тогда] мы освободили бы этих людей».

Сорок четыре тойона на это отвечали: «Если даже и случится так, что эти двое освободятся и [вернутся] к нам, никто из нас роптать не будет; мы ведь тоже [их судьбой озабочены], потому согласны кровью скрепить договор».

Все сорок четыре тойона сошлись на одном: [все] обещали, что недовольных не будет, и попросили писаря Ытык Дьурсуна скрепить кровью слово [каждого].

Так было дано разрешение отпустить тех людей.

Тут наш человек, выслушав все, и говорит:

2900 «С давних пор и по сей день вы, тойоны, –
Черные обидчики с злодейскими решениями
И сейчас продолжаете свое черное дело.
Не такой я был человек до сих пор, чтоб ходить на поводу
у девушки!»

Как только случится убежать от нее –

Поднимусь к вам, [никого не пощажу], подумав:

«Это ведь люди моего божественного племени».

Ничем не поступлюсь, подумав:

«Это ведь люди моего солнечного племени!»

И задержится продолжение человеческого рода,

2910 И замедлится размножение разводимого скота, –
Будьте уверены, [так и будет]!»

Когда он сказал это, сорок четыре тойона объявили: «Девка! Куда ты хотела его увести, туда и уводи скорее прочь!» И еще они приказали: «Дочь Кюн Тойона, Кюёгальдыин-шаманка, дочь Ый Тойона, Ытык Ылбальдыин-шаманка! Несите скорее тете вашей ее одежду!»

Обе женщины быстро помчались, притащили одеяние молодой шаманки и, суетясь, стали надевать на женщину, вертясь вокруг нее.

- VII Кюн Толомон Нюргустай-шаманка
С волнистой косой в девять маховых сажений,
С дыханием, как шелковистая волна,
Взяла в левую руку
Белый овальный бубен свой
Величиной с небольшое озеро;
В правую руку взяла
2920 Глянцево-белую колотушку свою
Величиной с переднюю ногу
Упитанной восьмитравой кобылы,
Отрубленную вместе с восемью ребрами;
Трижды гулко ударила в бубен,
Пронзительным свистом вызвала
Колдовскую слизь свою
Из гибельного моря,
Расположенного на отдаленной окраине северных небес, –
Моря, бьющегося об истоки девяти болезней.
Будто горячим свинцом
2930 Брызнула этой колдовской слизью
В лицо и глаза нашему человеку,
Строптивому Кулун Куллустууру.
Наш человек,
Мгновенно ослепнув,
Начал хвататься за деревья и травы.
Схватив белую волосяную веревку,
Которой с расстояния трех дней пути
Опутывает коней своих
Владелец табунов
2940 С огромными кучами навоза
Юрюнг Айыы Тойон,
Шаманка пропела колдовскую песню,
Набросила веревку на нашего человека,
Опутала ею его руки и ноги,
Словно сетью.
Эта волосяная веревка
С треском-хрустом стала крепко стягивать человека
И, повалив его,
Покатила, как туго набитую суму.
2950 Сделав это, шаманка
Силой заклинания призвала
Особое свое облако,
На которое садятся шаманы,
С шумом полетела над самой землей,
Подхватила нашего человека
И черным бушующим вихрем
Величиною с урасу

- Семи зажиточных семей
 Забросила [человека] на свое облако .
 2960 И сразу же направилась
 В сторону южного склона западного неба.
 Когда она отправлялась, тойоны провожали ее благопожеланиями.
 «Дочка наша! Милое дитя наше! – говорили, –
 Если б ты укротила необузданный нрав этого человека,
 Усмирила буйство его,
 Смягчила дикость его,
 Сделала его мужем своим,
 Как бы мы были благодарны тебе!
 Дитя наше! Пусть тебя
 Не коснется коварное слово
 2970 Владящего татарской речью;
 Пусть не взглянет на тебя в упор
 Имеющий водянистые глаза¹⁵⁸;
 Пусть не повалит тебя
 Имеющий крепкую грудь;
 Пусть не догонит увязавшийся за тобой!
 Наш почтенный сынок, Строптивный Кулун Куллустуур!
 Пусть будет видна дорога,
 По которой отправился ты.
 Пусть не будет видна дорога,
 2980 По которой захочешь вернуться. Надолго прощай!»

Свистом гибкой лозы вдруг заполнило уши нашему человеку. Треск мерзлой лозы послышался. Послышался – и разом стих. И тут снизу донесся голос молодой шаманки:

- «Айхал-айхал, ойлуот-ойлуот!
 Уруй, кюёгэйэ-доммун!
 Дух-хозяйка матери-земли нашей,
 Созданной для размножения-устройства [нашего],
 Бэдэрдээх Бэбиэрэ Хотун,
 Имеющая бубном чашу,
 Разукрашенную узорным шитьем,
 Имеющая колотушкой священную ложку,
 Разукрашенную пучком из конской гривы,
 2990 Бабушка моя, прощай надолго!
 Дух-хозяйка восьмиободной, восьмиокраинной
 Первозданной Матери-земли нашей,
 Созданной для прокормления-пропитания [нашего],
 Первородная, приветливая
 Аан Мичик Хотун,
 Бабушка моя, прощай надолго!
 В далеком-далеком будущем,
 В день моего возвращения
 Мальчиком приветствуйте-одарите меня,
 3000 Девочкой приветствуйте-одарите меня!
 Не пропускайте же
 Духа леших в просторное жилище мое,
 Не допускайте.

- Огнеглазых адъараел в пристанище мое!
 Дух-хозяйка снежного горного прохода,
 Похожего на вывернутую наизнанку
 Мороженую шкуру быка,
 Который сверкает, словно мираж,
 Пестреет, словно шмель,
 3010 Который увидишь,
 Взглянув краешком левого глаза, –
 Ничири Баай Иэйэхсит¹⁵⁹!
 Приходится мне оставить без присмотра
 Круторогий, с раздвоенными копытами,
 Со спутанной шерстью,
 С запахом пота
 Тучный скот мой,
 [Стада которого надо считать] луговинами.
 Пригони его весь,
 3020 Не брось ни одного, даже паршивого, теленка!
 Дух-хозяин подъема-прохода,
 Подобного наизнанку вывернутой
 Мороженой шкуре
 Светло-буланого жеребца,
 Начало которого увидишь,
 Взглянув краешком правого глаза
 Туда, где, алея,
 Восходит, уподобившись красной чашке,
 Зимнее солнце мое, –
 3030 Дьёсэгёй Айыысыт¹⁶⁰!
 Пригони табуны,
 [Которые надо считать] долинами,
 Коней моих короткогривых,
 С чистой светлой шерстью;
 Не оставь ни одного
 [Хилого] жеребенка
 Со свалывшейся шерстью!
 Почтенные старцы мои!
 В далеком-далеком будущем,
 3040 Если придется мне обратиться с просьбой к вам, –
 Не [прячьте за спину]
 Щедрые руки ваши,
 [Не убирайте за спину]
 Дарующие, руки ваши!
 Прощайте надолго! Уруй, айхал!
 Буйный Рыжий конь мой,
 Резво перебирающий ногами,
 [Прошу тебя]: явись сюда!
 Уруй, айхал! Хоро, хоро¹⁶¹!»
 3050 Женщина-шаманка трижды сильно ударяет
 В белый овальный бубен свой
 Величиной с небольшое озеро,

- С присвистом чмокает губами,
 Принимает в бубен свой
 Вызванного ею коня,
 Превращает его
 В клубок спутанной шерсти рыжей лошади
 И мчится с гулом
 В сторону дальней окраины
 3060 Северного неба.
 Девять босоногих девок
 С нечесаными свисающими космами,
 Одетые в шубы
 Из шкур запаршивевших телят,
 Погоняя девятью белыми жердями,
 Спускают с горного прохода
 Плывущий бесконечной тучей-маревом
 Рогатый, с раздвоенными копытами
 Скот шаманки,
 3070 [Считать который надо] долинами.
 Согнали скот, опустили поперек
 Горного прохода тройные прясла¹⁶².
 Люди в дохах из шкур
 Со спин жеребят со свалывшейся шерстью,
 В коротких штанах из ровдуги,
 В торбазах, сшитых вместе с натазниками
 Из шкур задних ног жеребят;
 В рукавицах, сшитых вместе с рукавами [дохи]
 Из шкур передних ног жеребят;
 3080 Опоясанные кромками шкур,
 В шапках из шкур с голов жеребят,
 В наглазниках из жеребьячьих ушей,
 С шеями, укутанными хвостами
 Двухтравых жеребят
 Со свалывшейся шерстью, –
 [Эти люди] оседлали [жеребят]
 Вьючными седлами, крытыми древесной корой.
 Взнуздали тальниковой уздой,
 [Надели] поводья из тальникового лыка,
 3090 Хвосты превратили в поводья
 И заставили паршивых жеребят, [на которых сидели],
 Скакать по-мышинному;
 Спустили с пятнисто-пестрого прохода все табуны,
 Не оставив ни одного жеребенка со свалывшейся шерстью.
 Затем опустили поперек
 Горного прохода, тройные прясла.
 После этого средний из трех
 Ликующих холмов из чистого серебра
 Надвое стал раскалываться.
 3100 Как только он раскололся,
 Из него, извиваясь, сразу же

- Ввысь поднялся
Просторный божественный небесный проход,
Подобный разрезанному горлу черной лошади,
Запрокинутому вверх.
И тут же из этого раскрывшегося прохода плавно вышли две шаманки.
«Айхал, айхалбыт! – говорят, –
Уруй, гаоэгэлбит!
Прощай надолго,
Кюн Толомон Нюргустай, дитя наше,
3110 С волнистой косой в девять маховых сажень,
С дыханием, как шелковистая волна!
Пусть не коснется тебя коварное слово
Владеющего татарской речью;
Пусть не взглянет на тебя в упор
Имеющий водянистые глаза;
Пусть не повалит имеющий крепкую грудь;
Пусть не догонит увязавшийся за тобой!
В тот день, когда ты вернешься,
3120 Укротив необузданность, усмирив буйство,
Смягчив дикость' почтенного хозяина,
Одолеешь его, принудишь к покорности,
Сделаешь мужем своим –
Будем мальчиком приветствовать тебя,
Девочкой [будем] приветствовать!
Прощай надолго! Уруй, айхал!»

Как только они замолчали, засвистело в ушах у нашего человека, треском мерзлой лозы все заполнило. А что может знать и понимать человек, лишенный зрения?! Что происходит – не видит, что случится – не знает.

Вдруг по лицу его словно бы тонким тальником стало хлестать, в нос ударил скверный запах.

- Стал наш человек тут прикидывать:
«Это, должно быть, холодное дыхание
Незамерзающего моря, отца девяти рек,
Это, видно, пронизывающее дуновение
Араат-моря, отца восьми рек¹⁶³.
3130 Это, стало быть, сильный ветер засасывающей глубины,
Матери семи рек».

Летел он, думал так, и вдруг шаманка со свистом дунула ему в темя.

Сразу же раскрылись глаза у него, руки, освободившись [от веревки], хрустнули, как ремешки табачной трубки. Наш человек, вытянувшись, стал стоя падать вниз. А женщина, оставаясь наверху, громко кричала ему вслед:

«Айхал! Айхал! Ойлоот! Кюёгэйэ-доммун!
Хозяин моря-госпожи с девятью заливами,
Ставшей матерью девяти рекам,
Отец Араат-моря многоводного,
Ставшего отцом восьми рекам,
Хозяин засасывающей
Матери-глубины,
Ставшей матерью семи рекам, –

- 3140 Мы, Муус Буодьулаан-богатырь,
 Ездящий на буреломе, покрытом землей,
 Старший брат мой,
 Ближних соседей умертвивший,
 Дальних соседей уничтоживший,
 Кровнородственных соседей прикончивший,
 Обширный желудок свой ничем не насыщающий,
 Ни к какой жратве не знающий отвращения,
 Вот, поешь-ка!
 Принесла я тебе обильное угощение,
 3150 Щедрый подарок – бери!
 Уруй, айхал! Ойлуот-ойлуот!»

Наш человек стоя продолжает падать. Падая, думает: «Видать, эта негодница сбросила меня вниз, в незамерзающее море!»

- Смолит, заглядывая меж ног, –
 Показался город
 Пестро-узорный,
 Словно узоры сорока четырех бубновых карт.
 Посредине сверкает
 Восьмиугольная поварня-сруб
 С окнами на полудночной стороне¹⁶⁴
 С дверью на левой стороне,
 3160 С коновязью, установленной позади юрты¹⁶⁵
 С дымоходом, продолбленным, как пролом.
 Оказывается, падает [наш человек] прямо в этот дымоход.
 Так, стоя, падал он долго И юркнул в дымоход.
 Падая, он разворотил своей тяжестью
 Половину чувала вместе с шестком
 И застрял – до самого паха провалился,
 Проломив пол из цельного железа,
 Напоминавший спинки
 3170 Девяти щук, сложенных вместе.
 Шум от его падения
 Был страшнее
 Раскатов Сююлэ Хаана,
 Этот гром был страшнее,
 Чем зевок бога Хаана Дьяасына¹⁶⁶.
 С левой стороны
 От чувала сидела трехгорбая
 Юёрюктай Тимир Бёгюлюк.
 Была она дряхлой старухой,
 3180 В слабоумие впавшей.
 Не сумела она уберечь от сырости
 Бубен свой половинный –
 Вот и сушила его¹⁶⁷,
 Вверх дном перевернула.
 Оказывается, задремала она,
 Согнулась, лоб подпирая
 Колотушкой своей половинной;

- А сидела она, укрывшись
 Подолом ровдужного сарафана,
 3190 [Который], белея, [виднелся]
 На расстоянии пешего пути,
 Пройденного за день;
 Сидела, на себя накинув
 Наизнанку вывернутую
 Вонючую кухлянку,
 [Различимую] на расстоянии
 Дневного, перехода;
 Кривую полосатую шапку свою,
 С кругом из белой жести¹⁶⁸
 3200 Надела она набекрень.
 Одноногая, одноглазая
 Чудище-девка абаасы¹⁶⁹,
 Напуганная гулом от падения нашего человека,
 Ох сотрясения, вызванного
 Его падением,
 С грохотом свалилась
 Навзничь на железный пол;
 От этого сотрясения,
 Вызванного падением нашего человека,
 3210 Смердная ее кухлянка,
 Различимая на расстоянии дневного перехода,
 Разодралась от самого ворота,
 Распахнулась;
 Ровдужный сарафан ее,
 Который, белея, виднелся
 На расстоянии пешего пути,
 Пройденного за день,
 Надвое разорвавшись,
 Разом распахнулся;
 3220 Ее штаны оледенелые,
 Похожие на вывалянные в тине
 Мережи для ловли гальяна¹⁷⁰,
 Лопнули как раз
 Над непотребным местом.
 Девка абаасы лежала без памяти,
 Дрыгая худой длинной ногой.
 Время от времени
 Вкривь и вкось поглядывала
 Глазом цвета ржавчины,
 3230 Похожим на вечер
 Ноябрьского новолуния.
 Время от времени с хрипом
 Выдыхала алую кровь.

Наш человек с отвращением разглядывал ее от ступней до макушки, думал: «Что с этим страшилищем приключилось?»... Долго пробыла она в беспамятстве, а очнувшись, сгребла одежду, пожитки свои и, громко завопив, прыгнула за чувал-камелек. Там стала распевать крикливую песню свою:

- «Эсэллээтим-тасаллаатым,
 Игэлим-куогалым!
 Иэ-дьоммун, татайыкпын¹⁷¹!
 [Послушай-ка] бессвязные, туманные речи мои,
 Нескладный, невнятный рассказ мой,
 Крикливые песни мои,
 3240 Трескучие напевы мои¹⁷²!
 Муус Буодьулаан-удалец,
 Ездящий на буреломе, покрытом землей,
 Парень мой необузданный,
 Ближних соседей умертвивший,
 Дальних соседей уничтоживший,
 Кровнородственных соседей прикончивший!
 [Ты], обширный желудок свой
 Ничем не насыщающий,
 Ни от какой жратвы
 3250 Не знающий тошноты, –
 Что ж ты спишь беспробудным сном?
 Вставай, поднимайся скорей!
 В самую середку нашего темени
 Угодил пришелец –
 Так навалился,
 Как только может он навалиться!
 Девять суток уже,
 Как плачет чистой кровью мой кривой муосааны;
 Семь суток уже
 3260 Как плачет свежей кровью болтливый кээлээни¹⁷³.
 Нагрянуло, должно быть, тяжкое возмездие,
 Настал, зная, час расплаты нашей;
 Толстым слоем, видать, выросли наши пороки-грехи,
 Нот он и заявился,
 Как надлежало только ему заявиться;
 Вот он и свалился,
 Как подобало только ему свалиться;
 Наступил конец нашей привольной жизни,
 Пришло время смерти нашей.
 3270 Выходи же, сынок, спасай нас скорей!
 Иэ-доммун!»

После этих воплей старуха абаасы вырвала из темени три клока волос, бросила их в огонь, обернулась дымом и исчезла в пламени [очага]. Наш человек быстро окинул взором стену напротив входа: блестит там железная дверь – шире ворот во дворе русского купца. За этой дверью – то дальше, то ближе – слышится грохот и треск, словно раскаты грома, будто там одеваются-снаряжаются. Немного погодя дверь вдруг широко распахнулась.

Как только она распахнулась,
 Оттуда, кривляясь, вывалился человек:
 Если взглянуть на него при солнце –
 Заслоняет он солнце огромной спиной;
 Если взглянуть на него при луне –
 Заслоняет он луну широким туловищем.

- Уродливое его лицо,
Непристойного вида он.
- 3280 Наш человек своими огненными, как звезды, глазами
Стал в упор разглядывать вошедшего –
Снизу вверх, от ступни до макушки.
Видит: [у абаасы одна-единственная]
Выросшая вниз от промежины
Обледенелая толстая нога
Со смолистую сосну величиной;
Кончается эта нога
Железной выгнутой ступней,
Похожей на опрокинутую лодку-каюк,
3290 Сколоченную из девяти досок.
Имеет он [одну]
Выросшую прямо из середины груди
Загребущую руку
Величиною с половину засохшей лиственницы;
На ладони [этой руки] бугорки,
Подобные наплывам лиственницы.
Если взглянуть повыше,
Покажется [отвислая] нижняя губа –
Что глыба, отвалившаяся от бугра;
- 3300 Распахнутый рот –
Словно расщелина горы.
Если [в пасть его] заглянуть –
Редкие ржавые зубы [там],
Словно широкие лезвия семи ржавых топоров
Богатых жителей,
Торчат сверху и снизу –
Лезвие [против] лезвия.
За ними [в глубине]
Виден огненный язык-аркан
- 3310 Длиною в полторы маховые сажени,
Похожий на разложенные [одна за другой]
Селезенки семи коров,
Подохших [от моровой язвы].
Если еще повыше взглянуть –
Над огромной железной ноздрей,
Как опрокинутое полое бревно
С подгнившей сердцевиной,
Белеет, словно вечер полнолуния в январе,
Льдисто-прозрачный глаз.
- 3320 Если, разглядев все это, [спросить себя]:
«Во что же [должен быть] одет
Человек такого [непристойного] вида?» –
Повыше бедра
Кое-как натянул он
Обледенелые порты-штаны свои,
Подобные вывалянной в тине

- Мереже для ловли гальяна;
 Сверху натянул –
 До коленной чашечки –
 3330 Девяностопудовую крепкую
 Торбазину железную;
 Халат-камзол¹⁷⁴ на нем
 Шириной с половину поля-елани,
 Надет в обтяжку,
 Застегнут подряд
 На сорок пуговиц;
 Он туго перетянут
 Сыромятным поясом с семью железными пряжками.
 Кое-как натянул он
 3340 На огромную загребущую руку свою
 Длинною с половину сухостойной лиственницы
 Пятидесятипудовую рукавицу-перчатку.
 Туго обмотал шею свою
 Ошейником с погремущками¹⁷⁵,
 Сделанным из тридцати
 Скрепленных [друг с другом] кусков железа.
 На голову напялил он набекрень
 Девяностопудовую
 3350 Шапку свою, сделанную
 Из девяти скрепленных железных брусков.
 Не мигая, уставился он на нашего человека
 Ледяным, прозрачным,
 Что вечер полнолуния в январе, глазом.
 Из глаза его на лицо нашему человеку
 Посыпались искры
 [Так густо], будто стряхнули снег
 С запорошенной ели.
 Засмеялся, закривлялся он.
 Шлеп-шлеп – похлопал
 3360 По бедрам своим,
 Торопливо развязал опояску,
 Порылся-поискал над непотребным местом своим,
 Быстро ухватил и вытащил
 Железную табакерку [величиною]
 С высокий короб [для рыбы]
 У зажиточных людей,
 Щелкнул по крышке пальцами,
 Хлопнул так, словно это шаманский вихрь-табык¹⁷⁶,
 И мигом открыл крышку.
 3370 Глубоко, до отказа набил ноздрю
 Колючими, жуками,
 Жгучими муравьями,
 Громко чихнул, смачно высморкался¹⁷⁷.
 От этого [чиха]
 Белозадые жуки-водолубы

- И лягушки пестрогрудые,
 Падая, дважды и трижды подпрыгивали.
 От плеча к плечу перекидывая
 Огненный аркан-язык свой
 3380 Длинною в полторы маховые сажени,
 Абаасы смачно облизнулся.
 Когда, табакерку убирая,
 Стал он стягивать
 Ремешки натазника своего,
 Понесло вонючим,
 Тяжелым смрадом.
 Кривляясь, подскакивая,
 Широко раскрывая пасть,
 Начал абаасы так говорить:
 3390 «Ма-ай да¹⁷⁸, дугар!
 Ой да, дугар!
 Из рытвин какой страны объявился ты?
 Из ухабов какой страны пожаловал?
 Лучшими дарами какой чудесной Сибири
 Ты вскормлен,
 Что вырос таким кичливым?
 Какой первозданной водой был вспоен,
 Когда созрел и мужал?
 Кто ты такой?
 3400 Вот есть, говорят,
 Строптивый Кулун Куллустуур,
 Рожденный в тихом краю
 Средней райской страны,
 Где деревья, сваливаясь, не редуют,
 Вода, испаряясь, не убывает,
 Где ежедневно восходит почитаемое
 Белое солнце,
 Где еженощно сияет
 Светлая луна.
 3410 Не ты ли это, а?
 Так вот ты каков!
 Какие широкие плечи,
 Крепкие мышцы, мощные кости!
 А глаза – как острый меч!
 И лицо, и весь вид твой – внушительные!
 Девяносто суток не был я сыт,
 Восемьдесят суток не ел.
 Наконец-то я, оголодавший, наемся,
 Наконец-то я, отощавший, располнею!
 Толстую кожу твою рассеку,
 3420 Густую кровь твою выпущу,
 Крепкие кости твои сокрушу,
 Здоровое тело твое порублю!
 Ой, буйака-ам!»

Сказав [так], шагнул он вперед, вразвалочку приближаясь к нашему человеку.
Тут наш человек, проламывая пол, выбрался оттуда и разразился гневными словами:

«Мо-о, хор-хор!
Послушайте-ка,
Что брешет
Одноглазый атаман адъараев!
Вот обида!
Гляди-ка,
3430 Как горло дерет
Одноглазое чудище!
Ишь, как разорался леший,
Однорукая образина!
Только и думаешь, как бы в рот запихать
Все, что ни увидишь!
Так и помышляешь, как бы сожрать
Каждого, кто встретится тебе!
Да я толстую кожу твою рассеку,
3440 Крепкие кости твои сокрушу,
Темную кровь твою выпущу,
Ею окрашу железный свой меч!
Пикой железной
Изрублю твое тело в клочья
И отдам их [в дар] Байанаю¹⁷⁹!
Ай, буйака-ам!»

Абаасы! сказал: «Вот досада, приходится слушать дерзкие слова такого ничтожества!»

Тем временем наш человек
Ухватил свою девяностопудовую
Железную палицу-булаву
И крепко ударил абаасы
3450 Чуть повыше
Прозрачного глаза его.
Истошно завопил абаасы,
Ответно начал
Во всю мощь размахивать своей колотушкой.
Выскочили [наружу] они,
Проломив в нескольких местах
Поварню-сруб,
Стали друг друга
Нещадно бить.
3460 За спину пошвыряли
Девяностопудовые
Железные палицы свои.
Наш чаловек
Сгреб и скрючил абаасы,
Ухватив его за шею и пояс штанов.
Абаасы изловчился
И нашего человека
Неприметно схватил за промежину.

- 3470 С криками они начали
 Друг друга с боку на бок перекидывать,
 С ревом стали
 Друг друга подбрасывать.
 Трое суток боролись.
 Оказались силами равны.
 И тут наш человек стал громко распевать:
 «Мо-о, хор-хор!
 Я-то думал: ты – отменный из [леших] южного мира ¹⁸⁰,
 [Потому] пытался лишь голенью да локтем
 Тебя сдержатъ.
 А теперь [вижу]: пора мне от тебя освободиться!»
- 3480 Мощные мышцы мои заиграли,
 Прихлынула бешеная кровь моя,
 Гнев и ярость мои приумножились!
 Говори последнее слово свое,
 Надевай погребальные одежды свои,
 Усаживайся на жертвенного коня своего¹⁸¹!
 Ой, буйака-ам!»

В ответ на это абаасы так сунул кукиш, что наш человек отпрянул, но тут же ринулся вперед, заставляя абаасы пятиться, и, изловчившись, резко притянул его к себе, перебросил через бедро и с такой силой отшвырнул богатыря абаасы, что вогнал его в землю на семь саженой. И сел верхом на широкую грудь поверженного. Абаасы схватил руку нашего человека, держащую нож, и стал отводить ее вверх от себя...¹⁸².

- 3490 Прямо с северной стороны выскочило
 Заговоренное абаасы волшебное облако.
 Вскоре это облако
 Сгустилось над самой головой
 Нашего человека.
 Издали слышались удары
 Половинной колотушки;
 Гулкие звуки раздались
 Половинного бубна шаманского,
 Раздались слова шаманки абаасы,
 Ее пронзительный голос:
 «Исилик-тасылык,
 Иэгэлим-куогалым!»
- 3500 Иэ-доммун, татай,
 Пронзительные песни мои,
 Трескучие напевы мои!
 Дочь Илбиса¹⁸³,
 Старшая сестра моя –
 Скребущие ступни,
 Острая грудь,
 Бедрa – ножницами –
 Шаманка Кыыра Чохчой¹⁸⁴!
 Приходи, выручай!
- 3510 Вытряхни скорей [на врага]

Пылающую огнем кровожадность
Величиною со средний горшок!
Пришло, видно, время,
Когда человек солнечного рода айыы
Одолеет-погубит племянника моего.
Иэ-доммун, татай!»

Тут прямо с южной стороны [неба] прилетел, неуклюже взмахивая крылами, черный, трехгорбый ворон гибели. Трижды натужно прокаркал он, хищно, кровожадно. Шаманка абаасы выставила острием вперед восьмисаженную, девятигранную пику свою. Ворон сбросил вниз пылающий огонь кровожадности величиною со средний горшок. Этот огонь, упав на острие пики, задрожал пламенем. Как только упал этот огонь, шаманка абаасы крикнула:

- «Парень, сын
Солнечного племени айыы!
[Посылаю тебе] десяти своих пальцев дар,
3520 Пяти своих пальцев подачку¹⁸⁵!
Да будет мне удача!» –
И метнула вниз
Пику свою.
Когда эта пика
С шипением стала падать
На стантовую жилу нашего человека,
Он мгновенно
Краешком глаза
Кинул острый взгляд,
3530 Уклонился,
Чуть подавшись в сторону,
И наотмашь ударил [по пике]
Восьмигранной, твердой, как лед,
Рукой своей.
Пика отскочила на середину поля,
Разом переломилась на три части,
Разлетевшиеся в разные стороны.
«У-у, девка! – каркнул ворон, –
Самый несчастный выпал вам удел,
3540 Само острие лезвия направлено на вас.
Пришла пора
Пропасть всему вашему
Материнскому роду,
Сгинуть всему вашему
Отцовскому роду.
Пусть тебя ждет твое,
Пусть меня ждет мое¹⁸⁶.
Прощай надолго!» –
Каркнул ворон и полетел, выгибаясь,
3550 Прямо в южную сторону [неба].
Шаманка, метнувшая пику, сказала:
«Почтенная старшая сестра моя,
Прощай надолго!

- Пусть тебя ждет твое,
Пусть меня ждет мое!
Я не из тех старух,
Что дышат вашим дыханием^{187!}»
Сказав так, [она]
С шумом полетела прямо на север.
- 3560 Трехгорбая
Юёрюктай Тимир Бёгюлюк
Обернулась вороном,
С шумом спустилась вниз.
Трижды повалялась-покаталась,
Приняла свое обличье,
Растопырила когти свои
И кинулась на нашего человека.
Наш человек успел отскочить в сторону
И мощным пинком рассек ее надвое –
- 3570 От зада до черного носа.
А того Муус Буодьулаана-богатыря
Заставил молить о пощаде словами,
Которые он никогда еще не произносил,
Вынудил просить словами,
Которые он до этого никогда не говорил, –
И убил, на части разорвал!
Вырвал грудь вместе с брюшиною...
И шлепнул на срамное место [абаасы].
За гортань ухватился,
- 3580 Вырвал ее
Вместе с легкими, печенью, сердцем и венами,
Вместе с жилой становой, растянувшейся,
С обеими вздутыми почками
И местом срамным;
Нацепил все это
На конец свирепого копья своего,
Пылающего огнем кровожадности
Величиною со средний горшок,
Повернулся в южную сторону [неба],
- 3590 Стал говорить такие слова:
«Мб-о, ой, буйака-ам!
Дочь Илбиса, старшая; сестра –
Скребущие ступни,
Бедрa – ножницами,
Острая грудь, –
Кыбра Чохчой-шаманка!
Чем хотела поживиться у леших,
Обещала им помощь, прилетала,
Сбрасывала кровожадность?
- 3600 У меня есть щедрый дар,
Обильное угощение:
Получай десяти моих пальцев дар,

Пяти моих пальцев подачку!
Муой-йака-ам!»
Услышав это, прилетел,
Неуклюже взмахивая крыльями,
Трехгорбый ворон гибели
И сказал:
«Э, парень,
3610 А не хитришь ли ты?
Может, притворяешься,
Чтоб поймать меня на приманку?»

Трижды ворон покружился, шумно вверх взмывая. Затем бросился вниз, когтями сорвал все, что было нанизано на острие копыя, и, краешком; глаза продолжая коситься [на богатыря], полетел прямо в южную сторону [неба]. Улетая, так славословил, благодарил:

«Чолугур-чалыгыр¹⁸⁸,
Исиллигим, эр дьаалы,
Обильно угощение,
Щедр дар
Сына божественного солнечного племени
Носящих серебряные серьги –
3620 Всегда угощение отменное!
Чуукур-чаакыр!»
С этими словами ворон, с шумом махая крыльями,
прочь улетел.

Наш человек, громко топая по земле,
Такие слова говорит:
«Мо-о, хор, хор!
Внизу, в Нижнем мире,
Под блекло-печальным солнцем,
В обширной ухающей бездне,
Которая не всколыхнется, если закричать
На вздыбится, если заорать,
3630 Не прогнется, если надавить, –
В той стране леших,
Которые пахнут смрадно,
Бормочут невнятно,
Алчность которых равна
Завязкам пристегиваемых наколенников,
Прожорливость которых равна
Завязкам шапки;
У владеющих сумеречно-темными еланями,
Наклонными бродами,
3640 У царя Буор Мангалая-старика
Буор Сюрэя Тойона
Есть любимый младший сын –
С кортиком из девяти лопат, заляпанных землей,
Со скипетром из семи заржавленных топоров
с широким лезвием,
С посохом из двух закаленных кайл,

- С девятью незаживающими ранами [на лице] –
 Дитя гибели Ёндель Хара Тимир Бэкийэ-богатырь,
 Приятель мой!
- 3650 Я, Строптивный Кулун Куллустуур,
 Стал атаманом божественных солнечных богатырей,
 Одариваю тебя обильным угощением,
 Подношу тебе щедрый дар.
 Ешь, угощайся! Мо-о-ой, буйакам!»
 Снизу раздались звуки,
 Будто бы глухой человеческий смех,
 Из-под земли мелькнула тень
 Словно бы растопыренной лапы –
 И мигом исчезли останки убитого абаасы.
- VIII
- 3660 У человека,
 Убившего атамана всех абаасы,
 Муки-страдания стали затихать,
 Шишки-рубцы стали заживать.
 Ступая тяжело, вперевалку,
 Прохаживался он взад в вперед.
 Когда он прохаживался так,
 Прямо с восточной стороны подул
 Пронизывающий горячий ветер,
 Вылезло затем особое облако,
 Призванное силой заклинания,
- 3670 На которое садятся шаманы.
 Женщина-шаманка
 С сияющим ликом,
 Подобным девяти солнцам,
 Соединившимся в одно,
 Надвое колотушкой рассекла
 Свое облако
 И плавно опустилась
 Перед нашим человеком;
 Шагая прямо навстречу,
- 3680 Она не спеша подошла к нему.
 Но с какой это стати недруги-враги
 Будут [мирно] беседовать?!
 Как только встретились они,
 Стали друг друга [бить],
 Как только сошлись,
 Друг друга начали грызть.
 В гневе криком кричали,
 В злобе громко вопили, –
 Все [вокруг] вихрем закружилось;
- 3690 Ярмарку-город пестроузорный,
 Подобный [сорока] картам бубновой масти,
 Вдребезги [разбили], все здесь истоптали.
 Поднялся гибельный шум и грохот.

- Непрерывно дрались [они],
 Словно конь с кобылою,
 Тридцать суток месяца,
 Шестьдесят суток двух месяцев,
 Полных девяносто суток трех месяцев.
 До того они додрались,
 3700 Что оба в незамерзающем море
 По самые коленные чашечки оказались.
 Спереди у них выступил
 Материнский пот,
 По спине у них побежал
 Отцовский пот.
 Женщина по своему обыкновению
 Вызвала силой заклинания
 Особое облако,
 На которое садятся шаманы.
 3710 Брызнула изо рта колдовскою слизью,
 Облепила ею лицо,
 Слепила глаза человеку,
 Крепко связала ему руки и ноги
 Волосяною белою веревкой,
 Обвила [связанного]
 Черным крутящимся вихрем
 Величиною с урасу семи богатых семей,
 Подняла и забросила
 [Человека] на облако;
 3720 Понеслись они
 Со свистом мерзлой лозы
 В сторону далекой окраины
 Северного неба.
 Сколько они летели –
 Не знал наш человек.
 Вдруг в выси звонко раздались
 Слова шаманки:
 «Айхал-айхалбын! Ойлуот!
 Кюёгэйэ-доммун!
 3730 Уот Курбай-шаманка,
 Солнечная подруга моя!
 Принесла я тебе щедрый дар,
 Обильное подношение,
 Жир шипящий,
 Масло хрустящее¹⁸⁹,
 Отведай, поешь!
 Уруй, айхал! Кюёгэйэ-доммун!»
 После этого она с шумом дунула
 В темя нашему человеку.
 3740 Сразу же раскрылись глаза у него,
 Руки и ноги освободились.
 Вытянулся он и начал стоймя падать вниз.

- Продолжая падать,
 Озирался он, глядел между ногами.
 Оказывается, на западном берегу
 Незамерзающего моря, вобравшего в себя девять рек,
 На среднем из девяти полосатых холмов
 Обосновалось и живет чудовище.
 3750 Падает [человек], оказывается,
 Прямо в дымоход чудища,
 Похожий на дыру,
 Проткнутую над жильем.
 Сколько может продолжаться падение?
 Человек наш тут же выпал из дымохода,
 Вдребезги разбил правую половину чувала,
 Правую половину шестка
 И провалился до самого паха
 В пол из цельного железа,
 Похожий на спины девяти щук,
 3760 Сложенных вместе.
 К левому краю чувала
 Прислонилась, дремала старуха:
 Вернувшись к себе,
 Она отсыревшие колотушку и бубен сушила.
 С испугу старуха
 Громко вскрикнула,
 Но не свалилась без памяти.
 С криком:
 «У-у, татай!»¹⁹⁰ –
 3770 За чувал убежала.
 Наш человек,
 Разворотив пол, вылез
 И тут же пустился за нею в погоню.
 Гоняясь за ней,
 Трижды обежал он вокруг чувала,
 Чуть-чуть не схватил ее за космы,
 Но старуха-абаасы,
 Вырвав из косм
 Три пучка [волос],
 3780 Бросила их в огонь,
 Обернулась дымом
 И скрылась в пламени.
 Как только она исчезла,
 Наш человек проломил
 Там и тут [стены]
 [Похожего на холм] полосатого жилища
 И выскочил наружу.
 А та старуха-абаасы, оказывается,
 Уже сидела на особом облаке,
 3790 На которое садятся шаманы;
 Сидела там И вот как вопила:

- «Асаллаата, исилим-тасылым!
 Игэлим-куогалым,
 Иэ-доммун, татайбын.
 Бессвязно-невнятные речи мои,
 Нескладно-путанные рассказы мои,
 Крикливо-непристойные песни мои!
 Постой-ка,
- 3800 Выслушай меня, парень,
 Не грехи на безгрешных,
 Не суди безвинных,
 Не разорь светлое,
 Дорогое, как околосердечный жир, становище мое.
 Здесь добра не увидишь,
 На беду же напорешься!
 Заставлю тебя нарваться на беспокойного,
 Заставлю столкнуться с острым, [как лезвие].
 Два черных ворона гибели¹⁹¹ –
- 3810 Вверху пребывающий народ мой, –
 Будьте поближе!
 Два серых волка –
 Живущий на самой южной стороне народ мой –
 Будьте поближе!
 Домочадцы мои,
 Два голодных медведя –
 Находящийся на западе народ мой –
 Будьте поближе!
 Два черных быка гибели –
- 3820 Живущий на самой северной стороне народ мой –
 Будьте поближе!
 Выросший во славе на острове
 Незамерзающего моря-матери, куда вливаются девять рек,
 Девяти сажений в полный рост,
 С девятью гранями в обхвате,
 Необузданный, лихой
 Турбутунан Тимир Суорун, сын мой,
 Явись поскорей!
 Сами прибыли [к нам] жир шипящий и масло хрустящее!
- 3830 Ала Мюльгюн-богатырь,
 По шее бьющий, по плечам ударяющий,
 Рожденный отцом Ончолуун Тойоном,
 Рожденный матерью Хомпоруун Хотун,
 Дорогой мой муж, любовник мой,
 Постарайся скорее поближе быть!
 Иэ-доммун, татай!»
 До самого дна взволновалось
 Незамерзающее море, куда впадают девять рек;
 Человек айы на него взглянул [и увидел:]
- 3840 Появилась [на море] лодка-каюк, сколоченная из девяти досок,
 Зашлепало железное весло¹⁹² из семи брусьев.

- Лодка в несколько сильных [рывков]
 [Стремительно] приблизилась к берегу,
 На три сажени [выгребла] носом землю и песок
 Под самым жилищем той шаманки.
 Из лодки выскочил Здоровенный человек
 С огромной спиной, заслоняющей солнце;
 Переваливаясь с боку на бок, зашагал он
 3850 Навстречу нашему человеку.
 Человек айыы стоял,
 В упор разглядывая его.
 А на него продолжает идти вразвалку
 Человек из сплошного железа
 Девяти саженей в полный рост,
 Девяти граней в обхвате.
 Видать, весь он – без швов и спаек,
 Целиком из сплошного железа.
 Наш человек,
 3860 Строптивый Кулун Куллустуур,
 И без абаасы обезумел,
 Без вина опьянел,
 Стремительно ринулся ему навстречу.
 Из единственного глаза абаасы
 Искры густо посыпались вниз,
 Как снег с верхушки запорошенной ели,
 Когда ее сильно встряхивают.
 [Железный человек] с перекошенным от гнева лицом
 Стал говорить такие слова:
 3870 «Бай, да, дуга-ар! Гляди-ка, друг!
 Из рытвин какой страны [появился] ты,
 Такой безмозглый дуралей,
 Настолько же глупый, насколько и толстый?
 Из ухабов какой страны вылез ты,
 Бестолковый по-глухариному¹⁹³,
 Настолько же бестолковый, насколько и долговязый.
 Чего ради разорил светлое,
 Как околосоудный жир, становище
 Моей юбэй хотун-матери¹⁹⁴,
 3880 Матери такого человека, как я?!
 Толстую кожу твою рассеку,
 Темную кровь твою выпущу,
 Крепкие кости твои разрублю,
 Здоровое тело твое раздеру!
 Солнечную землю мою презревший,
 Благодатную землю мою возненавидевший,
 Откуда прибыл ты, образина?
 Ой, буйака-ам!» – [так] сказал.
 [В ответ] человек айыы,
 3890 Строптивый Кулун Куллустуур,
 Стал [так] говорить,

- Такие слова молвить:
 «Мо-о, хор-хор!
 Ты, ставший атаманом
 Неуживчивых из отцовского рода,
 Девяти саженой в полный рост,
 Турбутунан Тимир Суорун-богатырь!
 Ты – из улуса леших [главный],
 3900 А я – Строптивный Кулун Куллустуур,
 Из солнечного улуса айыы!
 Когда у одного из нас
 Тело будет изрублено и перехватит дыхание,
 Только тогда и отдохнем мы с тобой.
 Встретились мы как на кончике ножа,
 Сошлись мы как на лезвии [ножа]!¹⁹⁵
 Чем в двух странах
 Делить нам славу,
 Лучше одному из нас пасть!
 3910 Ой, буйака-ам!»
 Как только сказал эти слова
 Человек айыы,
 Стал он своей девяностопудовой железной палицей
 Колотить абаасы по самому темени.
 Абаасы воскликнул:
 «Вот ведь досада! [Гляди-ка], какова дерзость
 Этого наглого ничтожества!» –
 9320 Выхватил девяностопудовую железную
 Увесистую палицу свою
 И, размахивая ею,
 Пошел лупить [человека айыы];
 Стали долбить они
 Друг друга,
 Грохот [подняли] такой,
 Словно кувалдой [бил]
 Кузнец Мёнгюрююр¹⁹⁶.
 3930 С южной стороны
 Два серых волка прибежали,
 Морды вытянули,
 Вскочили на обе лопатки
 Человека айыы,
 Стали с хрупаньем его грызть,
 С хрустом когтями раздирать,
 С западно стороны
 Прибежали два голодных медведя,
 С ревом и рыком
 3940 Прыгнули на колени
 Человеку айыы,
 Упираясь, стали [рвать]-тянуть
 Подколенные его сухожилия,
 Сверху спустились

- Два черных ворона гибели,
 С карканьем уселись
 На темя [человеку айыы]
 И стали постукивать, клевать.
 С северной стороны
 3950 Прибежали
 Два черных быка гибели
 С длинными, огромными черными рогами,
 Бороздящими небо,
 И с мычанием,
 С ревом,
 С фырканием стали его бодать,
 Норовя проткнуть насквозь,
 Старуха им помогала,
 Стала сбоку бить,
 3960 Часто ударяя,
 Вдесятером напали
 На одного Строптивного Кулун Куллустуура.
 Вскоре
 Прямо с восточной стороны
 Послышался шум-свист от крыльев орла.
 Весь полосатый,
 Словно стянутый
 В трех местах [поясом]-кушаком,
 Орел с шумом прилетел и уселся¹⁹⁷
 3970 На острой [вершине] облака,
 Над головами борющихся.
 Резко щелкают [его] железные
 Загнутые когти,
 Похожие на черненые
 Косы-горбуши,
 Сложенные концами
 В разные стороны.
 Из-под острого
 Черного клюса [его],
 3980 Похожего на прямо поставленный лом,
 [Исторгаются] звуки
 Звонче ударов молота
 О наковальню
 Великого кузнеца.
 Стал орел говорить
 Такие слова:
 «Чонг, чанг, чинг, чунг, чангыйбыан!
 Рожденная,
 Чтоб разорить девять городов,
 3990 Уот Курбай-шаманка,
 Ты появилась, негодница,
 На самой вершине давних лет,
 Ранней весной,
 Когда угощают первым молоком¹⁹⁸;

- Притворилась самой скромной из [всех] наряженных,
 Самой разукрашенной изо всех щеголих,
 Самой стройной из носящих косу;
 Притворилась-перекрасилась,
 [Наверх] поднялась¹⁹⁹, чтоб распутничать;
 4000 Околдовала, соблазнила меня,
 Отняла у меня мой первый счастливый приплод
 И родила девяти саженой в полный рост,
 Девяти граней в обхвате
 Турбутунан Тимир Суоруна-богатыря.
 А теперь ты, мерзавка, толкнула его
 Лицом на крепкую грудь
 Строптивного Кулун Куллустуура –
 Сына Уордаах Дьёсёгёя Тойона
 И Дьюсюлю Хотун!
 4010 Не из бахвальства ли думаешь:
 «Становую жилу перерву, да и съем
 Строптивного Кулун Куллустуура?!»
 Этот богатырь айыы
 Уничтожит тебя со всем материнским родом,
 Разорит тебя со всем отцовским родом!
 Прощай навек!
 Строптивный Кулун Куллустуур
 Доводится мне дальним родственником²⁰⁰,
 Потому не помогаю [вам] –
 4020 В страну свою спешу.
 А вы – как хотите.
 Хотите – стойте на ногах,
 Хотите – становитесь на голову!»
 Так сказал и с шумом полетел обратно.
 А эти, оставшиеся,
 Только теперь начали настоящий бой,
 Только сейчас ввязались в смертную драку.
 Все оружие, какое было у них,
 Раскрошили, в пепел развеяли.
 После этого уцепились они
 4030 За пояса штанов,
 Ухватили друг друга за шею.
 С криками, воплями стали [друг друга] перекидывать»
 С гиканьем, ревом стали [друг друга] подбрасывать.
 Как с кобылою конь, бились они
 Тридцать дней и ночей одного месяца,
 Шестьдесят дней и ночей двух месяцев,
 Девяносто дней и ночей трех месяцев,
 Сто двадцать дней и ночей четырех месяцев,
 Сто пятьдесят дней и ночей пяти месяцев!
 4040 Но за все это время ни один из них
 Не смог осилить другого.
 Так и продолжали драться –

На равных,
Как зубья одной пилы.

IX

- Во время боя
Продавили они середину земли
И, вцепившись друг в друга,
Все вместе с шумом провалились в Нижний мир.
Когда они так падали,
4050 Только старуха успела выскочить наверх;
Падая, они раздавили
Дома сорока четырех семей.
Поднялась суматоха невообразимая,
[Слышны были] и крики,
И вопли, и плач,
И стенания.
Борцы вырывали с корнями
Растущие в этой стране
Железные ели –
4060 Со скрюченной корой,
Свисающими вниз ветвями,
[Которые] скручивались
[Против хода] солнца, –
Делали из них дубинки
И снова начинали биться.
Если бы взглянуть
На все войско девки абаасы,
То увидели бы:
4070 Два черных ворона гибели,
Пытаясь продолбить
Темя человеку айыы,
Клевали-клевали,
Пока не иступили
Клювы до основания, –
Могли теперь
Только сидеть да каркать.
Два серых волка
Напрасно пытались разгрызть,
Разодрать когтями
4080 Лопатки [человеку айыы] –
Только когти иступили свои до мяса,
До самых десен
Поистерли зубы свои,
Могли теперь только
Сидеть да выть-завывать.
Два голодных медведя,
Пытаясь растерзать человека,
Тянули-тянули, приседая,
Рвали-рвали когтями
4090 Подколенные сухожилия –

До того истушили когти свои,
 Что стали они как лопатки;
 Зубы искрошили до самых десен,
 Обессилели,
 Могли теперь только лежать
 Да ревмя реветь.
 Два черных быка гибели
 С фырканием, с ревом
 4100 Пытались насквозь прободать [человека айыы],
 Пока не истушили рога свои до основания;
 Порывались еще боднуть,
 Но могли только
 Назад пятиться,
 Задыхаясь и отфыркиваясь.
 Все они
 Даже на клопный укус
 Не причинили боли человеку айыы.
 Абаасы, думая,
 4110 Что палкой своей
 Он бьет человека айыы,
 Не разобравшись,
 Колотил своих уставших [помощников].
 А когда они
 Совсем обессилели,
 Грозный бой продолжали
 Только богатыри – вдвоем,
 С хлюпаньем ступая
 По самые щиколотки
 4120 В крови разбитых [помощников абаасы].
 Упорный, бой усилился,
 Жестокая битва дошла до предела;
 Все, к чему прикасались они,
 Перевертывалось;
 Все, что под ноги им попадалось,
 [Опрокидывалось].
 Какие бы ни встречали
 На своем пути
 Деревья и травы,
 Все крушили, корежили –
 4130 [Так, бывает], огонь
 Бересту сворачивает.
 Все, кому удалось
 Ускользнуть от этой драки,
 Все, кому удалось избежать ударов,
 Побежали жаловаться почтенному царю своему
 Буор Мангалай Буор Сюргэй-старик:
 «Ой, спаси!
 Помоги, господин наш,
 Царь наш!»

- 4140 Ну и свалились же [на нас],
 Как только они могли свалиться!
 Ну и явились же [к нам],
 Как только они могли явиться!
 Один из них – атаман всех абаасы,
 Другой – самый большой из всех айыы;
 Они [нас] истоптали вконец,
 Словно по снегу бегали,
 Словно по воде брели.
 Из-за них всякие несчастья случились,
- 4150 [Неисчислимые] беды приключились,
 Настоящий содом начался.
 Дорогой господин наш!
 Надели нас благоразумием десяти людей,
 Мудрым советом ста людей!» –
 [Вот так] они стали просить.
 [Буор Мангалай Буор Сюргэй Тойон] говорит:
 «О, оказывается, беды навалились,
 Напасти нагрянули!
 Кто бы это мог быть?
- 4160 Кто же они такие?
 Пожалуй, смогу догадаться,
 Пожалуй, в силах смекнуть:
 Один из них – наш парень,
 Сын Уот Курбай-шаманки,
 Рожденной для разоренья семи городов, –
 Девяти саженьей в полный рост,
 Девяти граней в обхвате
 Турбутунан Тимир Суорун-богатырь;
 Окаянный, он
- 4170 Обладает силой
 Сорока девяти лучших богатырей.
 О [другом же], верхнем, [вот что скажу]:
 Говорят, есть господин девятого неба,
 Царь восьмого неба,
 Князь седьмого неба,
 Владелец табунов
 С огромными кучами навоза
 Юрюнг Айыы Тойон.
 Их семь братьев,
- 4180 По слухам, росли они вместе,
 Держась за руки,
 Словно жеребята, привязанные к одной веревке,
 Кучно, как жеребята в намордниках,
 Парами, как жеребята к одной веревке пристегнутые.
 Самый младший из них –
 Уордаах Дьёсёгёй Тойон,
 А старуха его – Дьюсюлю Хотун.
 Говорят,

- 4190 Ими зачатого и рожденного богатыря
 По имени Строптивый Кулун Куллустуур
 Предопределили спустить в тихий рай,
 Где еще не рождались ни люди, ни скот.
 Говорят, рожденная над тремя небесами,
 На особом божественном небе
 С клочковатыми облаками,
 Похожими на столы-саңдалы пеших людей, –
 Имеющая матью Кюлюм Хотун со светильником
 из солнечных лучей,
 Имеющая отцом Саңдаар Тойона с фонарем из лунных лучей, –
- 4200 Кюн Толомон Нюргустай-шаманка
 С волнистой косой в девять маховых саженей,
 С дыханием, как шелковистая волна,
 Приходила донимала [богатыря],
 Просила: «Возьми меня в жены!»
 Говорят, из-за того что тот
 Не пожелал ее взять,
 Происходят большие споры,
 Большие драки,
 Большие бои.
 Значит, эта белокожая...
- 4210 Успела опутать нашего парня
 Огненным хвостом своим с колокольчиком
 И столкнуть [этих двух людей].
 Значит, равные [силами],
 Начали они наседать друг на друга,
 Сошлись – друг друга достойные.
 А ну, запрягите-ка беломордого
 Полосато-пестрого рыжего бычка-пороза моего
 В восьмикопыльные железные нарты-сани;
 Подбейте [полозья] железом,
- 4220 Вспахивающим землю на три аршина²⁰¹,
 Приучите бычка к саням и приведите его,
 Поставьте сани поперек двери моего дома.
 Девять парней, восемь девок моих!
 Поднатужьтесь – поднимите меня,
 Вынесите и посадите меня на сани».

Поднатужились – подняли, вынесли и взгромоздили на сани невозможную об-
 разину, похожую на земляной бугор.

Один из парней-силачей с трудом взвалил на свое плечо семнадцать железных
 крюков.

«А что, господин наш, царь наш! – говорят ему [парни], – ведь ты имеешь трех
 долговязых сыновей. Вот если бы вызвать одного из них, попытаться заставить его
 помочь?»

Буор Мангалай Буор Сюргэй-старик отвечает: «Что вы! И не говорите мне про
 это! Мой старший сын, Тимир Багыйа-богатырь, даже от обычного ветра с ног ва-
 лится, паршивец! Разве ему устоять перед вихрем, который рождается при драке
 таких людей?!

Средний сын мой, окаянный Тимир Уосуйа, хотя и в силе, крепкий вроде парень, да уж совсем неуклюжий дурень, попадет под пинки их ног, под удары этих людей, – даст себя покалечить.

- А самый младший Мой сын,
Родившийся в пору
Отряхивания земли
4230 С подола одежды моей²⁰²,
Которому достанутся
Все мелкие пожитки мои²⁰³,
Парень гибели
Ёндель Хара Тимир Бэкийэ-богатырь
С кортиком
Из девяти лопат, заляпаных землей,
Со скипетром
Из семи заржавленных топоров с широким лезвием,
С посохом
4240 Из двух закаленных кайл,
С девятью
Незаживающими ранами [на лице], –
Он и правда Непомерно силен,
Мощью своей
Не больно-то им уступит.
Он тут недавно прибежал
Видно, сытно поел –
Уж так смачно облизывался,
4250 Радовался, ликовал:
«Ах, солнечного [улуса] айыы богатырь!
Обильно его подношение.
Щедр его дар оказывается!»
Смотрите, ни слова ему не говорите –
Не натворил бы еще большей беды!
Он ведь и на своего человека может напасть».

Тем временем бычка успели объездить. Привели его, проворно впрягли в сани, быстро вывели через левые ворота.

- Старик [велел]:
«А ну-ка, девять парней моих,
Взберитесь по брюшному жиру моему,
Как по лестнице,
4260 Встаньте рядышком на плечи и на голову [мою],
Зацепите девятью крюками
И попробуйте поднять
Верхние веки мои!
А вы, восемь девок моих,
Взберитесь по брюшному жиру моему, как по лестнице,
И восемью крюками
Зацепите мои нижние веки,
Постарайтесь [подальше] оттянуть
[Веки] книзу!
4270 Если бы своими глазами взглянул,

Что это за люди
 Так [разрушают все],
 Не пожалел бы,
 Даже если б и пришлось умереть!»
 Девять парней
 Побежали вверх по брюшному жиру
 И, став на темя,
 Уперлись ногами в его плечи,
 Девятью крюками
 4280 Крепко зацепив верхние веки,
 Вывернули, оттянули их [кверху].
 Восемь девок, как по лестнице, взобравшись
 По брюшному жиру,
 Восемью крюками надежно зацепили
 Нижние веки
 И, откидываясь назад,
 Оттянули их [книзу].
 [Тут же] показались вытаращенные
 4290 Лыдисто-прозрачные глаза [старика],
 Похожие на вечерний свет в полнолуние января.
 Старик взглянул
 [Белесыми] вытаращенными глазами
 В сторону воющих.
 А те люди
 Словно росу топчут,
 Словно по воде бродят,
 Словно по снегу бегают –
 Деревья и травы растаптывают [так],
 Как жаркий огонь бересту скручивает,
 4300 Продырявили землю и страну всю, как сито,
 И уже, оказывается, бьются-дерутся,
 Продвигаясь ко двору [старика].
 Буор Мангалай сказал:
 «Эчи, парни мои!
 Эчи, девки мои! Арах-арах²⁰⁴!
 Вот и посмотрел я, как [надо] смотреть,
 Вот и послушал, как [надо] слушать.
 Это натворили люди,
 Которые только и-могут [такое натворить]!
 4310 Это [учинили] люди,
 Которым только и под силу [такое учинить]!
 Ой, нестерпима [боль] в глазах!
 Ой, спасите, опустите мои веки!»
 Когда парни и девки
 Опустили ему веки,
 Они сомкнулись
 И стукнулись с металлическим звоном,
 Словно [кто ударил]
 О наковальню Великого кузнеца.

- 4320 А после этого
Огромное чудище
Поспешно повалилось навзничь,
Спустилось, вылезло из саней;
Лежа отбивало поклоны
Приближающимся к нему богатырям,
Пока не вскочила на лбу [у него]
Шишка [огромной] величины.
«Среброгрудые жаворонки мои! – [взмолился старик], –
Сережек сердца медные подвески –
- 4330 Бойкие парни и девки мои!
Сколь бы ни был плох,
Каким бы ни был абаасы,
А все же я царь земли [своей]
По имени Буор Мангалай Буор Сюргэй-старик.
Кланяюсь вам, прошу:
Не обижайте безгрешных,
Не притесняйте безвинных!
В этой стране с обычными травами и деревьями
Никто из вас не пересилит [другого].
- 4340 Я, старый человек, советую вам:
[Идите] отсюда прямо на запад;
В том месте, куда такие храбрецы, как вы,
Прибудете через девять суток езды,
Находится грозное огненное море.
На самой середине этого моря
Высится холм,
Пышущий огнем.
У подошвы этого холма, с восточной стороны,
Лежит огненный жердина-прут
- 4350 Длинною в девять сажений.
Эту жердину ты, человек айыы, попробуй взять.
С западной стороны у того холма
Тоже есть огненный жердина-прут
Длинною в девять сажений.Его попробуй взять ты, человек абаасы.
Нечувствительные к боли могучие мускулы
Таких богатырей, как вы,
Только там станут чувствовать боль;
Крепкие кости ваших рук и ног
- 4360 Только там станут податливыми,
Мощные сухожилия ваши только там поослабнут!
Облагодетельствуйте,
Отступите назад хоть на шаг!
Осчастливьте,
Шагните в сторону хоть на длину ступни!
Уделите внимание серебряным словам моим,
Прислушайтесь к мольбам-заклинаниям моим!»

Строптивный Кулун Куллустуур [при этих словах] сразу выпрямился и сказал:
«Смотри-ка, этот старец, знаменитый из чужеземцев, другой России царь, добрый
совет нам дает. Отправимся-ка туда!»

- Абаасы засмеялся, громко запел:
«Бай, бай, да, дугар!
Грубиян – изо всех наигрубейший,
4370 Строптивный Кулун Куллустуур,
Не вник ты в смысл мудрого решения
Владельца табунов с огромными кучами навоза
Юрюнг Айыы Тойона!
Не подчинился его справедливым решениям!
А вот слова Буор Мангалай Буор Сюргэй Тойона,
Атамана из адъараев,
Главного из леших,
Выходит, крепко запали,
Насквозь прошли девять твоих макушек?!
- 4380 Если ты – из беспутнейших самый беспутный,
Из сумасбродных – самый сумасбродный,
Согласился идти туда,
Разве я, злосчастный, откажусь,
Разве я потяну назад, запрямлюсь,
Позволю растоптать царя моего?!
Стыдно мне будет перед всем народом,
Грешно мне будет перед богом,
Которому я молюсь.
Тебе-то, пока не объезженному,
4390 Уж как и не порываться [к огненному морю] идти!
А я – человек,
Уже девять раз горевший в море смерти,
Девять раз закалявшийся в воде гибели!
[Это], парень, нелегкое испытание для всякого живого,
Уж как не хочется мне идти туда!
Но что поделаешь!
Пожалуй, и я отправлюсь».
- Наш человек
Тут же упал ничком,
4400 Перекувырнулся-покатался и превратился
В птицу-орла полосатого,
Словно стянутого в трех местах
Поясом-кушаком,
И с шумом взлетел ввысь.
Абаасы тоже ничком упал,
Трижды перекувырнулся-покатался,
Превратился в трехглавую
Алып-птицу абаасы²⁰⁵
И с шумом взлетел ввысь.
- 4410 С гулом полетели они
В сторону низких клочковатых облаков
Западного неба.
Много ли [времени] потребуется
Таким богатырям в пути?
[Мигом] прилетели к пылающему,
Пышущему огнем холму.

- [Обе птицы] грузно уселись рядом,
Трижды перекувырнулись-покатались,
Приняли прежний свой вид.
- 4 4 20 Абаасы быстро схватил жердину,
Лежащую с западной стороны холма;
Человек айыы быстро схватил жердину,
Лежавшую с восточной стороны холма;
Сошлись они
И ну пошли бить-хлестать «друг друга.
Оказывается, [это]волшебные жерди –
При ударе трижды
Обвиваются они вокруг тела,
А когда их тянут обратно,
- 4 4 30 Они, присосавшись,
Рвут мускулы с костей.
Так дрались они,
Словно конь с кобылицей,
Тридцать дней и ночей одного месяца.
Люди, слаженные из крепких костей, –
Изнемогли вконец;
Люди, слаженные из живого жира,
Притомились вконец;
Люди, слаженные из упругих мускулов,
- 4 4 40 Ослабели вконец!
[Каждый] получил девять сквозных ран,
Восемь незаживающих ран,
Семь кровоточащих ран;
И человек из железа не выдержал,
И человек айыы оседать стал.
Продолжая хлестать, абаасы начал говорить-распевать:
«Ай да, дугар!
Алаатыгар! Гляди-ка!
Человек, из жира слаженный, –
Начал я уставать;
- 4 4 50 Человек, из костей слаженный²⁰⁶ –
Стал я изнемогать.
Толстая кожа моя вся разодрана,
Здоровое тело мое все изрублено,
Темная кровь моя вся изошла,
Крепкие кости мои потеряли прочность.
Весь накалился я докрасна.
Наступил, [видно], день, когда должен я принять
смерть от огня,
- Настал день, когда жаркий огонь
Мое сердце и печень высосет.
- 4 4 60 Эчи, как жарко!
О, как больно!
Как мучительно! Аай-аайбын!
О матушка моя,

- Принеси воду смерти ²⁰⁷
И смочи ею темя мое!
Огради черное дыхание мое,
Сбереги белое дыхание мое!
Наступил, видать, день, когда
Этот кровожадный злодей,
Жаждающий моей смерти,
4470 Сможет одолеть меня и пересчитать мои кости!
Ой, ма-йака-ам!»
И тут Из-за северного края огненного моря,
Вздыхаясь, ввысь взвилось
Тяжелое черное облако абаасы;
Приблизившись, это облако
Как бы остановилось
Над головами борющихся людей.
4480 Рожденная для опустошения семи городов
Уот Курбай-шаманка,
Сидя на особом облаке,
На которое садятся шаманы,
Выцедила воду гибели
Из тяжелого черного облака абаасы
И с шумом выплеснула ее
На темя своему сыну.
И сын ее, в то время
Как огонь, шипя, угасал,
Начал остывать, [в себя приходить].
4490 Вода смерти никогда
Не принесет пользы
Человеку айыы, –
Эта вода
Приносит облегчение
Только богатырю абаасы.
Абаасы остыл, пришел в себя,
Прежнюю силу обрел
И начал швырять человека айыы
В разные стороны,
4500 Начал его хватать-подбрасывать.
У нашего человека
Мелькнуло в уме: «Погибну!»,
В голове [пронеслось]: «Конец!»
А абаасы то бросит его ниц,
Заставляет спотыкаться,
То кинет его на четвереньки;
Как быка, его запряг,
Словно на коня, верхом уселся.
4510 Белое солнце, [в глазах айыы] потускнев,
Стало казаться ему
Белой палаткой;
Пришло время, когда светлое солнце

Стало казаться ему синим,
 Словно синий шелк.
 Смешались, помутились ясные мысли его,
 Сузилась широкая спина его ²⁰⁸.
 Когда человек оказался
 В таком тяжелом состоянии,
 С той стороны, откуда восходит,
 Плавно колыхаясь, летнее солнце
 4520 Величиною с горловину большого горшка,
 [Вдруг] подул-загудел
 Теплый ветер.
 Вылезло особое облако,
 На которое садятся шаманы;
 В отдалении послышался стук колотушки,
 Звуки гудящего бубна.
 Сверкая, показалось,
 Лицо прекрасной женщины,
 Похожее на девять солнц,
 4530 Соединившихся в одно;
 Из ее светлых очей,
 Подобных двум ласковым солнцам на закате,
 Скатились до середины щек
 Крупные капли слез.
 Вот летит она, плачет-рыдает:
 «Му-у! Ой, буйакам!
 Строптивный Кулун Куллустуур-богатырь!
 Ыый-ыйбын! Погляди-ка,
 Как изменилось
 4540 Достойное жалости
 Все израненное тело твое,
 Созданное лучшим из лучших отцов!
 Вот досада! Погляди-ка!
 Как это ты допустил,
 Чтобы порубили дивное тело твое,
 Рожденное лучшей из лучших матерей!
 Дружок мой!
 Если б ты захотел меня в жены взять,
 Я сберегла бы твое белое дыхание,
 4550 Оградила [от беды] твое черное дыхание!
 Серебряный мой, посмотри,
 До чего ты измучен, несчастный!
 Довольно же, не допусти, чтобы леший съел тебя.
 Скажи прямо: берешь меня в жены или нет?
 Ой, буйакам!»

Наш человек хотя и был изнурен, но как только услышал слова женщины сразу же вскинул голову, начал сыпать хотя и считанными, но крепкими, бранными словами:

«Муо-о, хор!
 Экая белокожая,
 Белолицая, бестолковая...²⁰⁹

- Ишь, заторопилась, негодница,
4560 Чей плевок до земли не доходит!
Отъявленная мерзавка,
Бестия продувная со смазливенькой рожей,
Чьи мысли не достигают и волос на висках.
Сколько яда на устах!
Сколько горечи в глотке!
Глядите-ка, эта блудница
Задумала принудить такого человека, как я,
Сделаться ее мужем
4570 Под угрозой прервать
Белое мое дыхание!
Если ты вздумаешь спуститься сюда, –
Даже и сейчас, когда я
На волоске от смерти,
Толстую кожу твою рассеку,
Темную кровь твою выпущу,
Крепкие кости твои сокрушу,
Здоровое тело твое изрублю,
Своими руками в рукавах²¹⁰
Сердце твое вместе с сумкой выворочу!
4580 Ну-ка, девка адъараев
С уловками, что убегающие облака,
Подойди-ка сюда!
Ой! Муо-йакам!»
Кюн Толомон Нюргустай-шаманка
С волнистой косой в девять маховых саженей,
С дыханием, как шелковистая волна,
Громко заплакала
И с криком, плачем
Шумно улетела в южную сторону неба.
4590 И вот тогда богатырь абаасы
Сдавил наконец
Длинную, широкую спину человека айыы,
Сбил с него спесь.
Если взглянуть [на человека айыы] со спины –
Стали видны ‘его белые сухожилия;
Если спереди взглянуть –
Стала видна его брюшина,
А в щелях между ребрами,
Трепеща, показались сердце и печень его;
4600 И вот наконец
Потемнело для него солнце.
Стал он говорить:
«Муо, ой, буйакам! Хор, хор!
Не болел я, болезни не знал,
Сильная боль жестокой бывает, оказывается;
Не умирал я, смерти не знал,
Бывает ужасна смерть, оказывается.

- Ясное солнце, потускнев,
 Стало казаться мне белой палаткой,
 4610 Светлое солнце стало казаться мне синим,
 Словно синий шелк.
 Пришло время сузиться
 Широкой спине моей,
 Пришло время укоротиться
 Долгим мыслям моим.
 Ну что же, хозяйка
 Бешеного прожорливого облака,
 Дочь Илбиса, старшая сестра моя, –
 4620 Скребущие ступни,
 Бедро – ножницами,
 Острая грудь –
 Кыбра Чохчой-шаманка,
 Вспомни прошлые времена:
 Ведь хороши были [дары-угощенья]
 Такого человека, как я!
 Вот пришел день смерти,
 Охрани же белое дыхание мое!
 Гибель пришла, стала теснить меня –
 Огради же черное дыхание мое!
 4630 Внемли серебряным словам мольбы моей,
 Золотым словам просьбы моей!
 Наступил для меня день низвергнуться
 В огненную [пучину] госпожи-моря.
 Наступает последний миг: я падаю лицом вниз,
 Не ухватиться мне уже за хвост и гриву [моего коня]²¹¹.
 Ма-йакам!»
 Как только сказал он так,
 Из глубины девятого неба
 Загремели девять разящих громов;
 4640 Поднялись ввысь они вместе с семью
 Скитальцами-эмэгэтами распрей,
 Стали воздух сотрясать.
 Эти громы разящие
 С божественным пушистым облаком-спутником
 из дождя и снега,
 Сопровождаемые огнем громадным –
 В половину сухостойной лиственницы –
 Обратились в большую огненную молнию, –
 В половину толстой лиственницы –
 И, все быстрее приплясывая, грохоча-камляя,
 4650 Остановились над самой головой нашего человека.
 Семь скитальцев-эмэгэтов распрей
 Проскочили между ногами нашего человека
 И исчезли в чреве огненного холма.
 Пролагая себе дорогу,
 Следуя за эмэгэтами,

- Этот гром [из девяти громов]
Трижды разразился, загремел
Над Строптивым Кулун Куллустууром;
Загрохотали, падая на темя ему,
4660 Огромные льдины-градины
Величиною с голову годовалого теленка.
Вода солнечного божества айыы никогда,
Оказывается, не падает на абаасы.
Когда пламя стало затухать
И с шипеньем стал гаснуть огонь,
У нашего человека
Бьющееся сердце, дрожащая печень успокоились,
Наконец-то стала прибывать
4670 Сила к его силе, мощь – к его мощи.
Тут уж стала невозможна
Никакая передышка-перемирие.
Наш человек» стал скручивать человека абаасы,
Как ветер скрючивает дерево,
Стал гибать его, как бычье ярмо.
А гром еще трижды пытался низринуться
И обратно умчался
Вместе с облаком из дождя и снега.
Те семь амэгэтов
4680 Проскочили между ногами [нашего человека],
Ввысь улетели,
Распевая голосами семи людей:
«Эсэллэтэ-тасаллаата,
Иэгэл-куогал!
Иэ-доммун, татай!
Ты, парень, нокончой²¹²,
Белесая жена твоя сберегла ль
Твое белое дыхание?
Белолицая жена твоя сохранила ль
Твое черное дыхание?
4690 Вместо белесой жены твоей,
Я, старуха, оказалась твоей спасительницей;
Я – лучше белесой жены твоей,
Хорошей старухой оказалась!
Ну вот, когда станешь возвращаться домой,
Возьми-ка меня в жены себе!
Ну и выряжусь я,
Что олень твой, посвященный богам айыы;
Разукрашу себя, как цветы землю [украшают]!
Прощай надолго!
4700 Иэ, доммун, татай!»
На это наш человек ответил:
«Ладно, ладно!»
И вот стал наш человек тому абаасы
Толстую кожу раздирать,

- Черную кровь выпускать,
 Изготовился все тело его
 Разодрать по связкам.
 Абаасы, в такой беде оказавшись,
 Стал говорить последние слова свои:
- 4710 «Ой, жжет-печет, о-ох, кровь течет!
 У такого человека, как я,
 Нечувствительные к боли могучие мускулы
 Стали уже чувствовать боль,
 Прочная, как панцирь, кожа моя
 [В клочья] уже разодрана.
 О матушка моя,
 Прощай навеки!
 Мой бог Барылаах, весь народ мой,
 Навсегда прощайте!
- 4720 Вот горе-то!
 Это мрачное чудище,
 С лицом плоским, как подошва,
 С нечувствительными к боли мускулами,
 Смерть свою принимающий за тихий сон, –
 Ишь, до чего довел он меня!
 Экая беда-напасть!
 Ой, жжет-печет, о-ох, кровь течет!
 Ласковое солнце мое,
 Несметные улусы мои,
- 4730 Навсегда прощайте!
 Кто меня, несчастного,
 Сейчас спасет,
 От кого мне ждать помощи?!
- Пришел, видно, для меня, злосчастного, день
 Погрузиться в грозное огненное море.
 Ыый-ыйбыан, аай-аайбыан!»²¹³.
 Человек айыы,
 По пояснице абаасы нахлестывая,
 Не мешкая повалил его и так сдавил,
 Что единственный глаз его выскочил,
 Превратился в красный огонь
 Длинною в половину кнута
 И юркнул в пышущее огнем чрево
 Грозного огненного моря.
- 4740 Человек айыы, оставшись один, так сказал: «Смотри-ка, вот ведь не~ счастье!
 Не хватало еще, чтобы дух его глаза выскочил и улизнул!»
 После этого наш человек
 Тут же упал ничком,
 Трижды перекувырнулся-покатался
 И превратился
 В полосатую птицу-орла,
- 4750 Словно стянутого в трех местах
 Поясом-кушаком;
 С шумом взлетел ввысь.

- Летает он, кружит
По самому краю
Гулкого просторного неба,
Над тем самым грозным огненным морем,
Прощальные слова говорит:
«Му-о, хор, хор!
Вот так-то, бабушка-госпожа²¹⁴!
- 4760 Грозное огненное море,
Бабушка-госпожа величавая, страшная!
За то, что отпустила меня живым,
Прими благодарность мою!
Не такая ты, бабушка-госпожа,
Чтобы посмели] к тебе прикоснуться ноги
Многочисленных уранхайцев²¹⁵,
Имеющих сукровицу в суставах²¹⁶.
Наверное, только такой человек, как я, и мог остаться
- в живых:
- 4770 А к тебе, к моей-грозной бабушке-госпоже,
Даже в самом далеком будущем
Пусть [не явятся], не попадут
Не только потомки мои, но и враги мои!
Прощай навсегда!
Ой, буйакам!» – так сказал он.
Сказал так
И с шумом полетел ввысь
Следом за [будущей] женой своей.
Вверх взлетев,
Прямо на юг,
- 4780 Этот человек
Через расщелину Среднего мира
Поднялся на взрастившую его [землю],
Родную мать-Сибирь,
Пролетел ее, даже не оглянувшись, не подумал:
«Тут было у меня
Просторное жилище,
Обширная усадьба,
Несметное богатство».
С шумом он летел,
- 4790 Выискивая по старым следам,
Разыскивая по новым следам ту шаманку.

Пусть пока человек продолжает свой путь, а мы теперь попробуем пойти следом за этой шаманкой.

XI

Оказывается, та женщина
Давно уже явилась в страну свою,
Прибыла к просторному жилищу своему,
Собрала весь свой народ,
Созвала свой солнечный люд
И говорит:

- «Друзья! Мужа моего,
 Строптивного Кулун Куллустуура-богатыря,
 4800 В нижнем грозном огненном море
 Начал жрать-пожирать
 Турбутунан Тимир Суорун-богатырь.
 Значит, срок мне пришел
 [Превратиться] в духа-юёр!
 Посидим же за последней для меня трапезой,
 Позабавимся последними для меня играми!»
 И вот затеяны [богатый] ысыах,
 Обильное пиршество,
 Старинные игры.
 4810 Собралось народу столько,
 [Сколько искр дает] горящая сера,
 Набралось народу [столько,
 Сколько искр высекает] огниво,
 Все пришли – от мала до велика – [на пиршество].
 Здесь и круговые кубки²¹⁷
 С кумысом расставлены в ряд,
 И кубки-чорооны [для каждого]
 С кумысом стоят,
 И огромные кубки,
 4820 Украшенные [кистями из конского волоса],
 Поставлены рядами,
 И мелкая кумысная посуда
 Собрана в кучу.
 Приглашенные угощаются,
 Веселятся-забавляются,
 Взялись за руки,
 Затянули игры интересные,
 Забавы [увлекательные].
 Все блестит, сверкает огнем веселья.
 4830 В самый разгар веселья
 Кюн Толомон Ньюгустай-шаманка
 С волнистой косой в девять маховых саженей,
 С дыханием, как шелковистая волна,
 Вдруг перестала играть,
 Внезапно перестала смеяться,
 Зарделась,
 Подобно красному сукну;
 [Пошла она], мелькая пятками,
 Крутя подолами одежды своей,
 4840 Растрепав косу свою,
 Прочь ушла от людей своих,
 Направилась к обширному жилищу своему.
 Люди ее заплакали –
 Кто ничком упал,
 Кто навзничь повалился, –
 Спрашивали: «Что случилось с тобой,

- Какая беда приключилась с тобой,
Сестра наша старшая?»
[Ничего им] не ответив,
4850 Стремительно побежала женщина
На сверкающий берег,
Где зимуют
Счастливые белые журавли.
Когда, она, размахивая руками,
Бежала,
Слышался такой шум,
Словно крыльями [машет] утка-нырок;
Когда она бежала,
Стуча пятками,
4860 Слышался такой шум,
Словно крыльями [машет] тетерев-косач.
Оказывается, на вершине среднего
Из трех ликующих холмов
Из чистого серебра
[Имеется] не связанное с небом
Даже тонкой нитью,
Не связанное с землей
Даже волосяной веревкой
Обширное чулан-жилище²¹⁸ из полого серебра,
4870 Веселящееся-[крутящееся] само по себе.
Женщина настезь
Распахнула дверь [этого] жилища
И стремительно
Вошла в чулан.
Тут же
Вытащила она из недр
Своего трехстенного серебряного чулана
Священную белую
Подстилку-ковер из шкур лошадей
4880 С черной каймой по краям,
Расстелила ее на нолу у огня;
До самых краев наполнила кумысом
Огромный резной кубок-айах
С кистями из конской гривы,
Так заправила маслом и жиром его²¹⁹,
Что могли бы увязнуть [в нем] лошади,
Кубок поставила
На правой стороне шестка.
С трудом внесла
4890 Переднюю ногу восьмитравой упитанной кобылицы,
Отрубленную вместе с восемью ребрами,
И так положила ее на левую сторону шестка,
Что свесилась она краями вниз.
Натянула она на себя
Бренчащее золотом облачение свое

- С канфовыми кистями до запястья,
 С шелковыми кистями до колен.
 В левую руку взяла
 Белый овальный бубен свой
 4900 Величиною с небольшое круглое озерцо;
 В правую руку взяла
 Глянцево-белую колотушку свою
 Величиною с переднюю ногу
 Упитанной восьмитравой кобылицы,
 Отрубленную вместе с восемью ребрами.
 Уселась на белую подстилку-ковёр
 Из лошадиных шкур с черной каймой по краям
 И, раскачиваясь, выпятив грудь,
 Стала гулко, переливчато бить [колотушкой в бубен].
 4910 Звонко заливаясь,
 Слова заклинания пела:
 «Айхал-айхалбын! Кюёгэйэ-доммун!
 Ойлоот-ойлоопун!
 Дух-хозяйка верной матери-земли моей,
 Созданной для прокормления нашего,
 Имеющая бубном чашу,
 Разукрашенную узорным шитьем,
 Имеющая колотушкой священную ложку,
 Разукрашенную пучком из конской гривы,
 4920 Бэдэрдээх Бэбиэрэ Хотун!
 Дух-хозяйка восьмибодной-восьмиокраинной
 Первозданной матери-земли моей,
 Созданной для прокормления-пропитания нашего,
 Первородная, приветливая,
 Благожелательная,
 Сердцем жалостливая
 Аан Мичик Хотун!
 Бабушки мои, прощайте навсегда!
 Ты, дедушка мой,
 4930 Быыра Бытык, Кырыа Баттах, Кырыы Тёбё – Аал
 Уххан Тойон,
 Имеющий оплот из девятигранного чувала-камелька,
 Вытесанного из камня,
 Имеющий ложе из крапчатого шестка
 Величиною с половину елани-долины,
 Имеющий кремень искрометный
 Величиною с печенку выкормленного двухтравного жеребенка,
 С огнивом и трупом
 Величиною с голову лошади-четырёхлетки,
 С растопкой из сухой травы
 4940 Величиной с копну, занесенную снегом,
 С пылающей плетью,
 Извергающей огонь
 До половины сухостойной лиственницы,

- С сыном-дымом густым,
 С восемью дочерьми-искрами,
 Дедушка мой,
 Прощай навсегда!
 Мне, родившейся шаманкой,
 Пришло время [погибнуть],
 4950 Мне, родившейся ясновидящей,
 Пришло время [пропасть];
 Пусть это угощение Будет прощальным -
 Последним пиршеством-[поминками].
 А вы оставайтесь,
 Кушайте, угощайтесь!
 Уруй, айхал! Кюёгэйэ-доммун!»

Одарила шаманка огонь всеми заготовленными яствами²²⁰ и на подстилке-ковре с черной каймой взлетела вверх, промелькнула вместе с пламенем – и исчезла. Свою подстилку-ковер превратила в особое облако, на которое садятся шаманы, и со свистом, похожим на свист мерзлой лозы, понеслась в сторону нижней окраины западного неба. С шумом прилетела она к почтенной матушке своей, к почтенному батюшке своему, проживающим в благоденствии на самой середине сверкающей долины, где останавливаются счастливые журавли, и спустилась [в жилие] через дымоход.

Спустилась так и подошла, сияя, к сидящим рядышком напротив входа отцу и матери, уселась между ними. Крепко обняла каждого, ласково понюхала²²¹ лицо каждого; долго глядела на них глазами буланого жеребенка-стригунка, [только] начинающего пить; грустно поглядывала на них глазами голодного жеребенка-стригунка, [только] начинающего есть, стала плакать-стонать:

- «У-уй, у-уй! А-ай, а-ай!
 Почтенный господин-батюшка мой
 4960 С волосами желтыми,
 Как шерсть на спине рыжей лошади,
 Ты, живущий мыслями о [сострадании],
 Внемли словам моим, прислушайся к ним!
 Солнечная почтенная матушка моя
 С серебряным переносьем,
 Ты, живущая мыслями заступницы [всех],
 Вникни в слова мои, прислушайся к ним!
 В последний раз прибыла я к вам,
 Неизвестно, встретимся ли еще!
 4970 Думала я,
 Что Строптивый Кулун Куллустуур погиб,
 Приписала это [своему могуществу],
 Поднялась к своим, веселилась вместе с народом ²²².
 Но вот узнала:
 Не такой он человек, чтобы умереть.
 [Он жив!] И теперь он мчится сюда,
 Преследуя меня по старым следам моим,
 Высматривая по новым следам моим,
 Как преследуют лося-самца,
 4980 Как выслеживают лисицу-сиводушку,

Идет он за мной!
Найдет он меня – придет мой конец.
И вот мне, оперившейся в полом дереве,
Некуда стало улетать²²³, нет мне уже спасения!
Уж лучше я, бедная, навстречу отправлюсь ему.
Если убьет он меня –
Вряд ли и вас оставит в живых;
Уничтожит – со всем материнским родом,
Загубит – со всем отцовским родом!

4990 И нет уже сил, чтоб помериться силами с ним,
И не будет уже дня, чтоб породниться с ним!
Родители мои, прощайте навсегда».

Сказала так, озабоченно побежала к чувалу-камельку. Старик и старуха дошли к дочери с такими словами: «Златогрудый птенчик наш, среброгрудый наш жавороночек, что случилось с тобой? Погоди-ка, постой!» Кюн Толомон Нюргустай выдернула из головы три пряди волос, бросила их в огонь и исчезла, мелькнув вместе с пламенем, [словно ее и не было]. Старик со старухой лишь за пустое место схватились.

Поднялась наверх шаманка и уселась на свое особое облако, на которое садятся шаманы, с гулом умчалась в сторону нижнего склона западного неба. Опустилась она на восьмигранную голую каменную гору, стоящую на восточном краю божественного горного прохода, который выходит из Среднего мира; похож [тот проход] на разрезанное горло черной лошади, запрокинутое вверх. Спустилась она к началу прохода, села, стала выжидать, наклонив голову и по сторонам поглядывая.

Вот так она сидела и выжидала.
За трое суток до появления
Строптивного Кулун Куллустуура
Поднялось по этому проходу,
Клубами взвиваясь,
Черное пламя,
Похожее на дым камелька.

5000 Когда одни сутки
Остались до того,
Как прибыть [нашему] человеку,
Появились большие огни,
Похожие на искры из чувала.

После этого
Минули сутки,
И, шумно взлетая,
Поднялся ввысь
Весь полосатый

5010 Орел –
Словно стянутый в трех местах
Поясом-кушаком.
Если внимательно рассмотреть эту птицу-[орла] –
Оказывается, у нее железные ребристые крылья
Величиною с половину елани-долины;
Железные перья,
Словно большие пальмы,
Повернутые острием книзу;

- Железный растопыренный хвост
 5020 Величиною с нижний круг берестяной урасы;
 Железные загнутые когти,
 Как десять закаленных кос-горбуш,
 [Сложенных] концами в разные стороны;
 Мощный железный клюв,
 Как лом, поставленный стоймя;
 Голова, как огромный котел;
 Блестящие круглые глаза,
 Как [два] опрокинутых медных котла;
 Тройные чешуйчатые перья из железа.
 5030 Когда [орел] взмахивает крыльями, взлетая вверх,
 Из паха и подмышек [его]
 Низвергаются кострами огни
 Величиною с половину кумысной посуды холлогос²²⁴.
 От шума крыльев его
 Содрогаются верхушки темного леса.
 Ну и летит же, оказывается,
 Птица-страшилище,
 Наводя страх [силой] и видом своим.
 Пролетая, орел
 5040 Откинул голову И краешком глаза
 Сверкнул-[взглянул] на женщину
 И так зычно крикнул,
 Что оторвалась и упала голова кэй тотуо.
 Вскрикнув так,
 [Орел] с шумом стал кружить
 Не по ходу солнца, а в обратную сторону,
 С грохотом опустился
 Всей громадой [тела] своего –
 5050 С половину небольшого стога –
 И уселся перед женщиной.
 Трижды перекувырнулась-покаталась
 Эта птица-зверь,
 И Строптивный Кулун Куллустуур
 Стал самим собой.
 Чудище, загубившее стольких абаасы,
 [Переняло их повадки и] нрав.
 Сам в черта превратился,
 В их саже перемазался.
 5060 Без промедления,
 Безо всяких слов
 Набросился он на эту женщину,
 Растопырил мощные пальцы,
 Похожие не десять серых горностаев,
 Сложенных вместе голова к голове,
 И пошел ее ломать,
 Пошел крутить-катать,
 Как ветер песок [крутит].

- Женщина вскрикнула,
5070 Стала [отбиваться].
Грозными воплями они вопили,
Зычными криками они. кричали,
Породили туманные вихри,
Подняли страшную сумятицу,
Создали всяческих бед сутолоку.
Эта прекрасная женщина
Благодаря прежней силе своей
Еле продержалась
До [истечения] полных тридцати суток
5080 Одного месяца.
А это чудище,
Тесня и подталкивая женщину назад,
Ухватило ее за пах,
Мигом содрало передний восьмигранный
Железный панцирь-одежду ее
И отбросило назад.
После этого
Схватило шаманку за косу,
Бросило ее ниц,
5090 Ухватило за ягодицу,
Разом содрало задний восьмигранный
Панцирь-одежду ее
И отбросило прочь.
[Богатырь] схватил острую
Пальму свою с черной нечистью
Величиной с подстилку из медвежьей шкуры
И наточенным лезвием
Стал ее,
Голую,
5100 Без панциря,
Сечь и рубить;
Рожденное матерью
Прекрасное тело ее,
Отцом созданный жир ее
Стал рассекать,
Стал бедра полосовать,
Стал зад испещрять,
Заставил женщину говорить
Никогда не произносимые ею
5110 Слова [мольбы],
Заставил ее говорить
Никогда не произносимые ею
Речи-[просьбы].
На теле шаманки,
Если сзади на нее взглянуть,
Краснея, стали показываться спинные сухожилия;
Если спереди на нее взглянуть,
Желтея, стала проступать брюшина;

5120 Светлая чистая кровь ее
Забилла струйками,
Словно натянутые тонкие конские волосы.

Эта прекрасная женщина не смогла выдержать силу и мощь богатыря [Прижав] косу свою, бросилась она в ноги ему:

«О Строптивный Кулун Куллустуур! –
[Взмолилась она], стоя на коленях. –
Перестань, успокойся!
Ты, видно, хитрость мою победил,
Похоже, чары мои ты разрушил.
Достойной матерью рожденное
Прекрасное тело мое порубил;
Достойным отцом созданный
5130 Жир мой весь искрошил.
Я, такая несчастная,
Не смогу отойти и на длину ступни.
Если б была я счастливой –
Сделала бы тебя господином своим,
Если б была я удачливой –
Сделала бы тебя предназначенным самцом своим
[На всю] свою жизнь.
[Смилуйся], дай мне время передохнуть,
Пока сварятся один за другим
5140 Три горшка [с мерзлым мясом];
Осчастливь, разреши мне проститься
С народом моим,
Светлым солнцем моим,
С изначальной матерью-страной моей,
С почтенной матушкой моей,
С почтенным батюшкой моим,
С духами-хозяевами страны моей.
Будь милостив,
Разреши передать им последние слова!»

Наш человек схватил женщину за волосы на затылке, отбросил ее на спину.

5150 Ярко-белый лик ее,
Подобный девяти солнцам, соединившимся в одно,
Оказывается, то светлым станет, то потемнеет.
Кулун Куллустуур стал разглядывать
От носка до макушки
Женщину, лежащую почти при смерти.
Видит он:
Прекрасное тело
Этой красивой женщины
Порублено, весь жир иссяк;
5160 Оказалось, у нее глубокие, как прорубь,
Раны в девяти местах,
Открытые раны
В восьми местах,
Незаживающие раны в семи местах...

- Из каждой раны ее
 Бьет светлая чистая кровь
 Тонкими струйками,
 Словно натянутые конские волосы.
 Строптивный Кулун Куллустуур,
 5170 Увидев, как лежит,
 Истекая кровью, такая женщина,
 Разом отшатнулся;
 Из глаз его слезы брызнули,
 Стекая [по лицу].
 Стоял он так, горевал и сетовал:
 «Му-оо! Хор-хор!
 Смотри-ка, вот досада!
 Что я слышу, что вижу сейчас?
 Оказывается, ты человек из племени айыы,
 5180 Со светлой и чистой кровью,
 Девушка солнечного [племени]!
 Посмотри-ка, до чего довела ты себя,
 Послав сватом одноглазого муосааны,
 Сделав посланцем говорливого кээлээни,
 Вызвав тем мое отвращение²²⁵!
 А я-то каков, черный пес!
 Загубил собственную счастливую судьбу свою –
 Стать прародителем людей;
 Загубил собственное, мне предначертанное назначение
 5190 Стать [родоначальником] якутов!
 Посмотрели бы, как такой человек, как я,
 Сам себе горе [принес] –
 Опрокинул колыбель детей своих,
 Которые бы родились;
 Сам [себе] сотворил беду –
 Развалил изгородь скота своего,
 Который бы размножился!
 Вот горе!
 Сам же сломал
 5200 Четыре своих серебряных столба,
 Увешанных шерстью;
 Смотрите, как я сам распатал
 Большое изобильное жилище свое!
 И надо же было подумать мне:
 «Не имеет, должно быть,
 Ни одной капли светлой и чистой крови она, –
 Вся, должно быть, [набита] червями!»
 Да разве теперь она станет человеком?!
 Чем так мучиться, лучше ей скорей умереть!
 5210 Говори же быстрее завещание свое!
 Муо, муо-йакам!»
 А женщина эта лежит, то синее, умирает,
 То опять оживает.

- Лежа так, плачет, рыдает;
 Такие слова говорит:
 «Му-о, хор-хор!
 Девять божественных кэкэт-шаманов,
 Выслушайте речь мою!
 На далекой вершине давних лет,
 5220 В прежние, лучшие времена,
 Когда Сандаар Тойон еще холостым
 Расхаживал с фонарями из лунных лучей,
 Донимал он Дьулусхан Баай Тойона
 И Дьуораадыйар Баай Хотун,
 Владеющих белым, как березовый гриб, быком
 И белым, безо всякой отметины, жеребцом,
 Просьбой отдать ему в жены
 Самую любимую их дочь Кюлюм Хотун
 Со светильником из солнечных лучей,
 5230 Которая тогда ходила еще девушкой
 С грудями торчком, –
 Они [ему] ответили:
 «Ну как же! Если не за тебя,
 То за кого же [ее] выдадим?!»
 Тогда он отдал в уплату за нее
 Восемьдесят голов рогатого скота²²⁶
 И распустил [у невесты] ровдужные завязки;
 Отдал еще калым –
 Сорок четыре коня –
 5240 И развязал [у нее] завязки из лосиной кожи.
 В самую первую брачную ночь
 Отец мой...
 Передал первый счастливый приплод свой.
 Я развивалась в просторном белом чреве
 Матери своей,
 Укрывалась за ее крепкой печенью,
 Была под защитой сердца ее с околосердечной сумкой,
 [Я] заставила ее, выпячивая живот, носить меня
 Полные девять месяцев.
 5250 И вот тогда господин-батюшка мой
 Привез ее в свадебном поезде
 На особое божественное небо.
 Когда у Кюлюм Хотун-матушки,
 Владеющей светильником из солнечных лучей,
 Как у каждой женщины,
 Подошли известные сроки,
 Как у каждой женщины,
 Пришло время родить, –
 Девять божеств родовых потуг
 5260 Мне распахнули дорогу;
 Восемь божеств предродовых болей²²⁷
 Мне путь раскрыли;

- И тогда я, разрывая ногами
Толстые бедренные мышцы матери моей,
Раздвигая ногами тонкие бедренные мышцы ее,
Упала вниз головой
На зеленую траву о девяти стеблях
У основания двух кольев с развилками²²⁸;
Мотая дрожащей головой,
5270 Брыкаясь тоненькими ножками,
Трижды крикнула, как бекас;
Вы, именитые шаманы,
Сразу же услышали, спустились [ко мне],
Силой заклинания вынули кут-сюр мой²²⁹
И опустили в свой белый овальный бубен
Величиною с небольшое озеро.
Подняли [меня] на самую толстую ветвь
Особого высокого божественного дерева,
Положили в железную колыбель,
5280 В пуховое гнездо²³⁰
Величиною с половину небольшого стога,
Укачивали, громыхая [колыбелью], полные девять лёт.
Робкую, меня обучили,
Нескладную речь мою выправили,
Сделали самой могущественной из всех, имеющих колотушку,
Сделали самой главной из одетых в камлальный кафтан,
Сделали самой [нарядной] из имеющих бубен.
В тот день, когда провожали меня,
Отправляя на третье небо, вы ведь говорили:
5290 «Ты, наше дитя, отправляешься только с одной слабостью»
И обещали один раз
[Выручить] меня из беды.
Сделали шаманкой,
А ничего хорошего мне не дали;
Приходится вот оставлять светлое солнце.
Спасайте же скорей!
Примите серебряные слова просьбы моей,
Внемлите скорбным словам мольбы моей!
Ыый-ыыйбын! Аай-аайбын!»
5300 На это наш человек,
Строптивный Кулун Куллустуур, так сказал:
«Ах ты мразь, плевков которой
Не доходит до земли!
Отъявленная мерзавка,
Мысли которой не доходят до волос виска;
Негодница подлая,
Уловки которой, что убегающие облака;
Оказывается, у тебя еще есть способ,
Как [спасти] от меня?!
- 5310 Ну, позабавлюсь я, разворочу руками, что в рукавах,
Печень и сердце твои!»

Громко закричал он, зубами заскрежетал,
Подошел к лежащей женщине
И верхом уселся на грудь ее.
Когда стал обводить коротким толстым ножом
По хрящеватому горлу ее,
Шаманка, боровшаяся с ним
С давних времен и до этого дня,
Как равная и силой, и мощью,
5320 Схватила его руку с ножом
И, отводя ее от себя, не сдавалась
Столько времени, сколько нужно,
Чтоб сварились один за другим
Три горшка с мерзлым мясом.

XIII

И вот тогда,
Когда стала наконец суживаться
Широкая спина этой женщины,
Из глубины девятого неба
Вылезли и вытянулись вверх
5330 Девять облаков со снегом и дождем.
Следом загрохотали
Девять раскатистых громов.
Эти грозовые облака,
Отдаваясь громом, разом поднялись
На широкое лоно
Гулкого просторного неба.
Зашумел пылающий огонь
Величиною с половину
Сухостойной лиственницы,
5340 Громадными кострами
Низринулись огненные молнии
Величиною с половину
Ветвистой лиственницы.
Призванные силой заклинания,
Из глубины восточного неба
Вылезли девять особых облаков,
На которые садятся шаманы.
И вот в отдалении послышался [гул] колотушек,
И вот зарокотали звучные бубны,
5350 И вот раздались громкие голоса шаманов.
С шумом прилетели они,
Стали над людьми неторопливо камлать:
«Айхал-айхал! Ойлоот-ойлоот!
Кюёгэйэ-доммут! Уруй-айхал!
Кюёгэл-нухал!
Смотрите-ка – вот ведь досада! –
До чего довел нашу бедняжку,
Среброгрудого жаворонка нашего,
Этот Строптивный Кулун Куллуштуур,
5360 Этот черный мошенник?!

- Да будет так, ноко-о, нойо-он,
 Мы зак ляли-удали ли воздух-душу твою,
 Закляли-отторгли мать-душу твою,
 Закляли-раздробили землю-душу твою²³¹
 Освободили и сюр-кут твой!
 Раз ты, пес, усвоил нравы леших,
 Повадки адъараев южных,
 Да будет так: мы
 Заклинаем-низвергаем тебя,
 5370 Продувая сквозь макушку твоего темени
 Великоною с моксу²³².
 Поглядите, как этот пес
 Сам перегрыз [нить] счастливой судьбы своей – стать
 [прародителем] людей.
 Сам [загубил]
 Свое предназначение – стать [родоначальником] якутов!
 Да будет так: закликаем тебя [низвергнуться]!
 Ойлоот, ойлоот! Кьюёгэйэ-доммут!»
 Помнит только наш человек,
 Как стали шаманы сильно дуть ему в темя.
 5380 И он сразу перестал сознавать,
 Что с ним [происходит];
 Шаманы, продолжая шумно дуть,
 Повалили его вниз лицом.
 После этого
 Силой заклинания [вынули и] отделили
 Сюр-кут женщины
 [И] опустили в бубен.
 Оба борца пали
 Нога к ноге,
 5390 [Да] так и умерли,
 Лежа [головами] в разные стороны.
 Затем шаманы
 Подняли сюр-кут той женщины
 На основание самой толстой ветви
 Особого небесного божественного дерева
 И сунули в железную колыбель,
 В шелковистое пуховое гнездо
 С половину круглого стога [величиной],
 Громыхая, укачивать стали. ,
 5400 Несколько [шаманов]
 Разыскали удаленную
 Воздух-душу женщины,
 Отторгнутую мать-душу ее,
 Раздробленную землю-душу ее,
 Принесли и присоединили [их]
 К сюр-кут ее²³³.
 Заклинание о возвращении вернули
 Из отдаленного уголка Сибири
 Мать-зверя²³⁴ шаманки;

- 5410 Заклинанием о соединении собрали воедино
 И привели девять узорных
 Берестяных эмэгэтов ее,
 Рассеявшихся, как туман;
 Силой заклинания привели
 Ее одноглазых муосаны,
 Рассеявшихся, как туман,
 Разбежавшихся в разные стороны земли.
 В течение трех суток
- 5420 Откармливали [женщину] белым жиром,
 Отпаивали ее живую водой
 Из золотого рожка,
 Создали ее еще лучше, [чем была].
 Да чего там –
 В десять раз пышнее прежнего!
 Быстро разыскали и принесли сюр-кут
 Строптивного Кулун Куллустуура
 И присоединили
 К мать-зверю шаманки²³⁵.
 Вернувшись к умершим
- 5430 Через трое суток,
 На восходе солнца,
 [Шаманы] всю нечисть
 И пот женщины
 Крупным дождем смыли,
 Громом разящим ее очистили²³⁶;
 Плавно камлая,
 По земле катая,
 Обмыли ее.
 После этого [окропили] ее
- 5440 Со всех сторон
 Живою водой,
 Воскресающей умерших,
 И превратили ее в живую,
 Но как бы спящую
 Пышную женщину.
 Три раза [через нее]
 Перешагнули,
 Шесть раз ее
 Окуривали²³⁷.
- 5450 Стали заклинать,
 Тихо распевать:
 «Айхал, айхалбыт! Ойлоот!
 Кюёгэйэ-доммут, нурал-нусхал!
 Заклинанием соединили сюр-кут твои,
 Дунули дыханием Сунг Дьяасына,
 Очистили благословением Хаан Дьяасына,
 Склонились на счастье [тебе]
 Солнечным кругом,

5460 Плеснули удачей лунного круга^{238!}
Уруй, кюёгэйэ-доммут!
Твое свежее белое дыхание жизни –
Величиною с длинную толстую веревку –
С шумом вдунем через темя твоё
Величиною с моксу.
Уруй, кюёгэйэ-доммут!
Ойлоот-ойлоопшут!»
Шумно вдунули
Через темя [женщины]

5470 Ее белое дыхание –
С длинную толстую веревку [величиной].
Умершая женщина тут же села,
Ожила и такую же стала,
Как прежде была.

«Девка! – говорят шаманы. – Проломи-ка этому чудищу темя его, раздери-ка широкую грудь его!»

Женщина решительно подошла,
Вытащила острую
Пальму свою с черной нечистью
Величиною с подстилку
Из медвежьей шкуры,
Отсекла макушку у мертвого человека,
5480 Словно тарелку.
Когда она ее отсекла, [увидели]:
На мозговой оболочке
Сидит, оказывается, на задних лапках
Пестрогрудая лягушка абаасы²³⁹.

«Девка, – говорят шаманы, – теперь видишь, как эта негодница, дочь Илбиса – Скребущие ступни, Бедрa – ножницами, Острая грудь – Кыыра Чохчой-шаманка околдовала [человека айыы], чтоб помутить его ясный ум, развеять добрые к людям помыслы! Проткни-ка зад [этой лягушке] восьмигранной железной пикой своей длиною в девять саженей!»

Женщина эта
Схватила пикую свою,
Вонзила с хрустом
И насквозь проткнула
Всю становую жилу [лягушки] снизу доверху.
5490 Проколола снизу вверх
Белый спинной мозг,
Пробила кости головы;
Направила [пикую свою]
На нижнюю часть
Живота той лягушки
И пронзила [его насквозь].
Лягушка [звук] издала: «Чуус!»²⁴⁰ – и на землю свалилась.
Девять кэкэт-шаманов айыы
Силой заклинайия
5500 Подняли лягушку эту

И забросили ее на острую вершину облака,
Ногами размесили [всю] без остатка.
Когда после этого шаманка
Разодрала широкую грудь человека,
Оказалось, что на сердечных жилах его
Сидел на корточках кулик смерти.
Шаманка проткнула его
Своей пикой.

Тогда он
5510 Пронзительно запищал,
Попытался спрыгнуть на землю.
Шаманы, находившиеся сверху,
Силой заклинания достали его,
Забросили на матицу облака²⁴¹
И растоптали, измельчили.

Дочь Илбиса – Скребущие ступни, Бедрa – ножницами, Острая грудь – Кыбра Чохчой-шаманка, оказывается, своими чарами заколдовала сюр-кут нашего человека.

Когда чары ее были уничтожены, умерла, как говорят, и сама Кыбра Чохчой.

Вслед за тем божественные кэкэт-шаманы принесли в узком берестяном тукеске живую воду, спустили [нашего человека] вниз и сказали женщине: «Ну вот, окропи-обмой его [снаружи], оживи предназначенного тебе господи – на-мужа! Не вздумай внутрь давать – тогда он получит такую непомерную силу, что никакая земля его не выдержит! Кичишься ты, превозносишь себя, как шаманку, вот и попробуй вдунь-ка ему через темя белое жизненное дыхание его величиной с длинную толстую веревку!»

Сказав так, шаманы трижды ударили в гулкие бубны; время пришло им лететь вверх, [полетели], сотрясая воздух словами:

« Айхал-айхалбыт!
Ойлоот, ойлооппут!
Кюёгэйэ-доммут!
Кюн Толомон Нюргустай-шаманка
5520 С волнистой косой в девять маховых саженей,
Прощай навсегда!
Если и приключится с тобой беда,
Мы уж теперь не сможем, прийти и спасти [тебя].
Хотуок, сэгэр²⁴², дитя наше,
Оживи предназначенного тебе господина-мужа,
Сделай .его мужем своим;
Пусть будут наделены колыбелями дети,
[которые] народятся у тебя,
Пусть будет огорожен изгородами скот,
[который будет] размножаться!
Разожги густые дымокуры,
5530 Растяни для жеребят веревку о девяти колышках
с чекушками-застежками.
Да не коснется тебя [коварное] слово
Владеющего татарской речью,
Да не взглянет на тебя в упор
Имеющий водянистые глаза,

- Да не повалит тебя Имеющий крепкую грудь!
 Прощай навсегда! Ойлоот, кюёгэйэ-доммут!»
 Ввысь они взлетели,
 С шумом поднялись
 5540 И удалились.
 Как только те шаманы
 С шумом улетели ввысь,
 Кюн Толомон Нюргустай-шаманка
 С волнистой косой в девять маховых сажений,
 С дыханием, как шелковистая волна,
 Плавно расхаживая,
 Сверкая улыбкой,
 Сделала узенький турсучок,
 Зачерпнула в чистом море
 5550 И принесла воды;
 Перевертывая того человека
 На разостланной, слоистой бересте,
 Стала смывать с него
 То, что нагорело
 В огненном море,
 Что превратилось в сажу;
 Много раз мыла,
 Соскабливала [своим] тупым и коротким ножичком,
 Сделанным из обрубков
 5560 Семи железных кувалд,
 Из остатков девяти железных кувалд.
 Так трое полных суток
 Мыла она, соскабливала.
 Обмыла мертвого человека
 Дочиста, [не оставила и] соринки;
 Стала кругом обходить,
 Поливать, растирать,
 Пока не сделался он
 Похожим на спящего человека.
 5570 Так сделала [все]
 И протяжно запела,
 Заклиная, ударяла в гулкий
 Белый овальный бубен свой
 Величиною с небольшое озерцо,
 Размахивала глянцево-белой колотушкой своей
 Величиною с переднюю ногу
 Упитанной восьмитравой кобылицы,
 Отрубленную вместе с восемью ребрами:
 «Айхал, айхал, ойлоот!
 5580 Кюёгэйэ-доммут! Кюёгэл-нухал!
 Строптивный Кулун Куллустуур!
 Да будет так:
 Силой заклинания я вернула мать-душу твою,
 Повернула отца-душу твою²⁴³,

- Скрепила рассыпавшуюся землю-душу твою!
 Ойлоот, кюёгэйэ-доммун!
 Да будет так:
 Через темя вдунула твое белое дыхание
- 5590 Длинною с волосяную веревку!
 Да будет так:
 Я размахнулась,
 Далеко кинула всю нечисть,
 Все немощи твои!
 Дунула дыханием Кюн Дъаасына²⁴⁴,
 Очистила чистотой Хаан Дъаасына,
 Склонилась на счастье [тебе]
 Солнечным кругом,
 Плеснула удачей лунного круга!
- 5600 Ойлоот, кюёгэйэ-доммун!
 Уруй, айхал!
 Благословляю тебя!»
 Совершив таким образом
 Свое заклинание,
 Женщина-шаманка
 Шесть раз окурила
 Человека, очищая его,
 Трижды шумно пролетела над ним;
 С присвистом вдунула
- 5610 В темя его
 Величиною с моксу
 Белое дыхание
 Длинною с волосяную веревку.
 Человек вскочил,
 Крикнул: «О-ой!» – и уселся.
 От этого крика женщина-шаманка отскочила
 На расстояние трех дней пути.
 Сидел наш человек,
 Глядел бессмысленно по сторонам,
- 5620 Словно только что родившийся ребенок.
 Так «бессмысленно поглядывая, увидел он вдруг молодую шаманку:
 «Девка! Кюн Толомон Нюргустай
 С волнистой косой в девять маховых саженей,
 С дыханием, как шелковистая волна!
 Из-за чего это
 У такого человека, как я,
 Смягчилось ледяное бьющееся сердце с тремя опоясками?
 Из-за чего это
 У такого человека, как я,
 Из крепкой печени [гнев исчез]?
- 5630 Почему это у такого человека, как я,
 Беспокойные мысли успокоились?
 Видно, ты заколдовала меня.
 Помнится, сверкнули лики девяти

- Божественных кэкэт-шаманов, –
 Видно, это они помutilили
 Ясный ум мой,
 Развеяли добрые,
 Жалостливые мысли мои?
 Ну-ка ты, если желаешь стать женой
 5640 Такого человека, как я,
 Притащи бубен, колотушку и подвески свои,
 Сложи предо мною грудой
 Великоною с копну, занесенную снегом,
 Чтоб я мог [их] сжечь,
 Растоптать ногами то,
 Что можно растоптать,
 Разломать то,
 Что можно разломать!
 Без этого я все равно
 5650 Не возьму тебя в жены!» –
 Так сказал оживший человек.

На это женщина-шаманка ответила: «Разве я пожалею бубен и колотушку свои ради такого человека, как ты?»

Радостно посмеиваясь, приветливо улыбаясь, выложила она перед ним все об- лачение свое, грудой свалила величиною с копну, занесенную снегом.

- После этого, жалостно поглядывая,
 Словно изголодавшийся
 Жеребенок годовалый,
 Начинаящий есть,
 Ласково поглядывая,
 Словно годовалый жеребенок,
 Начинаящий пить,
 Стала эта женщина так говорить:
 5660 «Му-у, ой, май, хор!
 Строптивый Кулун Куллустуур,
 О господин мой!
 Вот усвоишь ты человеческие повадки,
 Смягчится ледяное сердце твое,
 И придет день, когда станем мы мужем и женой,
 [Тесно] прижмемся пахучими телами своими,
 Сблизимся потными телами сйоими,
 Жарко сомкнемся пористыми телами своими.
 А позже, когда начнут серебриться на затылке
 волосы наши,
 5670 Когда начнут на лбу белеть волосы наши
 И мальчики наши научатся держать ножи,
 А девочки научатся владеть ножницами²⁴⁵,
 Окажемся мы людьми, которых будут преследовать:
 В улусах адъараев
 Многих безвинных наказали мы,
 С неповинными расправились мы.
 А жители улусов леших злопамятны:

- Станут выслеживать [нас] по нашим старым следам,
Станут разыскивать по нашим свежим следам,
5680 В ту пору, когда мы оскудеем [силой],
Воспользуются нашей немощью.
Вот тогда эти вещи
Окажутся, наверное, полезными, нужными.
Но это – как ты решишь.
Еще недоставало того,
Чтобы мы, претерпев
Столько мук и страданий,
Теперь повздорили
Из-за бубна и колотушки,
5690 Из-за этого затеяли скандал?
[Но] – воля твоя! Ой, буйака-ам!»
Наш человек призадумался,
Скрестил мощные
Серебряные пальцы свои,
Похожие на десять горностаев,
Сложенных вместе
Головами в разные стороны.

Подумал и сказал так: «Убери-ка скорее прочь эти вещи и снаряжение свое!» – и отпихнул ногой лежавшую перед ним грудю.

Женщина, радуясь, ликуя, тотчас же сбросила свое облачение.

Человек сказал: «Подойди-ка, девка, сядь-ка вот сюда» – и хлопнул по коленям своим.

- Женщина подошла,
Уселась на колени к нему –
5700 И до того нацеловались,
Нанюхались они,
Что из нижней губы [у каждого]
Выступило по шести ковшей масла,
Что из верхней губы [у каждого]
Выступило по три ковша молока.

Нацеловавшись, нанюхавшись, мужчина сказал: «Ну, девка, – подумал я – когда улеглась моя яростная строптивость – у меня ведь есть родная страна, дом – полная чаша, несметное богатство. Отправимся-ка скорее [туда]!»

- «Брось, дружок! – [просит шаманка]. –
Не говори так!
Погоди, серебряный мой!
И я имею многочисленный народ свой,
5710 Почтенную госпожу-мать,
Почтенного господина-отца.
Они, должно быть, думают:
«Наше дитя, наверное,
Строптивный Кулун Куллустуур убил!» –
Живут, должно быть, в горе,
Добрых глаз своих не поднимая,
Рыдая и плача,
Золой [себя посыпают].

- 5720 Не лучше ли будет
 Нам отправиться к ним,
 Навестить их, утешить?
 [Пусть увидят], что мы живы!
 Пусть преисполнятся
 Благодарности,
 Пусть порадуются!
 Ведь я женщина,
 Владеющая конем
 Для верховой езды,
 [У меня столько] войска,
 5730 Сколько искр бывает, когда горит сера.
 А что, если мы заселим
 Людьми и скотом наш рай,
 В котором ни люди, ни скот
 Еще не размножились?»

Наш человек на это говорит: «Ты, женщина, с давних пор водишь меня за собой, что ж, отправимся!»

И вот мужчина с женщиной взялись за руки, стали шагать, тяжело ступать, переваливаясь.

- У мужчины с каждым шагом
 Стали стягиваться
 Спинные сухожилия,
 Выгибаясь, как упругое дерево;
 Ноги стало сводить,
 5740 Подобно лучку черкана.
 Яростная страсть его умножилась,
 Бешенство в крови вскипело.
 Остановился на миг, стал он говорить такие слова:
 «Мо-о, хор, хор!
 Беленая дрянь *
 Со смазливенькой рожей...
 ...Продувная бестия!
 Думаешь, видать, похвастаться
 Таким человеком, как я:
 «Заставила, мол, ползти на своих
 5750 Четырех конечностях,
 Обратила в четырехтравного черно-бурого быка,
 Просверлила ему нос,
 Запрягла в восьмикопыльные
 Железные нарты-сани:
 Необузданность – укротила,
 Дикость – усмирила,
 Привела его [домой]!»
 Наверное, хочешь похвастаться, что ведешь меня так?!
 Думаешь: «Наконец-то ретивого [утихомирила],
 5760 На поводу повела,
 Обратила в четырехтравного гнедого жеребца-коня,
 Взнуздада ремешком,

Накрыла вьючным седлом,
 Лыковый повод надела,
 Потником из коры покрыла,
 Заставила биться, как жеребенка!»
 Должно быть, хочешь похвастаться: вот, мол, привела!?
 Такому человеку, как я,
 Подобаает иметь верхового коня,
 5770 Упряжную лошадь!
 Муо-о-йакам!» –
 «Что ты, дружок!
 Если ты пожелаешь,
 Для тебя и конь найдется!» –
 Сказала женщина, радостно рассмеявшись;
 Пошарила в правом кармане своем, –
 Вынула ком свалывшейся шерсти рыжей лошади
 И трижды прокричала:
 «Хору! Хору! Хору!»
 5780 Трижды по солнцу повернула комок
 И бросила его.
 Как только он,
 Кружась, упал на землю,
 Разом явился,
 Вскинув стройную шею,
 Буйный Рыжий конь.
 Оказывается, у этого коня
 Имеется все положенное
 [Для верховой езды] убранство.

Мужчина говорит: «Вот как! Эта девушка все заранее приготовила, [решив]: «Может, когда-нибудь в будущем понадобится!» И побежал навстречу молодому коню.

А молодой конь его, громко заржав, одним махом прискакал к нему. Человек, ухватив его за [повод] и узду, сунулся носом в ноздрю коня, обнюхал-обласкал.

Глядя в упор на своего человека, та женщина говорит: «Лучший разговор – совет, лучший узел – распускной²⁴⁶. [Давай] посоветуемся! Мои отец, с матерью в тоске по мне, наверное, золой посыпают себя, наверное, живут, забыв, откуда ласковое солнце восходит и [где оно] заходит. А что, если я раньше тебя прибуду, [оживлю] их, обрадую, подготовлю к встрече с тобой?» Наш человек говорит: «Ну что ж, хорошо, отправляйся».

5790 Женщина тотчас же упала ничком,
 Трижды перекувырнулась-покаталась
 И превратилась в белого журавля
 С крапинками на концах крыльев,
 [Похожих на] мелкие лоскуты –
 [Обрезки из-под] ножниц молодой девушки,
 С окрашенным клювом, с ободками вокруг глаз,
 Стремительно взлетела ввысь,
 Сверкая, [взвилась], к самой вершине
 Обширного гулкого неба;
 5800 Стала едва видимой человеческому глазу,

Сложила перья
Обоих маховых крыльев
И понеслась на восток, сотрясая воздух,
Подобно раскатам двух разящих громов.
После того как женщина
Улетела, взмыла вверх,
Мужчина схватил коня за узду,
Проворно, как вспархивает черный глухарь,
Вскочил в седло
5810 И сразу же направил коня
Прямо на восток,
Пустил его крупной рысью.

XIV

Коня пуская то крупной рысью,
То редким шагом,
То стремительным скоком,
Примчался [человек], вздымая пыль,
В ту самую страну, где привольно живет-поживает
Сандаар Тойон с фонарем из лунных лучей.
5820 На самой середине сверкающей благодатной долины,
Где останавливаются счастливые журавли,
Прочно обосновались,
Живут, оказывается, люди:
Показался обширный
Серебряный двор,
[Огороженный городьбой,
Длиною в сорок скаковых кёс],
Показался, сверкая золотом, высокий дом.
Стал человек подъезжать
К западным воротам
5830 Сверкающего серебряного двора.
А та женщина раньше [сюда] прибыла,
Все [для встречи] подготовила:
Ее посланцы [звоном] колокольчиков
Собрали ближних соседей,
Посланцы с барабанами
Созвали дальних соседей;
[Женщина] воткнула двенадцать березок-чэчир,
Подготовила двенадцать лужаек для пиршества.
Люди, живущие на [вершине] трех небес,
5840 Все собрались.
Когда этот человек
На всем скаку
Стал въезжать в ворота,
Подбежали [к нему] двое юношей,
Бросились к поводьям,
Повели коня его к главной,
Лучшей [из трех] коновязей,
[Украшенной] резным соколом,

Птицей-орлом,
 5850 Окрашенной львиной кровью,
 С бар-зверем на вершущке,
 И привязали [коня].
 От подножия коновязи
 До самых дверей дома
 Устлали путь, оказывается,
 Шкурками лисиц-сиводушек,
 Поддерживая, помогли человеку спуститься с коня,
 Повели его по этой дороге,
 Раскрыли дверь,
 5860 Ввели его [под] руки,
 Посадили на почетную скамью,
 На подстилку
 Из блестящей шкуры
 Белого жеребца,
 [Снятой] вместе с хвостом и гривой.
 С шумом приволокли
 И поставили перед ним
 Восьмиугольный широкий белый стол.
 Поставили перед ним
 5870 Большой кубок-айах,
 Украшенный кистями из конской гривы,
 Наполненный до самых краев кумысом;
 Смешали кумыс с маслом так,
 Что лошадь могла бы увязнуть,
 И поднесли [гостю].
 С большим трудом подняли,
 Принесли и выложили
 На слоистую бересту
 5880 Мясо шести жеребят-сосунков,
 Родившихся в пору
 Первых весенних проталин.
 Положили ребром
 Бойкий ножичек –
 На лезвии его играет-отражается
 Жующий юноша, его губы и зубы.
 Наш человек, как мы знаем, никогда
 Не пользовался ножом;
 Прочь отпихнул его
 И, мгновенно схватив мясо,
 5890 Стал глотать как попало,
 Словно в кожаный мешок затолкал,
 Словно в кожаную суму [побросал].
 Пальцами зажав
 Узорный кубок-айах
 С кистями из конской гривы,
 Разом опрокинул кумыс в свою глотку,
 Словно бы рюмку с водкой.

- Как только поел [и попил] –
 Посуду убрала.
 5900 [Смотрит]: на передней половине дома,
 Как писанный образ богородицы,
 На правой половине дома,
 Как писанный образ Николы,
 Сидят, оказывается, старик со старухой.
 Старик говорит:
 «Ну, дитя, человек, вошедший со двора,
 Что слышал, что видел?» –
 «Вот, старик, [что] слышал-[видел]:
 Твоя дочка
 5910 Взнуздала меня ремнем,
 Как четырехтравого жеребца,
 [Нацепила] лыковый повод,
 Оседлала вьючным седлом,
 Накрыла потником из древесной коры;
 Исполосовала бедра,
 Исхлестала зад,
 Разукрасила бока;
 Усмирила необузданность мою,
 Укротила дикость мою,
 5920 Сделала меня мужем своим и привела [сюда];
 Обратила меня
 В четырехтравого черно-бурого быка,
 Запрягла в восьмикопыльные железные нарты-сани,
 Нос просверлила, объездила –
 Сделала меня мужем своим –
 И привела [сюда].
 Побывали в улусах адьараев,
 С неповинными расправились мы,
 Невинных наказали мы.
 5930 Вот, старики, что слышал я!»
 Так сказал он и, как человек сытый,
 Улегся на боковую.
- Старик со старухой не проронили ни слова. А тот человек, как только улегся на боковую, захрапел в обе ноздри – точно раскатывались два грома.
- Ближние, соплеменники стали устраивать игры, затеяли пляски, стали [веселиться] и радоваться. Девять суток без отдыха провели в забавах и играх.
- Наш человек
 Все это время
 Не просыпаясь спал
 Глубоким сном.
 Когда полных девять суток [прошло],
 Вскочил на ноги.
 Опираясь на верхний конец
 5940 Острой пальмы своей с черной нечистью
 Величиною с подстилку из медвежьей шкуры,
 Со звоном волоча по земле
 Грозное копые свое,

Пылающее огнем кровожадности
 Величиною со средний горшок
 Тяжело ступая, зашагал вразвалку,
 Распахнул широкие двери [дома],
 Вышел и остановился.
 После этого шумно,
 5950 [Много], с маленькое озеро,
 Помочился²⁴⁷
 На белеющий сугроб,
 До вершины которого
 И подпрыгнув не достать
 Отменному человеку.
 Затем, ступая тяжело,
 Шагая вразвалку,
 Стал разглядывать
 Играющих людей.
 5960 Вот стоит он
 Веселый –
 Оказывается, детина он [видный],
 С красивым лицом,
 Солидной внешностью,
 Приятный обликом,
 Широченный в плечах,
 С мускулистыми руками,
 С крепким станом,
 С бедрами в плотных мышцах, –
 5970 Да, действительно, оказывается,
 Настоящий человек!
 Стоит он, поглядывает
 На старика и старуху
 Своими большими круглыми глазами,
 Похожими на медные кольца,
 И, стоя так, говорит:
 «Мо-о! Хор! Хор!
 Слушайте, старик со старухой!
 Эта Кюн Толомон Ньюгустай-шаманка
 5980 С волнистой косой в девять маховых саженей,
 С дыханием, как шелковистая волна,
 [Эта] женщина
 Усмирила необузданность,
 Укротила дикость
 Такого человека, как я,
 Повернула меня, сюда привела,
 Чтобы сделать мужем своим.
 И после того
 Как она привела меня,
 5990 Вы ее упрятали
 Или, невлюбив меня,
 Еще что-то сделали с ней?

- Что теперь остается мне,
 Такому человеку, как я, –
 Разыскивать ее по старым следам,
 Выслеживать ее по свежим следам?
 В какое логово свое провалилась она?
 Я – человек, имеющий свою страну, –
 Стосковался по стране своей;
 6000 Я – человек, имеющий землю свою, –
 Стосковался по земле своей.
 Не чините больше препятствий,
 [По-хорошему] приведите женщину
 За время, пока не сварятся один за другим
 Три горшка мерзлого мяса.
 Уой, буйакам!»
 Старик со старухой отвечают:
 «Серебряный ты наш!
 Говоришь ты что следует,
 6010 Говоришь ты что подобает.
 Дитя наше имеет свой отдельный дом,
 Свое жилье и хозяйство;
 Наверное, [она] снаряжает брачный свой поезд.
 Ну-ка! [Пусть] наш парень,
 Который бегаёт с важными поручениями,
 Посыльный Сорук Боллур²⁴⁸
 Приведет ее [сюда]
 [В срок], пока один за другим сварятся
 Три холодных горшка с мерзлым мясом».
 6020 И подъехал тут человек,
 Сидящий верхом на тощей бесплодной кобыле,
 Покрытой древесной корой [вместо потника],
 Под вьючным седлом,
 Взнузданной ремешками
 С лыковыми поводьями.
 Если приглядеться,
 Спросить: каковы же должны быть
 Одежда и снаряжение этого человека? –
 Он в дохе из шкуры со спины
 6030 Линяющего годовалого жеребенка,
 В натазниках из выделанной шкуры с его крупа,
 В торбасах с наголенниками из шкурок с задних ног,
 В рукавицах из шкурок с передних ног,
 Шея обернута хвостом [жеребенка],
 В шапке он из шкурок с головы [жеребенка],
 В наушниках из шкурок с ушей [жеребенка];
 Ну и пустил скакать человечешко
 Коня своего по-мышинному.
 Наш человек посмотрел ему вслед.
 6040 Этот паршивец
 В полдыхания дышит,

- Вполслова говорит,
 А в несколько прыскоков, по-мышинному,
 На бегу взлетел на вершину
 Трех серебряных ликующих холмов,
 Этот посыльный, Сорук Боллур-парень,
 Проскакав по-мышинному,
 Быстро подъехал [к дому],
 Стал распевать,
 6050 Проглатывая слова,
 [Обратился] к хозяйке,
 Находившейся возле дома:
 «Осулаата, осулаата!²⁴⁹
 Слушай-ка, девка, дорогая, госпожа моя!
 Прислушайся
 К бесшабашному напеву моему,
 К приплясывающему сказу моему!
 Предназначенный тебе свыше господин,
 Муж твой, Строптивный Кулун Куллустуур,
 6060 Говорит: «Куда же девалась хозяйка-жепа моя?!»
 Говорит: «Во что бы то ни стало приведите ее сюда!» –
 Собирается в прах растоптать
 Отца и мать твоих.
 Вот я и приехал потому,
 Что он потребовал:
 «За время, пока один за другим
 Сварятся три горшка [мерзлого мяса],
 Вручите ее в крепкие руки мои!»
 Зачем скрываешь свое лицо и глаза?
 6070 Ты, мерзавка со смазливенькой рожей, бестия продувная,
 Чего притворяешься...²⁵⁰»

Женщина говорит: «Смотри-ка, как обзывает, поносит меня этот варнак с лицом, словно плоская подошва! Только потому и останешься цел, что [явился] в мой радостный день! Попадись мне в плохой день – задала бы тебе как следует, вправила бы мозги тебе! Убирайся прочь, варнак, в другом месте болтай!»

Парень [повторил]: «Э, скорей же отправляйся, не притворяйся! Муж твой топтит!» И сам побежал обратно.

Женщина-шаманка трижды по ходу солнца обошла дом свой, смахнула колодушкой [снаряжение и вещи свои], и сразу [они] превратились в красный шелковый, расшитый золотом платок величиной с половину поля-елани. Женщина взяла его и положила в свой правый карман.

- У главной коновязи
 Из трех серебряных столбов
 Привязан наряженный,
 Как для праздника [жертвенного] оленя наряжают,
 Украшенный красивее,
 Чем цветы полевые землю [украшают],
 Конь Очугур Чуогур,
 Вскормленный листьями
 6080 Двух вечнозеленых берез,

- С чистыми белыми крыльями,
 Каждое величиной с поле-елань.
 Конь так украшен,
 Что – посмотреть [на него] сзади –
 Виднеется только
 Один подрагивающий хвост,
 Если спереди посмотреть –
 Виднеется только [гордая] голова.
 Женщина тут же отвязала коня,
 6090 Степенно повела его
 И вскоре подошла
 К отцовскому серебряному [дому].
 Господин-муж ее,
 Давно уже одетый,
 Стройный, подтянутый,
 Стоит, оказывается, у коновязи.
 Как только женщина
 Подошла к коновязи,
 Выскочили восемь девушек,
 6100 Подняли и посадили [на коня]
 Старшую сестру свою.
 Девять юношей прибежали,
 Отвязали коня Нашего богатыря,
 Бережно его поддерживая, помогли взобраться,
 Посадили-взгромоздили на седло.
 Восемь девушек столпились,
 Внимательно наблюдали,
 Девять юношей [словно] улицей встали,
 6110 Трижды провели [сидящих верхом]
 Вокруг столба –
 Главной коновязи с бар-зверем
 И, пустив [коней] вскачь,
 Выпустили через западные ворота.
 Женщина радостным заклинанием
 Вызвала восемь юрт прислужниц,
 Велела им следовать за собой;
 Громко кликнула
 Девять юрт прислужниц,
 6120 Велела им следовать за ней гуськом.
 Рогатый скот ее
 [Цельми] горами отделился,
 Табуны коней ее
 [Цельми] еланями выделились.
 Рогатый скот
 С мычанием потянулся за ней,
 Табуны коней
 С ржанием за нею последовали.
 Белошерстных и черношерстных своих,
 6130 Разделив пополам,

- С собой угнала –
 Ровно половину;
 Многочисленных, как искры от огнива,
 Слуг своих, разделив пополам,
 С собой захватила – ровно половину.
 И вот люди, от шагов которых
 Гудят леса на северных склонах,
 Шумят леса на южных склонах,
 Двинулись – с криками, гомоном, шумом.
- 6140 Старик со старухой,
 Выйдя следом за ними,
 Стали благословлять [отъезжающих]:
 «Среброгрудые жаворонки наши,
 Медногрудые птенцы наши!
 Да не коснется вас [коварное] слово
 Владящего татарской речью!
 Да не взглянет на вас в упор
 Имеющий водянистые глаза!
- 6150 Благополучно и счастливо [добирайтесь]
 До матери-земли, взрастившей вас!
 Да будут с колыбелями дети, которых вы народите,
 Да будут огорожены стада и табуны ваши!
 Да умножатся дымокуры,
 Взвивающие к небу голубые струйки-дымы,
 Да приумножатся жеребьячи веревки
 О девяти деревянных колышках с чекушками-застежками,
 Разведите [много], сколько шишек в лесу, жеребят,
 Народите четырех якутов,
 Вскормите двух якутов!
- 6160 Пусть держатся за подолы одежды вашей
 Покровительницы Ийэхсит и Айыысыт!
 Прощайте навсегда!»

XV С шумом-звоном ехали эти люди;
 Подъехали они к началу
 Поднимающегося от Средней земли
 Широкого божественного прохода,
 Похожего на разрезанное горло
 Черной лошади,
 Запрокинутое вверх.

- 6170 В начале этого прохода,
 Перед самым въездом [в него],
 Женщина, ехавшая следом за мужем,
 Вдруг вскрикнула: «Ой! Ой!»
 Потом зарделась,
 Подобно красному сукну,
 Неожиданно помрачнела.

Говорит: «Остановись-ка, дружок!» – «Это – еще зачем останавливаться?»
 – спросил мужчина и, подтянув повод, быстро повернул коня. «Когда я [сейчас]

взглянула вниз, увидела костер величиной с большой жертвенный огонь. Видишь ли ты его?»

На это наш человек сказал: «Я не шаманка, как ты, подруга моя, не вижу никакого огня». – «Ты не видишь, а я-то вижу. Если спросишь: «Что это за огонь? – [ответчу]:

6180 Лежит [там] Таас Олорчоx-богатырь –
С девятью седалищами,
Семью хитростями,
[О] тридцати девяти глазах
На единственном темени своем –
Сын шаманки Юргэр Саанык,
Младшей сестры шамана Ёлюю Босол.
Прибыл он сюда, к этому проходу,
По которому едем мы,
Заткнул его собой, перегородил.
Вы остановитесь, задержитесь здесь,
А я отправлюсь к нему,
6190 Попробую согнать, отбросить его
С помощью своих уловок,
Что убегающие облака,
Своих проделок, что проходящие облака».

На это наш человек сказал: «Нет, не могу я позволить, чтобы ты отправилась. Мне самому надо отправиться. Толстую кожу его разодрать, черную кровь [его] выпустить, крепкие кости [его] переломать».

Женщина говорит:
«Нет, дружок, это невозможно!
Не такой он богатырь,
Чтобы мог ты легко Толстую кожу его разодрать,
Темную кровь его выпустить.
Вместе с Турбутунан Тимир Суорун-богатырем –
6200 Приятелем твоим,
С которым ты дрался в огненном море, –
Они в одной колыбели качались,
В одном гнезде лежали²⁵¹,
Равной силой наделены.

Вот если б ты [опять] вошел в то огненное море – как знать, может быть, и расправился бы с ним. А больше нигде в этом солнечном мире ты его не осилишь. Если такие люди, как вы, станете бороться, выйдя друг против друга, ваша борьба будет продолжаться опять целую жизнь человеческую. Лучше уж мне отправиться и попытаться [одолеет его] силой своего волшебства, неуловимыми хитростями своими. Дружок, ты не ходи – я пойду».

Мужчина сказал: «Ну, если ты [сумеешь] повалить его на землю – отправляйся! [Не знаю только], вернешься ли ты, уничтожив-убив его, вступишь ли с ним в плотскую связь или так уйдешь куда-нибудь навсегда!»

После этого стал [богатырь] делать изгородь из лиственницы высотой до верхних зубов человека, [строить] изгородь из березы – по самые брови человека.

Оставшиеся [с ним] люди построили себе шалаши из коры; кормились теми из белошерстных и черношерстных, у которых был торчащий на брюхе жир, выступающий горбом на загривке жир; [наевшись], ходили, лоснясь от жира.

- А женщина та
 Слезла с коня и, ведя его на поводу,
 Степенно спустилась вниз по проходу.
 На нижнем конце прохода
 Бушует большой огонь
- 6210 Величиною с огромный жертвенный костер;
 По обочинам пылают
 Громадные огни,
 Лижут [стены прохода] так,
 Что поверху не пролететь
 И бабочке-[мотыльку],
 Понизу не прошмыгнуть
 И остромордой каменной мыши.
 Бросив взгляд свой сквозь просвет в пламени,
 Женщина [увидела]:
- 6220 По ту сторону [костра] лежит страшный человек
 С огромной спиной, заслоняющей солнце,
 С широким туловищем, закрывающим луну;
 Лежит, громадный,
 Скинул и подстелил под себя
 Железный кафтан-камзол
 Величиною с половину поля-елани,
 До колен спустил
 Обледенелые портки свои,
 Похожие на вываленные в тине
- 6230 Мережи для ловли гальянов...
 Когда женщина еще раз взглянула
 По ту сторону, за край огня, –
 Оказывается, [хозяин костра]
 Как попало нанизал на рожны
 Двух матерых медведей,
 Двух лосей-самцов,
 Двух серых волков.
- Женщина подошла к огню, приосанилась и начала говорить такие слова:
 «Дьээ-ыа! Хор-хор! Ой, друг,
 Сын Юргэр Саанык,
 6240 Таас Олорчох-богатырь,
 Господин мой,
 Предназначенный мне самец,
 Верный муж мой,
 Проснись же, проснись!
 Притуши-ка огонь-костер свой!
 Если спросишь:
 «Кто такая пришла?»
 [Отвечу]: отец мой – Сандаар Тойон
 С фонарем из лунных лучей,
 6250 Мать моя – Кюлюм Хотун
 Со светильником из солнечных лучей;
 Я, Кюн Толомон Нюргустай

- С волнистой косой в девять маховых сажений,
С дыханием, как шелковистая волна, –
Женщина-шаманка, [к тебе] пришла.
Если спросишь: «Зачем пришла?»
[Отвечу]: трое суток прошло с тех пор,
Как солнечные люди айыы
Схватили Строптивного Кулун Куллустуура,
6260 Подняли его на лежащую
На нижней окраине заклятого желтого неба
Столбовую гору с писаницей,
Чтобы живым превратить его в камень,
Предать его проклятию
За то, что хотел он убить и съесть меня;
В [тот же] день должны они были
[И меня заклать], обратить в бесплотного духа-юёр.
Потому-то дружок,
Понадеявшись на ноги свои, убежала я!
6270 Вызволи [из беды] белое дыхание мое,
Спаси [от беды] черное дыхание мое!
Может, ты и есть тот человек,
Который желает заполучить девушку,
Который нуждается в женщине? ‘
Нечего мне теперь гнушаться тобой,
Думая про себя: «Это – абаасы».
Зачем мне быть превращенной в духа бесплотного,
Когда [я] могу иметь мужем
Такого человека, как ты, –
6280 Тогда меня никто не осилит.
Господин мой, погаси же,
Потуши огонь свой!
Проснись же!
Ой, буйака-ам!»
То чудище
Подтянуло до верха бедер
Обледенелые портки-штаны свои,
Похожие на мережи для ловли гальяна,
Быстро схватило, на себя натянуло
6290 Свой железный кафтан-камзол
Величиною с половину поля-елани.
С хрустом-скрипом [абаасы] уселся поплотнее,
Помрачнел лицом, словно ржавчиной покрывся.
Растопырил [пальцы], дважды протянул-подержал их над огнем –
Мигом исчезли два серых волка.
Женщина отпустила на волю своего коня,
Легко перескочила, перемахнула через огонь,
[Встала] возле абаасы;
Выдернула один рожон
6300 [С тушей] лося-самца
И, подойдя к абаасы вплотную,

- Уселась с ним рядом – пола к поле –
И стала [кусать] как попало мясо,
Запихивать его в рот.
Вращая бельмом, абаасы бросил на женщину
Быстрый взгляд,
Словно предостерегая ее;
Выхватил из огня один рожон
С матерым медведем
- 6310 И стал [кусать] как попало мясо,
Запихивать его в рот.
Он и моргнуть не успел, взглянув,
Как женщина
С помощью колдовских уловок своих
Мигом покончила
С [мясом] двух лосей-самцов
И набросилась на рожон с медведем.
Запихнув в рот
- 6320 Остатки мяса медведя,
Абаасы с громким воплем
Схватил второй рожон.
Женщина начала отнимать,
Стали они возиться,
Выхватывать друг у друга.
Абаасы такими словами разразился:
«Бай, да, дугар!
Ой, хотуок, сэгэр!
Что это ты?!
Мерзкие проделки твои
Не выдержит и земля!
6330 Негодница-оборотень,
Мерзости твои не выдержит и глина!
Девка адъараев,
Уловки [твои] неуловимы, как убегающие облака!
Из какой это страны, сколько суток не евши
Шла ты, девка, что так оголодала?
[Не видишь разве],
Я и сам, несчастный,
Прибыл сюда с плачем-рыданием.
Шеи я, отощавший,
- 6340 Выслеживая по старым следам,
Разыскивая по свежим следам,
Следуя тропами сына Уордаах Дьёсёгёя,
Строптивного Кулун Куллустуура,
Заядлого мошенника,
Отъявленного варнака, –
Он поднялся сюда, погубив-сожрав
Турбутунан Тимир Суоруна-богатыря,
Которого со мной в одной колыбели укачивали,
Которого со мной в одном гнезде растили.

- 6350 Умирая с голоду,
Я поохотился, собирался поесть,
А ты, подлая, мерзавка, явилась сюда,
Отняла, ограбила, объела меня!
Девка адъараев с колдовством-волшебством
Неуловимым, что проходящие облака,
Ты, наверное, и меня самого хочешь съесть-сожрать,
Обмануть своими хитростями?!
Разве б ты захотела, чтоб я стал мужем твоим?
Да и я не собираюсь взять тебя в жены!
- 6360 Убирайся скорее прочь!
Не понравилось глазам моим глядеть на тебя,
Не понравилось ушам моим выслушивать речи твои!
Не [терзай] меня, не мучай,
[Не обольщай] лицом своим,
Убирайся скорее прочь!
О-ой, бай!»

Женщина сказала: «Чудище грубое, с лицом плоским, как подошва! Черный вор! Атаман прожорливых абаасы, главный из пожирающих смертей²⁵²! До чего же дошла я, горемыка, – даже ты, чудище этакое, смеешь гнушаться такой женщиной, как я! Раз так – давай [силами померимся], позабавимся с тобой!»

Абаасы сказал: «Ну, если [так], я ведь тоже не прочь [подраться]-позабавиться!»

- Таковыми словами перекинувшись,
Стали женщина и абаасы постукивать
Друг друга по макушкам
- 6370 Своими увесистыми,
Девяностопудовыми палицами-булавами.
Еще не успели свариться
Три горшка мерзлого мяса –
Вдребезги расколотили
О головы оружие свое.
Абаасы так громко завопил,
Что голова кэй тотуо-чудовища
Треснула посередине.
Схватил он
- 6380 Единственной длинной черной рукой своей
Женщину за пах
И пошел бить ее без устали.
А женщина старалась поддеть абаасы
На острие пальмы.
Так забавлялись-[дрались] они,
Как жеребец с кобылой,
Полных тридцать суток
Одного месяца.
Люди, из жира слаженные,
6390 Вроде бы уставать стали,
Люди, из мяса [созданные],
Вроде бы стали изнемогать.
От абаасы завоняло

Подмышечным потом,
На лице и шее женщины
Материнский выступил пот;
Повеяло-потянуло [от нее]
Приятными запахами.
Крепко, с грохотом лбами стукнувшись,

6400 Они остановились.

Стала женщина сетовать: «Эх ты, чудище! Погнушался такой женщиной, как я! Смотри, до чего довел меня, каким страданиям и мукам подвергнул! От несчастной не отстанут несчастья, от горемычной не отходит горе!»

Абаасы, хрюкая, обнюхав женщину и сказал: «Вот ведь досада! Какие жалостливые слова [говорит] эта дочь солнечного племени айыы! Бедняжка, серебряная сережка! Ой, как забилось сердце мое, [задрожала] околосердечная сумка моя! Что же это я заставляю плакать милую мою?! Если ты правду говоришь, ладно, отправимся в страну свою!»

На это женщина отвечает: «Ой, серебряный мой! Как же хорошо ты сказал! Радость моя, ликованье мое!»

Оба расцеловались-понюхались.

Женщина говорит: «Ну что, дружок мой? Есть ли у тебя конь верховой? [Садись], поедем скорее!»

Абаасы отвечает: «Ну какая же у меня может быть верховая лошадь, если я за Кулун Куллустууром [кружу] по окраинам разных небес? Пешком хожу! Я такой человек – могу пройти столько, сколько молодой конь пробежит. Хотя было у меня лошадей молодых достаточно для одного человека, да, обходя края Сибири, подумал я: «Зачем мне с ними возиться?» – и бросил их».

Женщина говорит: «Ну раз так – иди пешком! И то правда, разве такой человек, как ты, пройдет меньше, чем молодой необъезженный конь!»

[Пошли они] обратно к тому месту, где ели. Абаасы заграбастал шапку и рукавицу. Женщина собрала свои вещи и снаряжение, ловко [вскочила] на своего коня Очугур-Чуогура. Абаасы, ссутулив спину, втянув живот, двинулся первым. В темноте выделялось неясное очертание его долговязой фигуры.

Едет женщина, приговаривает: «Алаатыгар! У моего старика хоть одна нога, да крепкая! Еду за милым следом, смотрю на него да радуюсь! Подойди-ка, поцелуемся!»

«О-о-о, милая моя! С какими хорошими мыслями едешь!» – повернулось чудовище, подошло к женщине, вытянуло голову и поцеловало женщину несколько раз.

Каждый раз, когда женщина
Льстила абаасы,
Он, польщенный, еще быстрее трусил,
Неуклюжей тенью мелькал,
Сутулясь-горбясь,
Живот подбирал-втягивал.
Подошли они к проклятому проходу
Тимир-Чангкый²⁵³, ведущему в Нижний мир.
Узкое ущелье так изгибалось,

6410 Так круто сползало вниз,
Словно семь извивающихся веревок-поводьев,
[Которыми] управляют
Густопятнистыми жертвенными табык-лошадьми²⁵⁴

Гулкого обширного неба,
Принадлежащими сыну верхних духов
Хончолуун Тойона и Хомпоруун Хотун –
Ала Мюльгюн-богатырю,
[Которыми] тот оглушительно бьет по лопаткам
И по плечам [жертвенных коней].

Шаманка айыы сказала: «Ну, дружок, проходи же скорей! За нами как будто гонятся!»

- 6420 Абаасы сгорбился, нагнулся,
Стал, суетясь, торопясь,
Не разбирая пути, спускаться вниз.
Женщина тихо вытащила
Грозное копьё свое,
Пылающее огнем кровожадности
Величиною со средний горшок,
И направила его
В черную печень абаасы.
А [он] продолжал бежать, наклонясь,
- 6430 Сгибаясь все ниже и ниже,
И сквозь швы железного панциря
Между лопатками
Показалась открытая рана.
Женщина нацелилась
И ударила копьем
В открытую рану
Меж лопаток абаасы,
Да так, что острие насквозь прошло
И вышло на два пальца ниже
- 6440 Грудного соска абаасы.
Чудовище
Громко завопило,
Тотчас упало ничком.
Скорчившись в предсмертных судорогах,
Метался абаасы, подобно жеребенку,
Столько времени, [сколько надобно],
Чтоб сварились три горшка мерзлого мяса;
Потом наконец [распрямылся]
И так лежал,
- 6450 Косясь в сторону женщины
Белком глаза своего.
Затем он сказал:
«Бай, да,
Белесая тварь
С белой половиной головы!
Подлая бестия
Со смазливенькой рожей...
Хитростью [заманила],
Коварством своим погубила,
- 6460 Уловками своими одолела меня!

О матушка моя,
Юргэр Саанык-шаманка,
Навеки прощай!
Барылаах, деревянный бог мой,
Прощай навсегда!
Хотел отомстить я
За названного брата своего,
Турбутунан Тимир Суорун-богатыря,
А теперь сам умираю!

6470 Ый-ыйбын! Аай-айбын!»

Сказал так, ноги протянул, умер. Молодая шаманка выдернула копьё свое, отволокла умершего абаасы в сторону от прохода, расколотила его вдребезги, превратила в брызги месяца, в божий туман истолкла²⁵⁵. Войдя в небольшое молочно-белое озеро, она вымылась.

Сделав это,
Уселась верхом
На молодого коня своего Очугур-Чуогура,
Вскормленного листьями
Двух вечнозеленых берез,
И с шумом понеслась
Прямо на запад,
Направилась в землю-страну мужа своего.

XVI

6480 С шумом и громом
Летела она и прибыла
В ту мать-землю,
Где вырос ее муж.
Доехав до сверкающей долины,
Где зимовали
Счастливые белые журавли,
Шаманка [спешилась] и побежала
К трем взметнувшимся ввысь
Ликующим серебряным холмам.
Средний из этих трех холмов
6490 Расколосся
От подошвы до самой вершины,
И сразу же оттуда показался, извиваясь,
Просторный божественный проход,
Похожий на разрезанное горло черной лошади,
Запрокинутое вверх.
Оттуда появились:
Сначала – Бэдэрдээх Бэбиэрэ Хотун,
А за нею – Аан Мичик Хотун;
Высунулись [они из прохода] по грудь,
6500 Ласково заулыбались,
Приветливо засмеялись,
Плавно, протяжно пропели
[Приветствие]-благопожелание свое:
«Уруй, уруй, айхал!

- Кюёгэйэ-доммут!
 Среброгрудый наш жаворонок,
 Медногрудый наш птенчик,
 Говорящая, говорливая птичка наша!
 6510 Значит, возвратилась ты, пришла,
 Кюн Толомон Нюргустай-шаманка,
 Чтобы исполнить лучшее
 Предназначение свое – стать прародительницей людей;
 Смотрите, вот [нам] радость-утеха!
 Да будет так:
 Наплодите мальчиков,
 Нарожайте девочек!
 Первый счастливый приплод свой
 Спусти к нам –
 6520 [Каждая из нас] будет кумой!
 Золотая ты наша, дитя наше, –
 Кюёгэйэ-доммут!
 Уруй, айхал!»
- Женщина сказала: «Вот и прекрасно! Примите благодарность за благословение!»
 Села верхом на копя, плавно поехала дальше.
 Волнующееся, туманное,
 Незамерзающее море,
 Куда впадают
 Девять великих рек,
 [Она] вброд переехала с хлюпаньем.
 Молодой ее конь –
 Он крылатым был –
 6530 Вылез, не утонул.
 Понеслась она на всем скаку
 В сверкающую долину,
 Где останавливаются счастливые журавли,
 Въехала в просторный светлый двор мужа,
 Привязала коня к главной из трех
 Старинных коновязей с перехватами.
 После этого женщина по-хозяйски,
 Настежь распахнула широкую дверь,
 Проворно вбежала в дом свой.
 6540 Сохранившимися с давних-давних времен
 Остатками дров
 [Развела] шумный огонь;
 Подмела, убрала
 Просторное широкое жилище свое.
 С давних-давних времен
 Разбросанную там и сям посуду
 Вымыла, вычистила, расставила по полкам.
 Из припасов на дне
 Погребов-ледников
 6550 Вытащила мясо
 С самым толстым брюшным жиром,
 С самым плотным спинным жиром.

Тщательно промыла его женщина,
Омыла водой чистого моря,
Сварила с приправами в трехпудовом котле.
После этого женщина
Выскочила на улицу
И посмотрела
В сторону незамерзающего моря.

Там она увидела: [Строптивный Кулуц Куллустуур] приехал, сделал девять плотов, загнал на них бел шерстный и черношерстный [скот] свой, так что плоты были битком набиты, стал переправляться. Кюн Толомон подбежала к мужу и стала помогать ему переправлять [плоты]. Переправляли они плоты от восхода солнца до полудня. Кончив с этим, Строптивный Кулун Куллустуур привел на поводу Буйного Рыжего коня своего, привязал к главному столбу коновязи.

- 6560 Родня-народ его прибывать стал,
Понабился в просторное
Широкое жилище.
Наконец-то эти два человека
Почувствовали,
Как приятно тепло священного очага,
Наконец-то ощутили, вдоволь поев,
Как вкусна чистая благодатная пища.
Тем временем
Надвинулась мать-ночь,
6570 Которая кружится в обратном [ко дню] направлении, –
Темная ночь с сорока четырьмя пуговицами
Блуждающих звезд.
Заволакивая [землю и небо], пришла
Первозданная черная ночь
С восемью спутниками-звездами Большой Медведицы;
[Пришло] время хозяину с хозяйкой
Рядом укладываться на передней лавке-кэтэгэрийн²⁵⁶
Парни и девки прислуживающие
Разошлись по [своим] лавкам;
6580 Все начали укладываться,
Позабылись сном, [наступила] тишина
[Хозяин с хозяйкой], значит,
Подложили под голову лисьи шкурки,
Подстелили собольи шкурки,
Укрылись бобровыми шкурками,
Обнялись, улеглись
На устланной сеном лавке своей.
Когда огонь очага
Стал едва-едва мерцать,
6590 Когда люди, сразу засыпающие, [захрапели],
Когда люди, не сразу засыпающие,
Только подремывать начали,
Заскрипел дощатый настил лавки,
Раздался гром
Посильнее забав Орой Буурая²⁵⁷,

- 6600 Послышался страшный шум
 Куда сильнее ударов Сююлэ Хаана,
 Потрясающий шум
 Посильнее раскатов Хаан Дьяасына,
 Такой раскатистый грохот,
 Такой оглушающий гул,
 Что лошади с равнин разбежались,
 Утята с озер с шумом взлетели,
 Соколы с южных склонов разлетелись,
 Зайцы с северных склонов
 С перепугу ускакали в лесные чащи.
 Люди, спавшие на правой стороне
 Вскочили, сели, спросили: «Что за напасть?!»;
 6610 Люди, спавшие на левой стороне,
 Свалились на спину, [вскрикнули]:
 «Ай, что за беда?!» – и обмерли.
 Такое сотрясе'ние произошло,
 Что скамья с дощатым настилом
 Раскалываться стала,
 Такая суматоха поднялась,
 Что большие, тяжелые лавки
 Переламываться стали.
 Люди, напуганные шумом,
 Проснулись, заговорили:
 6620 «Это не иначе, как первый пыл
 Хозяина и хозяйки нашей!..
 Тише, парни, не разговаривайте!» –
 И снова стали укладываться,
 В смущении наглухо укрываясь одеялами.
 Когда до утреннего рассвета
 Оставалось столько времени, [сколько нужно],
 Чтoб сварился один горшок мерзлого мяса,
 Наконец-то стали стихать шум и гром;
 Наконец-то стали успокаиваться
 6630 Наши люди.
 После этого
 Строптивый Кулун Куллустуур и его жена
 Проспали непробудно
 Девять дней и девять ночей.
 А в это время прислуживающие им парни и девки
 Ели-обжирались,
 Ходили, лоснясь от жира,
 Шныряли туда-сюда,
 Резво задирая головы,
 6640 [Ничего] не боялись,
 Даже не думали, [что] хозяин с хозяйкой проснутся.
 Когда прошли
 Полных девять суток,
 Спящие проснулись
 И уселись на лавке своей.

- Велели девяти прислуживающим парням
 Принести и поставить перед собой
 Воду из чистого моря.
 6650 Сказали: «Первозданной черной ночью
 Прилепилась, наверное, черная нечисть» –
 И дочиста вымылись Водой черных глубин.
 Сказали: «Во время синей темной матери-ночи
 Пристала, наверное, синяя нечисть» –
 И начисто вымылись
 Водой синих глубин.
 После этого парни
 Положили на расслоенную бересту
 Самый чистый из брюшного жира,
 6660 Самый свежий из хребтового жира
 Яловой кобылы,
 С трудом подняли, принесли
 И выложили горкой
 На восьмиугольный белый стол
 Перед хозяином и хозяйкой.
 Слушая друг друга, улыбаясь,
 Хозяин с хозяйкой
 Друг на друга посматривали, посмеивались,
 Смачно причмокивая, [в охотку] поели.
 6670 Мужчина, поев, отправился
 Сибирь кругом объехать, посмотреть-проведать
 [Табуны] своих белошерстных бегунов,
 [Стада] своих черношерстных бегунов.
 Женщина потихоньку вышла [из юрты];
 Сияя, улыбаясь,
 Вынула из правого кармана своего
 Красный шелковый платок,
 Расшитый золотом,
 Величиною с половину поля-елани;
 6680 Приказала:
 «Растянись-ка,
 Превратись в уютный дом!
 Обернись-ка,
 Установись золотым моим жильем о сорока окнах!»;
 Трижды по ходу солнца покружила,
 Развернула [платок], бросила на землю,
 Развернувшись, сверкнул
 Этот платок, падая на землю,
 И превратился в серебряный двор –
 6690 [Чтоб объехать его по окружности,
 Надо скакать полных тридцать дней одного месяца];
 Засиял и превратился [платок]
 В золотой дом о сорока комнатах.
 И тут же –
 И откуда только прийти смогли? –

Появились
Прислуживающие парни и девки.

Женщина сказала: «Ну-ка, парни, ну-ка, девки, вынесите из того старого дома всю, какая есть, утварь и перетащите в этот дом».

- 6700 Парни и девки Вытянули, задрали головы,
Побежали в левую сторону.
Женщина-хозяйка,
Плавно покачиваясь, пошла
На восточную половину двора;
Протяжно загудел
Белый овальный бубен ее
Величиною с небольшое озеро,
Звонко-дробно зазвучала
Глянцево-белая колотушка ее
6710 Величиною с переднюю н огу
Восьмитравой упитанной кобылицы,
Отрубленную вместе с восемью ребрами;
[Стала] она протяжно распевать, заклинать.
«Уруй, айхал! Ойлоот, ойлоот!
Кюёгэйэ-доммун!
Уруй, айхал, айхалбын!
Дух-хозяйка горного,
Мерцающего белым светом прохода,
Похожего на мороженую шкуру
Пестрого, в черных крапинках быка,
6720 Вывернутую наизнанку,
Ничири Баай Иэйэхсит-бабушка моя,
Постарайся разом пригнать
Круторогий, со спутанной шерстью скот мой,
Полями считанный!
Дух-хозяин пестро-пятнистого горного прохода,
Похожего на мороженую шкуру
Серого коня с пятнами на лопатках,
Вывернутую на обратную сторону,
Дьёсёгёй Айыысыт, любезный дедушка мой,
6730 Попытайся-ка разом пригнать
Табуны, считанные долинами,
Лошадей моих короткогривых
С чистой светлой шерстью,
Похожей на смётанные сугробы!
Уруй, айхал, кюёгэйэ-доммун!»
К восходу солнца
На третьи сутки
После того, как женщина
Кончила заклинать,
6740 С той стороны,
Где восходит летнее солнце,
Распахнулись двери
Горного прохода,

- Мерцающего белым светом.
Рогатый скот Кулун Куллустуура,
Давно сданный [богине] Иэйэхсит²⁵⁸,
Расплодившийся, размножившийся
В десять раз,
От восхода до захода солнца
- 6750 Непрерывно тянулся,
Подобно поплавам сети.
[Лишь тогда] со скрипом и шумом
Опустились прясла ворот
Горного прохода.
По горному
Пестро-пятнистому проходу,
Открывшемуся с той стороны,
Где восходит зимнее солнце,
Непрерывным потоком тянулись
- 6760 Табуны Кулун Куллустуура,
Подобные белым сугробам,
Давно сданные [Дьёсёгёй] Айыысыт,
Расплодившиеся, размножившиеся
В десять раз.
После того как они спустились,
За ними раздался грохот
Задвигаемых трехрядных прясел.
Так плотно набились-сбились
Табуны лошадей [наших] людей,
- 6770 Что лошади стали спутываться гривами;
Рогатый скот их так скучился-сгрудился,
Что стал сцепляться рогами.
Столько собралось белошерстных [лошадей],
Что [от их дыхания] лучи солнца померкли;
Столько скопилось черношерстного [скота],
Что [от его дыхания] лучи месяца потемнели.
Соединилось богатство двух Сибирей²⁵⁹,
[Обернулось] чрезмерным обилием,
Стало непомерным богатством.
- 6780 Жили эти люди, икая от изобилия густой [пищи],
Захлебывались от изобилия жидкой пищи.
Они ели, что хотели,
Что выберет их Указательный палец.
Старый дом Строптивного Кулун Куллустуура
Превратили в хлев, чтобы там
Спасались от жары и лошади, и коровы.
Ели, угощались [люди], лоснясь от жира,
Наедались, насыщались, делались тучными.
- 6790 Так зажили хозяин с хозяйкой.

[ЧАСТЬ ВТОРАЯ]

XVII

- Вскоре Кюн Толомон Нюргустай
Забеременела – расплнела,
Стала тяжелой – растопырилась,
Стала брюхатой – выпятила живот.
Во всяком олонхо
Бывает преувеличение,
Во всяком предании
[Есть вымысел].
- 6800 У женщины уже через сутки
Была месячная беременность,
Через двое суток –
Двухмесячная,
Через девять суток –
Девятимесячная.
У женщины в положенный срок
Время подошло,
У женщины в положенное время
[Сроки] завершаться стали.
- 6810 Однажды утром соскочила она с постели,
Красная, словно алое сукно,
С зардевшимся лицом сидела она
И медленно расчесывала
Желто-белым гребнем
Девятисаженную волнистую косу свою.
Задумчиво смотрела
В сторону господина своего
Глазами, полными слез,
С такими словами [к нему она обратилась]:
- 6820 «Дьэ-э, хор-хор!
О господин мой,
Предназначенный мне самец,
Верный муж мой!
Из глубины живота [моего]
Идут, усиливаются боли;
Всей плотью своей
Занемогла я до самых костей зубов,
Испытываю я сверлящие боли

- До самых каменных зубов,
 Главные мышцы мои начинают сокращаться.
- 6830 Иди же, дружок,
 Скорее отправляйся в темный девственный лес,
 Похожий на срезанный до основания
 Хвост молодого жеребца,
 Срежь двуствольную березку, сделай и притащи колья,
 Забей их [в земляной пол];
 Притащи охапку
 Зеленой локуора-травы²⁶⁰ о девяти стеблях,
 Пышно расстели ее на полу дома.
- 6840 Отправляйся в поле, разыщи и излови
 Светло-саврасого годовалого жеребенка,
 Впусти его на левую половину дома²⁶¹,
 Повали и заколи, выдерни стантовую жилу²⁶²,
 Сними шкуру, ее не разрезая,
 Сухожилия отдели, их не перерезая,
 Натяни пеструю волосяную веревку,
 Повесь шкуру передней частью вниз и просуши;
 Мясо отдели от костей и суставов,
 Не переламывая их²⁶³,
 Свари [мясо для] Ийэйхсит!
- 6850 Подними, поднатужившись, восемь расшитых, с конскими
[кистями]
 Турсуков моих с маслом
 И перенеси на левую половину [юрты].
 Откалывая по кусочку, вытопи его для Айыысыт!
 Расстели на лавке, поближе к стенке юрты
 Ковер из белой конской шкуры
 С черной каймой по краям.
 Поставь туда масло и мясо, остуди их.
 Разыщи среди нашей челяди самую старую старуху,
 Посади ее в ногах у меня!
- 6860 Если есть запертые замки – отомкни их,
 Если есть завязанные веревки – развяжи их²⁶⁴.
 Займись же, дружок, [всем этим] скорее!
 Сердце мое с околосердечной сумкой взволновалось,
 Крепкая печень моя зашевелилась!
 Ой, буйака-ам!»
 Мужчина все сделал, все приготовил, как сказала женщина.
- Как только он все подготовил, женщина быстро соскочила с лавки, подошла к вбитым кольям, легла, стала метаться-извиваться. Металась столько времени, сколько варится горшок мерзлого мяса.
- Затем вскочила на ноги,
 Прошла с левой стороны от чувала²⁶⁵
 И быстро выскользнула из дома.
 Старуха-бабка одна осталась
- 6870 У основания кольев.
 А женщина с развевающейся косой,

- Крутя подолом,
 Мелькая пятками,
 Молча направилась
 К трем ликующим
 Серебряным холмам,
 Взметнувшимся ввысь.
 Женщина поднялась •
 На вершину среднего холма –
 6880 И разом исчезла,
 Неизвестно куда девалась.
 Целые сутки пропадала она.
 Через сутки,
 Утром, на восходе солнца,
 Женщина вдруг влетела [в юрту].
 Обошла чувал
 С левой стороны
 И улеглась у основания кольев.
 Трое суток
 6890 Прележала и просидела она,
 Не отходя от кольев.
- Наш Строптивный Кулун Куллуштуур оказался человеком, которому и в голову
 не пришло, что надо бы спросить: «Куда уходила ты? Родила ты или нет?»
 Закончились третьи сутки.
 Утром, на восходе солнца,
 Женщина сказала:
 «Ну, вот, прошли, значит*роды».
 Поднялась, умылась, причесалась,
 Велела вынуть колья
 И собрать сено со своей лавки;
 Приказала, чтоб отнесли их
 В такое место,
 6900 Куда не заходят ни люди, ни скот,
 И положили в развилку дерева.
 На проводах Айыысыт²⁶⁶,
 Отправлении Иэйэхсит
 Справляли родины, ели, угощались,
 Затеяли игры-забавы,
 Веселье-ликованье.
 Так справили родины.
 Когда со всем этим было покончено,
 Строптивный Кулун Куллуштуур
 6910 Сел верхом на Буйного Рыжего кся,
- Помчался на коне своем,
 Отправился посмотреть-проведат!
 Белошерстных и черношерстных своих.
 Крупной рысью ехал он
 Вдоль сверкающего берега,
 Где зимуют счастливые белые журавли;
 [Потом], стуча копытами на бегу,

- Конь его стал объезжать
 С солнечной стороны
 6920 Три холма из чистого серебра.
 И вдруг [услышал Кулун Куллустуур]:
 Гудит земля в глубине,
 Под этими тремя холмами,
 Колеблется дерновина.
 Стал он прислушиваться к этому шуму,
 Вникать да присматриваться,
 И тут
 Раздался глухой,
 Грозный голос богатыря
 6930 Полуабаасы-полуайыы:
 «Бай, да, друг!
 Кто ты, [ездящий]
 С таким громким стуком копыт?
 Не тот ли самый
 Строптивый Кулун Куллустуур?
 Если [это ты], то, [когда] вернешься [обратно],
 Передай почтенной матери моей:
 Трое суток прошло с тех пор,
 Как я не сосал материнской щедрой груди
 6940 Величиною с большие кумысные меха;
 Проголодался [я],
 Могу заболеть,
 Печень распухнет [моя].
 Пусть же она скорее придет,
 Накормит грудью своей,
 Спасет меня!
 Бай, да, друг!»

Кулун Куллустуур сказал: «Что это за чудище говорит?» – подстегнул коня и во весь опор помчался к дому своему.

- Заставив коня
 В несколько скоков прискакать
 6950 К просторному белому жилищу своему,
 Он набросил на передний столб коновязи поводья его,
 Распахнул толстые двери
 И стремительно вошел в дом.

«Что, милая? По разным холмам раскидываешь сыновей-дочерей своих? «Трое суток прошло, – говорит, – как не сосал материнскую грудь, еще заболелю, распухнет печень», – говорит. – Сыном ли, дочерью ли ты разрешилась? Только мне послышалось, будто раздавался голос атамана абаасы, [он требует]: сейчас же приходи!» – [сказал муж].

Женщина, услышав это, [только и] сказала: «Ну-у!», пятками мелькнула, подолами закрутила. Отправилась днем, в пору первого дневного удоя коров, вернулась домой после второго дневного удоя²⁶⁷. Вот так все и уладилось.

Шумно и весело
 Жили эти люди.
 Сколько десятков суток проночевали –

- Сами того не знали;
Сколько раз вместе ложились –
[Счет тому не вели];
- 6960 Жили, забавляясь и радуясь.
И вот женщина эта, оказывается,
Опять забеременела, растолстела,
Стала тяжелой, растопырилась.
Похоже, у женщины в положенные месяцы
Опять сроки подходить стали.
Похоже, положенное время
Снова подходить стало.
Однажды утром женщина опять села
И стала смотреть в сторону мужа
- 6970 Глазами полными слез,
Лицо ее то пылало, горело,
То опять бледнело.
Со стоном [растолковала все]
Господину своему,
Заставила его приготовить
Опять то же самое,
Что было приготовлено при первых родах.
В ногах у лежавшей женщины
Посадили бабку-старуху.
- 6980 От болей телесных
Женщина стонала, охала.
Когда она, трижды вскрикнув,
Поднатужилась,
Упал мальчик
С кудрявыми волосами,
Ниспадающими до лопаток.
Оказывается, женщина родила вечером,
Когда люди собирались ложиться [спать].
Оказывается, и все домашние, и муж ее
- 6990 Уже сладко засыпали;
Оказывается, из ноздрей хозяина [засыпавшего]
Вылетал шум и грохот,
Подобный раскатам
Двух разящих громов.
Старуха-повитуха
Завернула ребенка в три соболя шкурки,
Положила его у изголовья матери,
Снова спать завалилась.
И сама женщина
- 7000 Тоже подремывать стала.
Когда женщина только начала засыпать,
Когда огонь чувала стал угасать.
Лишь временами вспыхивая,
Из глубины хлева слышались звуки,
Будто бренчали подвески [шаманской] одежды.

- Эти звуки
 Становились все ближе, все громче.
 Вскоре девка абаасы
 Величиной с эмэгэт
- 7010 Подошла, [встала] сбоку чувала,
 Стала скакать, надоедливо мелькать
 В полумраке, между светом и [тьмой].
 Женщина, начавшая уже засыпать,
 Сквозь сон видела все это.
 Усилился стук половинной колотушки,
 Загудел щербатый бубен.
 Зычный голос раздался,
 Шаманка [абаасы], беснуясь,
 Начала распевать,
- 7020 Беспорядочно стала напевать:
 «Эсэллээтэ-тасаллаата!
 Качанье мое, изгибанье мое!
 Нескладны напевы мои!
 Бесвязны речи мои!
 Трескучи речи мои!
 Подлый ты парень! Подлая ты девка!
 .Ведь [это вы] убили,
 Встретив у горного прохода,
 Сына моего, Таас Олорчоха-богатыря!
- 7030 Но удалось мне, резвой,
 Застать вас [враспloch]!
 Взамен ребенка – ребенок,
 Взамен человека – человек!
 Да будет так: заставлю улететь
 Сереброгрудого жаворонка вашего;
 Да будет так: заставлю вас выпустить
 Медногрудого птенца вашего!
 Иэ-доммун татай!»
- 7040 Прежде чем женщина,
 Громко вскрикнув,
 Схватила за изголовье,
 Девка абаасы
 Силой заклинания
 Мигом выхватила ребенка
 И опустила в бубен свой.
 Только раз после этого
 Звякнули подвески
 В глубине хлева.

Женщина наша воскликнула: «Ах, беда! Как же это я могла допустить, чтоб улетел сереброгрудый жаворонок мой! Ну-ка, ты, окаянный, долговязый, с лицом, что подошва, вставай же скорей!»

«А? Что случилось?» – вскочил и сразу сел человек.

Женщина говорит: «Ну вот, проспал! Девка леших [выкрала] сереброгрудого жаворонка нашего, медногрудого птенца нашего!»

«Разве мог я подумать, что девка абаасы придет и украдет?! Да и как же я мог не спать?»

«Что ж, так и будешь сидеть [сложив руки]? А если погнаться за ней, попытаться настичь ее у проклятого прохода Тимир-Чангкый?»

«О-о! Разве мне упредить, устроить засаду до того, как девка леших появится у прохода [леших]?! Ну что ж, пусть уйдет один мальчик или одна девочка!»

Женщина говорит: «Уродина окаянная с лицом, что подошва! Разве услышишь из уст твоих что-нибудь [путное]? Какая досада! Улетел птенчик мой! Не смогла я воспрепятствовать этому! Да разве нет у нас добрых коней? Ведь у нас еще есть и молодой крылатый конь. Если б ты сел на него, заставил его полететь, догнал бы ее!»

«Что ж, придется ехать, что поделаешь. Только где уж мне поспеть раньше этой девки леших?» – приговаривая так, [Кулун Куллустуур] стал поспешно одеваться.

Быстро собрав оружие и доспехи свои, он стремительно выскочил из дома.

- Очугур-Чуогура ²⁶⁸,
7050 Коня, словно бы спустившегося с неба
И стоявшего взаперти
Под навесом «Какаарыма»,
[Человек наш] взял [за узду],
Привел и, черным глухарем вспорхнув,
Проворно уселся на него. *
Быстрой рысью пустил он его до задворья,
А затем конь тот
С шумом полетел,
Развернув белые, величиною с половину елани
7060 Крылья свои, [гудящие на лету].
Летел он, летел,
Гудел он, гудел...
Наш человек
Заставил коня своего
Подняться над высоким белым облаком.
Повернул его прямо на север.
Сомкнув маховые перья,
Конь с гудением стал спускаться вниз;
Засвистело в ушах у нашего человека,
7070 [Как] свистит мерзлый тальник.
С шумом и гулом всадник [летел]
И наконец прилетел,
Звонко стукнул [конь копытами] о землю и встал
У начала прохода Тимир-Чангкый.
С коня соскочил,
Выпрямился.
Оказывается,
По ту сторону от этого прохода
Есть восьмигранная каменная гора;
7080 Человек повел туда коня своего
И в скрытном [месте] привязал его.
После этого он,
Тяжело ступая, переваливаясь,
Спустился вниз.

Пройдя от начала прохода
 До поворота,
 Грузно уселся он [в скрытном месте].
 Сидя, он изготовился,
 До [отказа] натянул тетиву
 7090 Весело гремящего лука своего
 С костяными загнутыми концами,
 Положил [на лук] девятигранную стрелу,
 Пылающую огнем.
 После того как пришел он и уселся,
 [Прошло], должно быть,
 Столько времени,
 Сколько нужно, чтобы сварился
 Один горшок мерзлого мяса;
 Вдали эхом разнесся
 7100 Голос девки абаасы:
 «Исиллигим-тасыллыгым,
 Качанье-изгибанье мое!
 Такой резвой старухе, как я,
 Удалось ведь, братцы,
 Заставить этих [злосчастных] парня и деву
 Выпустить сереброгрудого жаворонка своего!
 Ну вот, [теперь] я ребеночка этого
 Тихого – выучу, робкого – натаскаю!
 Взамен моего [утерянного] ребенка
 7110 Все же будет дитя.
 Иэхэйбин-чуохайбын!
 Иэ-доммун, татай!»
 Оказывается, это с шумом,
 Приговаривая так,
 Дергаясь и вертясь,
 Спускается чудовище.
 Наш человек изготовился,
 Старательно прицелился, зорко вглядываясь:
 Оказывается, идет [девка абаасы],
 7120 Держит бубен поперек высокой груди,
 А в него положила ребенка.
 Человек наш думает:
 «О-о! Как бы мне не повредить
 Своему ребенку!»,
 Оглядывает Нижний край бубна
 Девки абаасы
 И спускает тетиву своего лука
 С изогнутыми костяными концами;
 7130 Звук от двух пальцев его, [спустивших тетиву],
 Загремел, отдаваясь эхом [по ущелью],
 Подобно раскатам
 Двух разящих громов.
 Стрела его с пылающим огнем
 Попала в черную печень

- Девки абаасы
И, [пройдя] через спину ее,
Выскочила между лопатками.
Громко завопила
- 7140 Старуха абаасы,
Упала вниз лицом.
Бубен ее отлетел в одну сторону,
Колотушка – в другую.
Ребенок
Упал [поодаль],
Покатился, перекувырнулся,
Затрепыхался, взлетел вверх,
Превратился в золотую птичку.
Наш человек
- 7150 Пинком отбросил в сторону
Девку абаасы,
Побежал вверх,
Сел на своего коня,
Молодого Очугур-Чуогура,
Ввысь взлетел,
Погнался за той птичкой,
Но, как ни старался,
Не только не смог догнать,
Но и совсем упустил из виду сына.
- 7160 Сказал:
«Рожденный от оборотня – оборотень!
Рожденный от хитрой – и [сам] хитрый!»,
Быстро повернул коня своего
И с шумом полетел прямо на запад.
Летел он, летел,
Гудел он, гудел,
Пока не прибыл к дому своему,
И стоймя опустился
Вместе с конем своим
- 7170 У основания коновязи.
Человек спрыгнул с коня,
Забросил повод
На шейку столба коновязи
И, переваливаясь, тяжело ступая,
Вошел в дом.

Женщина увидела мужа и говорит: «Что, дружок, уже вернулся? Как съездил ты? Упустил, что ли?»

«Сын, рожденный тобой, оказался достойным тебя – сбежал!»

Женщина говорит: «Как это убежал? Ну, а где же девка абаасы?» Мужчина говорит: «Девку абаасы я убил там, где начинается [горный] проход. А что же еще? Съесть ее должен был, что ли? А твой сын улетел, превратившись в золотую птичку. Я погнался было за ним, да не догнал».

«Ну, если ребенок ускользнул из рук абаасы – проживет, найдет [долю] свою, об этом ты не беспокойся».

- Они успокоились,
Стали жить,
Как раньше жили,
Стали поживать,
7180 Как раньше поживали.
Между тем третьи сутки к концу подошли²⁶⁹.
Радуюсь и ликуя,
Как полагается при рождении ребенка,
[Снова] провожали Айыысыт,
Праздновали –
Ели, угощались, от жира лоснились.
Прошли [новые] третьи сутки.
Богатырь [Кулун Куллустуур]
То приходил, то уходил:
7190 В работе был, в движении.
Еще сколько-то дней прошло,
Который-то месяц проходит
Со времени, как родился [их] ребенок.
От слуг их люди рождались,
От прислужников дети рождались,
Так много их стало,
Что люди перестали
Узнавать людей,
7200 Скот перестал
[Признавать] друг друга.
Стали люди жить, богатея, обильно [питаясь].
Уже стало отдаляться, забываться
Время рождения [этого] ребенка.
Женщина опять
Забеременела, растопырилась,
Стала брюхатой, живот выпятила.
Трое суток прошли –
Тремя месяцами обернулись;
Шесть суток прошло –
7210 Стала [беременность] шести месяцев,
Девять суток прошло –
Стала беременность девятимесечной.
У женщины с положенными месяцами
Истекло [время],
У женщины с положенными сроками
Истекли сроки.
Однажды утром [женщина]
Встает с постели,
Опять плачет, рыдает,
7220 Смотрит в сторону мужа
Глазами полными слез;
Точно так же
Как при первых родах,
Распорядилась все приготовить.

- После этого уселась
У основания кольев.
Около полудня занедужила телом,
До середины ночи каталась,
Корчилась у основания кольев.
- 7230 Когда ночь только-только
Стала переваливать за половину,
[Женщина] трижды громко вскрикнула,
Поднатужилась –
И на сено упал
Мальчик с кудрявыми волосами,
Ниспадающими до лопаток.
Бабка-повитуха кинулась к мальчику,
Набросила на него рысьи и собольи шкурки,
Обняла его.
- 7240 А мальчик вдруг,
Топоча ногами,
Направился
К боковой половине чувала,
Потащил на спине старуху.
Люди [уже] были научены
Прежними случаями –
Оказывается, не спал
Ни один человек.
Медленно поднялся старик,
- 7250 Сгреб мальчика,
Обхватил его,
Унес и грузно уселся
На переднюю скамью.
Ребенка, которого старик держал на коленях
Почти до рассвета,
[Потом] взяли,
В рысьи и собольи шкурки завернули
И положили в изголовье у матери.
У людей, до того не видевших
- 7260 Ни одного рожденного [теми людьми] ребенка,
Радость и ликование
Были безмерными.
До того они обрадовались,
Что и не заметили,
Как прошли-минобали
Трое суток.

Когда исполнилось трое суток, женщина сказала: «Что ж, друзья, ведь сегодня – день проводов Айбысыт! Почему вы сидите, словно ничего не знаете, ничего не ведаете?»

И сразу все заговорили меж собой: «Ой, что ж это [мы]?» – «И то правда!» – «Ну-ка, приготовим все скорей!»

Для проводов Айбысыт
Эти люди приготовили еду,

- 7270 Вдоволь угощались,
 От души веселились –
 От восхода до захода солнца.
 Проводили Айыгысыт,
 Еда стала кончаться,
 Игры и забавы стали затихать,
 Людей ко сну клонило.
 И когда пришла-опустилась
 С пуговицами из сорока четырех звезд
 Госпожа мать-ночь,
 [Которая] вращается
 7280 В обратную [от солнца] сторону,
 Все люди, наигравшись, натешившись,
 Заснули, захрапели.
 Долго ли спали –
 Они не знали,
 Мало ли спали – не заметили;
 Когда вдруг проснулись,
 Оказывается, пришло уже время вставать.
 Повскакивали [с постелей].
 Умылись, причесались,
 7290 Поели и отправились работать –
 Кто куда.
 Между тем
 Тот четырехдневный ребенок
 Стал [уже как] четырехлетний ребенок.
 С тальниковым луком,
 Со стрелой из молодой лиственницы
 Гонялся [он] за птичками,
 Выслеживал чечеток,
 Обходил углы Сибири –
 7300 По утрам мальчик отправлялся из дому,
 Возвращался только к вечеру.

XVIII

- Так они поживали.
 Однажды вечером, когда лучезарное солнце
 Стало скрываться,
 Все возвратились,
 По домам своим собрались – в дети, и взрослые.
 Сказали: «Пора ужинать» –
 Стали варить и есть чистую, благодатную пищу;
 После этого начали было засыпать
 7310 На лавках своих, устланных сеном.
 Когда они так лежали и спали.
 А ночь только стала [заходить] на половину,
 Страшный сильный ветер
 Задул с северной стороны.
 Ветер этот постепенно усиливался.
 Толстые лиственницы

- Стали надламываться посередине,
 У пышных лиственниц
 Стали верхушки крошиться,
 7320 Коренастые лиственницы
 Стали расщепляться,
 Как спинные сухожилия.
 Обширное, просторное жилище [людей]
 [Этот вечер]
 Стал продувать, все сметая в кучу,
 Подобно большим вершам²⁷⁰;
 Окна из драгоценного камня-слюды
 Вышибать, разбивать стал.
 Через окна и дымовые отверстия
 7330 Стали проскакивать
 Красные огни в половину плети.
 Снег, с землей смешанный,
 Покрыв обширные пространства
 По самые рога трехтравой коровы.
 А когда эта круговерть со снегом, дождем и с огнем
 Словно бы проходить стала,
 С северной стороны
 Послышалась
 Звонкая поступь,
 7340 Словно звуки от ударов каленой пешней [по льду],
 Топот-рысь,
 Словно звки от ударов крепкой пешней [по льду],
 Хлесткий ход,
 Словно удары острой пешней [по льду].
 Со скрипом-хрустом прискакал [человек],
 [Видать, большие расстояния] отмахал,
 Остановил с шумом и грохотом
 [Коня своего],
 [Поставил его] поперек дверей их дома.
 7350 Приехал, стал бить в дверь
 С такой силой,
 Что накренилась на бок
 Западная стена дома.
 Начинает человек говорить-греметь
 [Угрожающими] словами:
 «Ба-ыай до, друг!
 Эй вы, братцы!
 Богатырь Строптивый Кулун Куллустуур,
 Бывший брат мой!
 7360 Прими-ка привет!
 Если спросишь: «Кто это такой явился?» –
 Я – девятигранный богатырь,
 Ростом – девяти саженой,
 Раньше назывался
 Турбутунан Тимир Суорун –

- Сын Уот Курбай-шаманки,
 Рожденной, чтоб опустошить девять городов.
 В давние, былые года
 Ты покарал меня, безвинного,
 7370 Наказал меня,
 Проступков не имевшего,
 И убил меня
 У моря великого, огненного,
 Тогда слёзы из единственного глаза моего
 Сбежали, превратившись в красные огни.
 Те слезы мои возродились – я ожил
 И, [вновь став богатырем],
 Вернулся в этот мир.
 7380 Если спросишь: «Какое последнее имя твое?» –
 Я, приехавший к тебе, зовусь теперь
 Кытыгырас Бараанчай,
 Владеющий землями непригодных окраин.
 Приехал я отомстить
 За то, что ты меня,
 Безвинного, убил.
 А ну-ка, друг, выхода!
 Попробуем помериться,
 Как меряются распахнутыми руками;
 7390 Взвесим вес и силу друг друга,
 Как взвешивают безменом²⁷¹ масло;
 Загубим славные наши имена,
 Которые не под силу поднять и лошади,
 Потеряем громкую славу нашу,
 Которую не под силу тащить и быку.
 Так уж и быть, попробуй съесть меня на этот раз!
 Ну, скорей выходи!
 Ой, буйакам!»
 Строптивный Кулун Куллуштуур
 7400 Никогда и нигде
 От стужи не вздрагивал,
 Оттепели не боялся,
 Богатыря не страшился –
 Стал поспешно одеваться,
 Сгреб руками снаряжение свое,
 Которое считал прочным;
 Одним прыжком оказался на середине дома,
 Остановился, выпрямился,
 Как напуганный медведем сосунок-жеребенок
 Возле кобылицы-матери своей.
 7410 «Погоди, дружок, потише,
 Не спеши, не горячись! – сказала женщина. –
 Может быть, самый знатный из чужеземцев,
 Самый главный из [чужого] улуса согласится
 Состязаться с тобой

- После того, как день проведет [мирно],
 Переночует [у нас], отдохнет?»
 Сказав так, послала Сорук Боллура,
 Парня-посыльного, с наказом.
 Сорук Боллур – парень ее,
 7420 Посыльный по важным поручениям,
 С шумом подбежал,
 В дверь протиснувшись –
 Одна нога – в доме, другая – на улице, –
 Стал говорить:
 «Усуллаата-асаллаата!
 Уйлаа-хайлаа!
 Господин мой,
 Господин мой!
 Выслушай напевные слова мои,
 Частую [скороговорку] мою!
 7430 Главная моя хозяйка изо всех хозяек,
 Кюн Толомон Нюргустай
 С волнистой косой в девять маховых саженей,
 С дыханием, как шелковистая трава,
 Приглашает тебя,
 Господин мой!
 [Она] просила передать:
 «Теперь мы болеем,
 Живем стесненно.
 [Но] пусть самый знаменитый из чужеземцев,
 7440 Самый главный из [чужого] улуса
 Переночует, отдохнет,
 Вкусит-поест досыта
 Вкусной, благодатной пищи –
 А уж тогда и начнет поединок
 С тойоном-врагом своим».
 Ну, господин мой,
 Заходи [к нам] скорее, заходи же скорей!
 Усуллаата-асаллаата!»
 [Приехавший отвечает]: «Бай да, дугар!
 7450 [Хозяйка твоя], по слухам, –
 Девка адъараев
 С уловками, что убегающие облака,
 Мерзкая тварь
 С колдовствами неуловимыми, как пролетающие облака,
 Говорят, [она] девка лешего с проделками
 [Непостижимыми], как бешеные облака!
 Не присяду я к почтенному огню вашему,
 Не стану вкушать благодатную пищу вашу.
 Не благодетельствуйте мне,
 7460 Укладывая спать на устланную сеном лавку!
 Если тебе жаль обиталища своего,
 Белого, как околосердечный жир, –

Скорее выходи!
Ой, буйакам!» – сказал абаасы.
После [этих слов] Сорук Боллур
В дом зашел.

А наш человек настезь распахнул тяжелые двери, стремительно выскочил из дома, широко шагая, направился прямо на юг. Шагая так, оглянулся назад – оказывается, тот окаянный, став еще более огромным, чудовищем-исполином, идет за ним следом. Ну что там раньше [был] – не сравнишь! Сейчас [он] вдвое страшнее [прежнего]!

- Идя [на бой], человек айыы думал:
«Уот-татай!
И впрямь, видно, наступил день,
7470 Когда меня съест-проглотит леший,
Сожрет-слопает адъарай.
Разве не осилит он
Меня, состарившегося,
Познавшего женщину²⁷²,
Поседевшего с затылка,
Побелевшего со лба?!
Ну, ладно: умру так умру!
Ведь после меня
Останутся потомки.
7480 Что будет – покажет судьба моя,
Выпавшая мне, когда над ал я на сено;
[Покажет! жребий мой,
Доставшийся мне, когда родился я на земле»²⁷³.
Прошли они
Всю землю-страну [Кулун Куллустуура],
Перевалили расположенные на юге
Мощные каменные горы,
Похожие на девять молодых вздыбленных жеребцов,
Готовых напасть друг на друга.
7490 По ту сторону этих гор
Протянулась округлая ограда-заплот²⁷⁴.
[Чтобы по окружности заплот объехать,
Надо скакать
Полных тридцать дней одного месяца];
Толщиною [ограда] –
В семь с половиной саженей,
Высотой –
В восемь с половиной саженей,
Насажены на нее железные прутья
7500 [Высотой] до девяти полных саженей.
Наш человек
Стремительно подбежал,
Оперся о верхний край заплота
И перескочил через него.
Абаасы подъехал, спешился,
Отпустил коня на волю,

Пошел к воротам,
Тяжело ступая, переваливаясь.

Конь абаасы [стал] гоняться за белошерстными [лошадьми] и черношерстным [скотом], гулявшим около заплота, принялся крушить его. Цокая копытами, погнался за Тойон Тойболун-быком, вожакom рогатого скота. Бык недолго бегал, гулко топая, вдруг повернулся, выставил рога свои. А конь абаасы, оказывается, изо всех сил бежал и не заметил, что бык повернулся. Налетел он на него и напоролся на длинные бычьи рога тем местом, откуда вырывают стантовую шилу. Мотая рогами, бык искрошил [коня] в месиво²⁷⁵. После этого бык обежал [стадо], отгоняя его от бранного поля в сторону долины-пастбища. Вожак табунов Хаан Дьаралык-жеребец кругами носился, отгоняя табуны белошерстных [коней], прогнал их на середину поляны, прочь от места боя.

- 7510 Между тем абаасы
Подошел к воротам двора,
Средним пальцем
Оттянул вниз
[Дужку] украшенного медью замка
Величиною с голову
Шеститравного жеребца,
Распахнул ворота настежь
И ввалился [во двор].
Зашагали [богатыри]
Навстречу друг другу,
7520 Обругали друг друга,
Кукишем – поводом к ссоре-драке – посрамили
И пошли охаживать [друг друга] по темени
Девяностопудовыми
Железными палицами.
Не прошло даже времени,
Пока сварятся
Три горшка мерзлого мяса,
А они уже пошвыряли за спины
Оружие свое,
7530 Разбитое вдребезги,
Словно осколки кремня.
Не разбирая, где глаза,
Где лицо,
Стали кромсать друг друга
Острыми пальмами с черной нечистью
Величиною с подстилку из медвежьей шкуры,
И этого оружия
Не хватило им даже на время,
Пока сварятся
7540 Три горшка мерзлого мяса.
Когда лезвия стали тупыми,
Как скребок кожемяки-старика,
Прочь пошвыряли их.
Стали они колоть друг друга
В черную печень
Грозными копытами,

- 7550 Пылающими огнем кровожадности
 Величиною со средний горшок.
 Вскоре и копыя их изогнулись,
 Словно нож человека –
 Резчика деревянных мисок;
 Тут же они
 Пошвыряли их прочь.
 Стали бросать, в лоб [друг другу целясь],
 Пятидесятипудовые
 Железные ревущие мячи-ядра,
 Но вскоре и это оружие не выдержало,
 Раздробилось,
 Стало как яйцо утки-гоголя,
 7560 Перестало даже ощущаться в ладони, –
 И их пошвыряли прочь.
 После этого человек айбы
 Ухватил абаасы
 За шею и поясницу;
 Абаасы заграбастал
 Божественного человека за промежину.
 Стали они с ревом-воплями
 Подталкивать друг друга,
 С криком-гиканьем бросать
 7570 Друг друга через бедро.
 Гневно вопили,
 Страшно кричали,
 Бились они,
 Словно конь с кобылой,
 Полных тридцать дней одного месяца.
 Люди в домах
 Услышали шум
 Сильнее любого шума,
 Грохот сильнее всякого грохота,
 7580 Услышали голоса
 Зычнее всяких голосов.

Когда поднялся такой сильный шум и гам, женщина сказала: «Сорук Боллур, парень, посылаемый по важным поручениям! Отправляйся-ка, походи, приглядись, прислушайся – не пожирает ли отборнейший из леших, адьарай из южных, хозяйина твоего убитого?»

«О-о, хозяйка моя, [посмотрю!]» – сказал парень и выбежал из дома, ухватив тальниковый лук свой со стрелами из веток молодой лиственницы.

И [так резво], по-мышинному
 Поскакал, окаянный!
 Когда он, втискиваясь,
 Просунул голову
 В щель ворот бранного поля,
 То увидел:
 Бьются, оказывается,
 Тяжким смертным боем!

- 7590 Ну и сильные же удары
Наносят друг другу эти страшные люди!
Видать, никто из них не осилил другого,
Не победил еще.
Парень-варнак
Не из робких оказался,
Он, оказывается,
Совсем не [ведает] страха.
Пришел рано утром
И до захода солнца стрелял
- 7600 Из своего тальникового лука
Стрелами из веток молодой лиственницы;
Да только вместо абаасы
Всякий раз попадал
В своего господина.
Стрелял он,
Пока его зоркие глаза
Не начали косить,
Пока руки, держащие [лук], не заныли;
Стрелы его падали с легким стуком
- 7610 И отскакивали назад.
Кому же вред причинят,
Кого же сразят его стрелы?!
Впустую, из одной только досады
Старается парень.

Отправился он к дому своему, по-мышинному подпрыгивая, приговаривая! «Вот досада! Хоть бы раз попал в этого [проклятого]! Этот главнейший из леших съест ведь, наверное, хозяина моего!»

Заявился он [домой] с осунувшимся лицом, до того сгорбился и отощал, что и пища [в рот] не смогла бы пройти.

Хозяйка говорит: «Ну что, парень? Где это ты пропадал, что делал, когда отправился утром, чтобы спасти своего хозяина?»

«Хозяйка моя! Отправился я к господину своему, старался быть его помощником и защитником. Ну и злой же, [хитрый] [враг] достался – ни разу не подвернулся он под мои стрелы!»

«Да кто же может сравниться с этим чудищем?! Что ты думаешь, глупец, разве это такие люди, чтоб умереть от стрел лука твоего?»

«А ты, госпожа, имеющая прочный лук и верные стрелы, ты ведь не помогла? Вот беда! Я поем и опять отправлюсь туда».

Ночь эту переночевал, а когда утром послали его по хозяйству, за скотом посмотреть, пришел он к тем, бьющимся, опять стал постреливать. И так парень отправлялся [туда] изо дня в день, безуспешно стрелял, пока глаза на лоб не полезут. Только кому же могло принести вред его оружие? Кого же он мог победить?!

- А те богатыри сражались,
Словно конь с кобылой забавлялись,
Подряд девяносто суток
Трех месяцев.
Наш богатырь,
7620 Человек, из жира слаженный,

Сдавать стал,
Человек, из мяса слаженный,
Слабеть стал,
Человек, из костей слаженный,
Изнемогать стал.

И вот в один [такой] день парень Сорук Боллур отправился на коне приглядеть за белошерстным и черношерстным [скотом]. Пустил коня скакать по-мышинному, приехал и остановился на ставшем ему ненавистным бранном поле, где дерутся богатыри.

У нашего человека
Сквозные раны –
В девяти местах,
Глубокие раны –
7630 В восьми местах,
Открытые раны –
В семи местах:
Стал [он] теперь похож на умирающего.

Увидев это, парень не стал стрелять, [а помчался назад]. Оказывается, много поездив верхом, умеет держаться на коне! Но он так отчаянно гнал кобылу свою, что у нее оборвалась брюшина, и кобыла, не дойдя до середины поляны, подохла... Когда кобыла падала, он сжался, перелетел через ее голову, встал и стремглав понесся домой.

Когда он стремглав мчался,
Шапка его упала в одну сторону,
Торбаса отлетели в другую сторону,
Наколенники сползли,
Кафтан слетел,
Натазники спустились, [тоже] упали.
7640 Прибежал он к дому своему
И, в спешке не найдя двери,
Чтобы войти в дом как следует,
Решил: «По собачьему лазу полезу!»
Пролез так в дом, ободрав бока свои,
Повис на правом выступе чувала,
Зацепившись нижней челюстью,
Стал ногами дрыгать.
Так, [на весу], и начал говорить:
«Осуллаата-асаллаата!
7650 Хозяйка почитаемая, хозяйка моя!
Хозяину почитаемому, хозяину моему
Пришел, видно, день гибели!
Если ты хочешь
Спасти белое дыхание его –
Спасай поскорее!
У хозяина моего
Глубокие раны в девяти местах!
Как видно, сузилась его широкая спина!
Вместо того чтобы идти спасать его,
7660 Ты, насквозь прогнив, все еще сидишь [здесь]!

Кичилась, превозносила себя:
«Я – богатырка!»,
Хвасталась, важничала ты:
«Я – ясновидящая!»,
Возвеличивала [себя], блистала, бывало, ты:
«Я – наивысшая из шаманок!»
Мужа своего отдала на съедение
Первейшему из леших, адьараю из южных!
Белокожая подлая мерзавка,
7670 Собираешься, что ли, жить с лицом красным от стыда?!
Скорее спасай! Отправляйся же!
Усуллаата!»

Женщина сказала: «Окаянный ты, лаешь, как собака!» Схватила свое вооружение, и только подол ее мелькнул.

XIX Пробежав по середине поляны, явилась она к тем богатырям. Не такая это женщина, чтобы проходить в ворота – перескочила она через ограду. Строптивый Кулун Куллустуур [стал], словно изрубленная конская туша, весь кроваво-красный. Женщина увидела это и без [чар] абаасы забесновалась, без водки опьянела. Кинулась между ними, прочь оттолкнула мужа своего и стала хватать абаасы за горло. Абаасы медленно попятился.

И сказал абаасы:
«Ар-дьяалы!
Ты, что ли, жена своего мужа, пришла, гляди-ка?
Не такой я человек,
Чтобы молодая женщина,
Глядя в упор на грозное лицо мое,
На мрачное обличье мое,
7680 Могла на равных биться со мной.
Проклятая!
Уж сколько раз ты рожала,
А до сих пор не укротилась дерзость твоя,
Не усмирилась необузданность твоя.
Женщина, ты прибежала ведь для того,
Чтобы согнуть меня, проколоть спинной мозг
Такому человеку, как я?
А ну-ка, попробуй, проколи!»

Сошлись они и начали драться. А муж медленно поплелся домой, опираясь на жердину из молодой лиственницы.

Когда он шел так, его догнал парень Сорук Боллур и сказал: «Хозяин мой, [подожди], я отправлюсь домой, запрягу в железные нарты-сани большого холощенного быка и быстро приведу его!»

Хозяин ответил: «Э, парень, не надо приводить! Пожалуй, я и сам доберусь».

Вместе с хозяином парень отправился домой, [по дороге] пытался поддерживать его, хватая за полы кафтана. Парень распахнул двери – оба ввалились в дом. Уложив он хозяина своего на переднюю лавку, расправил медвежью шкуру, подушку подложил из лисьих шкур, укрыл его собольими шкурками.

«Парень! Ты все бегаешь то в дом, то из дома, – поглядывай за хозяйкой своей!» – сказал хозяин. Как положено больному человеку, он лежал, отдыхал, ел и спал.

Парень же бегал –
7690 То вылетал из дома, задирая голову,
То вбегал домой, топоча ногами.
Через трое суток
Парень поехал к хозяйке своей,
Поскакал по-мышинному.

[А там бой идет] – не сравнить с тем, что было! Разогрелись мышцы и кости их, проявились-таки сила и мощь их; разогрелись и начали, оказывается, они дубасить друг друга. Оставил [парень] прежнюю [затею свою] – стрельбу из тальникового лука, домой поехал, по-мышинному поскакал. Зашел в дом, задрал голову и говорит: «Хозяин мой, не плачь, не горюй: оказывается, у нашей хозяйки изрядно сил; разогревшись, начали они дубасить друг друга». И опять, бегая туда-сюда,

[Парень] задирает голову,
Приглядывая за белошерстными [лошадьми]
и черношерстным [скотом].

Через трое суток
Опять наведаясь к хозяйке.

Пришел домой и, еще дверь как следует не открыв, сказал: «Хозяин мой! Оба они [силами], оказывается, равны, как зубья ровной пилы!»

7700 И опять через трое суток
Отправился
К хозяйке своей.
Приехал, просунул голову в ворота двора,
[Смотрит] и видит:
Женщина обессилела,
Теперь сдавать стала;
Человек абаасы
То как будто
На четвереньки ее кидает,
7710 То старается бросить ниц.
Но он еще не победил ее,
Еще не поранил, не продырявил.

Увидел это Сорук Боллур, закричал: «Уот-татай! Что за напасть! Смотри-ка, этот паршивец из лещих убивает-пожирает дорогую хозяйку мою!» И сразу же поскакал по-мышинному, сильно стегая нескладную кобылу свою.

Доехав до середины поляны,
Загнал лошадь свою,
До того довел,
Что оборвалась у нее брюшина.
И так же, как раньше,
Помчался он к дому,
Теряя по дороге
7720 То одно, то другое из одежды своей.
Прибежал к дому
И, в спешке не найдя двери,
Чтобы в дом войти как следует,
Решил: «По собачьему лазу пролезу!» –
Со спины всю кожу содрал.
«Ой-ой! Как жжет! Ай-ай!» – завопил,

- Зацепился подбородком
 За правый выступ чувала
 И повис, брыкаясь.
- 7730 Так, [на весу], начал говорить:
 «Осуллаата-асаллаата!
 Хозяин почитаемый, хозяин мой!
 Пришел, кажется, день смерти,
 Предназначенный хозяйке твоей!
 Вот, из многих леших [самый] паршивый,
 Из многих южных бесов самый упрямый
 Начинает уже одолевать нашу хозяйку.
 Если ты еще не умер,
 Если не оборвалось [дыхание] твое,
- 7740 Отправляйся скорее, спасай!
 Отправляйся скорей, защищай!
 Усуллаата! Отправляйся ж скорей!»
- А у богатыря, оказывается, раны уже затягиваются начинает [он] поправляться.
 Тотчас же он вскочил,
 Оделся, снарядился,
 Схватил оружие свое,
 Вразвалку вышел из дома,
 А там – пустился со всех ног,
 Перебежал поляну свою.
 Парень сел на коня – следом [ехать],
- 7750 Но, как ни заставлял его
 Скакать по-мышинному,
 На середине поляны
 Отстал от своего хозяина.
 Когда богатырь
 Примчался на бранное поле,
 Оказывается, уже срок подошел,
 [Чтобы] смерть ненасытная
 Сгубила-сожрала
 Предназначенную [ему] хозяйку-жену его.
- 7760 Наш человек
 Стремительно подбежал,
 Заслонил собою женщину,
 Отстранил ее
 И стал хватать абаасы за ворот.
- Сказал абаасы: «Вот ведь досада! Смотрите, что делают, сменяют друг друга,
 бьют меня эти черные варнаки по очереди!»
 И вот снова сошлись они, начали биться.
 Женщина, еле живая,
 Пошатываясь,
 Медленно
 Отправилась домой.
- 7770 Так, шатаясь,
 Добрела до дома,
 Зашла в свой потайной чулан,

- Собрала в охапку
 Камлальные вещи свои –
 Все до единой,
 Бубен и колотушку.
 Нарядилась
 В свое [шаманское] одеяние
 И выскочила из дома,
 Протяжно загудел ее бубен.
- 7780 Пришла оя к основанию
 Столбов коновязи,
 Упала ничком,
 Трижды перекувырнулась-покаталась
 И тотчас обернулась
 Белым журавлем,
 С шумом полетела ввысь,
 В сторону просторного, гулко-го неба.
 Шумела-шумела, летела-летела,
 Добралась до широкого божественного прохода-подъема,
 7790 [Прилетела] на особое благодатное небо.
 Выше полетела,
 Добралась до самого края
 Божественного светло-серого подъема.
 И оказалось, что дальше этого [подъема]
 Она не может подняться –
 Истоцилась мощь [ее],
 Ослабели силы.
 Оказывается,
 Это такая страна,
 7800 Выше которой
 Не могут [подняться]
 Нечистые, рожавшие [женщины].

Женщина дошла до начала этого подъема, приняла свой обычный вид, заплакала, зарыдала:

- «Ма-ай, хор-хор!
 Явилась сюда, лежу, плачу, рыдаю я,
 Кюн Толомон Нюргустай-шаманка,
 Имею [я] страну на самой вершине девятого неба²⁷⁶,
 Елани – на хребте восьмого неба,
 Отчий край – на возвышенности седьмого неба;
 Моя мать – Кюлюм Хотун
- 7810 С огнем из солнечных лучей;
 Мой отец – Сандаар Тойон
 С фонарем из лунных лучей.
 Дочь Кюн Тойона,
 Кюёгэль Нухал, подружка моя!
 Дочь Ый Тойона,
 Ытык Ылбальдын-шаманка, приятельница моя!
 Внемлите словам, которые скажет
 Такая женщина, как я!

- 7820 Три полных года прошло с тех пор,
Как я сделала мужем своим
Старшего брата вашего
Строптивного Кулун Куллустуура;
В течение девяти лет
Гонялась за ним, как за лисицей,
Преследовала, как быка-лося,
Каких только мучений не испытала,
Боролась,
Разные страдания претерпевала,
То умирала, то воскресала.
- 7830 И вот пришло время,
И явился атаман из адъараев,
Отменный из леших,
Самый упорный из южных –
Сын Уот Курбай-шаманки,
Владеющий землями непригодных окраин,
Кытыгырас Бараанчай,
Чтобы пожрать моего мужа, господина моего.
Владелец табунов
- 7840 С огромными кучами навоза
Юрюнг Айыы Тойон,
Господин-дядя мой по мужу,
Заставит спасти белое дыхание наше,
Заставит вступиться за черное дыхание наше,
Не оставит нас в пасти лешего!
Дочери Кюн Тойона и Ый Тойона –
Подружки мои,
Пошлите ему скорее весточку!
Ой, буйака-ам!»
Так сказала она,
- 7850 Трижды перекувырнулась-покаталась,
Превратилась в белого журавля
И с шумом полетела обратно в свою страну.
Летала она, [чтобы] сообщить [о своей беде],
К восходу солнца женщина эта [уже] вернулась назад.
И вот около полудня
Из глубины девятого неба
Выползли, взлетели ввысь
Девять облаков со снегом и дождем;
Сильно загремели девять разящих громов;
- 7860 Загудел низвергающийся сверху вниз
Огромный огонь
Величиною с половину лиственницы;
Ринулась вниз
Громадная огненная молния
Величиною с половину густой лиственницы;
Загрохотали, падая,
Твердые градины-льдины
Величиною с голову годовалого теленка;

- 7870 Вот встрепенулось особое [божественное] облако,
Засветилось пешее облако.
Эти облака пришли и остановились
Над головами бившихся людей,
Превратились в божественную лестницу-[спуск],
Подобно разрезанному горлу черной лошади,
Запрокинутому вверх, –
Вниз опустились.
По этой лестнице сошли Сын Кюн Тойона –
Непобедимый силач Кюёнчэ Бёгё
- 7880 Вместе с сыном Ый Тойона –
Силачом с железной хваткой Ыйыктай Боотуром.
[Они] с трудом несли на руках
Железный столб с тремя отверстиями.
Как только они спустились,
Три молодые шаманки
Сбросили сверху
Три огромных железных болта.
А те два человека в пылу борьбы
Не замечали ни людей, ни скота –
- 7890 Дошли до полного оупения.
Хотя и не так часто,
Но продолжают молотить друг друга кулаками
Со стуком, подобным стуку молота Мёнгюрююра-кузнеца,
Со стуком, подобным стуку кувалды Мангырыра-кузнеца.

Люди, [которые] спустились сверху, просунули болты в отверстия столба, принесли его и вплотную приставили к спине абаасы, привязали его за руки и за ноги волосяной белой веревкой, которой Юрюнг Айыы Тойон, набрасывая ее с расстояния трех дней пути, опутывает [скотину]. А наш человек все продолжал колотить [абаасы].

Оба небесных богатыря подбежали и оттащили его: «Строптивный Кулун Куллу-стуур, остановись, перестань! Не пристало тебе бить связанного человека!» – «Как мне перестать бить человека, с которым враждовал всю свою жизнь?! Будь он хоть привязан, хоть не привязан, [пока не] обнажу его красное мясо, [пока] не выпущу его темную кровь, до тех пор не отойду! Как я могу отойти!» – сказал Кулун Куллу-стуур, изготовившись, чтобы снова ударить абаасы.

- «Полно, друг, перестань!
Выслушай наказ Юрюнг Айыы Тойона!
Вот [уже] второй год пошел,
Как поднялся в верхнюю страну
Твой средний сын.
- 7900 Юрюнг Айыы Тойон радовался и ликовал,
Когда услышал от него про тебя;
Обоих твоих сыновей наделил именами.
Имя среднего сына твоего:
Ытык Суйуллаа-богатырь,
Владеющий конем [по кличке] Догороонку Сиэр,
Разом перескакивающим расстояние,
Равное девяти дням пути.

- 7910 Старшему сыну твоему свыше предназначено
 Девять лет провести под средним из трех холмов чистого серебра,
 Взметнувшись ввысь, –
 [Дано ему имя]: Босхонголлой Мюльгюн-богатырь
 С девяностопудовой палицей
 Из дуба,
 С семидесятипудовым посохом
 Из жимолости.
 Когда старший твой сын вылезет [оттуда],
 Предназначено ему, говорят,
 Найти управу на этого человека [абаасы].
 До того времени, как вылезет он из-под холма,
 7920 Осталось шесть полных лет.
 До того времени, говорят, ты должен потерпеть».

«Навсегда прощай!» – сказали те люди, и медленно шагая вверх, поднялись по лестнице. Лестница за ними [тоже] вверх поднялась.

Наш человек, как и полагается уставшему человеку, медленно шагая, поплелся домой, опираясь на саблю-пальму, повернутую острием вниз. Пришел домой и исчез [за дверью].

И опять люди эти зажили по-прежнему, благополучно и весело. Жили так, проживали. Однажды утром их младший сын, гоняясь с тальниковым луком за пташками и вьюнками, набрел на лисицу-сиводушку и погнался за ней, гнался очень долго, но упустил ее у бранного поля богатырей.

«Куда это забрел я? Видно, заблудился или что другое со мной приключилось? И что это за сооружение такое?» – говорил-приговаривал мальчик, бегая вокруг заплота-ограды.

Добежал он
 До широких железных дверей,
 Похожих на ворота русского купца;
 Смотрит, торчит
 Медью оправленный замок
 Величиною с голову
 Шеститравого жеребца.

«Уот-татай! Что бы такое могли запереть там?» – приговаривал мальчик, бегая кругом.

- 7930 Кружась вокруг заплота-ограды,
 Подпрыгнул,
 Оперся ладонями о [верхний] край ограды
 И вмиг оказался на той стороне.
 И что он увидел!
 Стоит, оказывается,
 Железный человечище-исполин,
 Стойма привязанный К железному столбу,
 Так что только
 Одна голова виднеется;
 7940 Если посмотреть на него
 В сторону солнца –
 Огромной спиной
 Заслоняет он солнце;

Если посмотреть на него
В сторону месяца –
Широченным туловищем
Заслоняет он месяц.
Глубоко запал
Прозрачный ледяной глаз [его],
7950 Схожий с вечером
На исходе девятого месяца;
Иссох, глубоко запал
Рот его,
Зияя, как отверстие дупла.
Стоял он так,
Ворочал глазом
В сторону мальчика.

«Алаатыгар! Это кого же так привязали?» – приговаривал мальчик; кругом обегая, рассматривал [привязанного человека].

Вдруг абаасы заговорил:
«Ба-а, дугар! Эр, дьаалы!
7960 Не того ли бывшего [друга] моего ты наследник?
С добрым сердцем,
С вдохновенными речами –
Солнечных, айыы дети,
Как же быстро растут!
Какие они крепкие, здоровые!
Разве они будут такими, как я, несчастный?
Значит, у человека этого
Уже возмужали дети-потомки.
7970 Мне, несчастному, не следовало спорить с ним,
А я выступил против него
И вот до чего дошел!
Среброгрудый жаворонок мой,
Медногрудый птенчик мой!
Стою я здесь, атаман всех абаасы,
Сильнейший из леших,
Пришло, [видно], время пасть с голоду!
Тяжелым воздухом меня обдало,
Сверх меры свежим ветром ударило!
Серебряный мой, накорми же [меня], –
7980 Дойдет до тебя благословение мое!
Спаси белое дыхание мое!
Ой, буйақа-ам!»

«Ладно», – сказал мальчик и перемахнул обратно через ограду.

Топоча, побежал домой, бросился к дверям, распахнул их и влетел в дом. Ока- зывается, мать его с лицом приветливым ходит по левой половине дома, занимается стряпней. Мальчик подошел к ней, вытянулся, стройный, ногу вперед выставил, стал говорить:

«О, моя кюбэй-хотун
С добросердечными мыслями,
С переносицей серебряной,

- Внемли словам, которые я скажу!
Пришел я, увидев не виданное мной,
Услышав не слыханное мной.
Что это у вас построено
- 7990 В южном углу земли-страны нашей?
Я через ограду перескочил,
А там внутри, оказывается, стоит человечище
На одной ноге,
С одним глазом,
С одной рукой.
Стоит, привязанный [к железному столбу].
Стоит он и говорит:
«Вот до чего дошел я,
Вступив в распри с солнечными людьми айы!»
- 8000 Говорит: «До чего ж они быстро растут,
Солнечных айы дети-потомки!»
Говорит: «Спаси белое дыхание мое!»
Говорит: «Вступись за черное дыхание мое!»
Говорит: «Спаси! Накорми!»¹¹ Вот, матушка моя,
Сделай так,
Чтобы знали славное имя мое,
Которое не под силу поднять и коню;
Устрой так,
- 8010 Чтобы стала известной добрая слава моя,
Которую не под силу
Стронуть и быку!
Приготовь быстрее миски-поварешки!
Укажи скорее: какой пищей накормить его?
Сколько [нужно еды], чтобы насытился такой человек?
А кто ж он такой? Знаешь ли ты его?
Ой, буйака-ам!»
«О-о, окаянный!
- 8020 Повсюду шатается, голову задрал,
Добрался теперь и до того абаасы!
Смотри не натвори бед, освободив его!
Назову тебе славное имя твое,
Которое не под силу выдержать и коню:
Ты – Тойон Нюргун-богатырь,
Владеющий конем [по кличке] Тойомсук Турагас,
Схожим с глыбой, отпавшей от горы.
Ну, отправляйся к этому абаасы своему,
Накорми его.
- 8030 Ведь теперь ты не отстанешь,
Увидев-услышав этакое!
Только не вздумай освобождать его,
Сколько бы тот ни говорил жалостливых слов!
Если задумал накормить его –
Отыщи упитанных быков
И накорми его досыта.

Вот ключи от дверей заплота-ограды,
Возьми их себе!» –
Сказала мать и отдала ключи.

Мальчик схватил с левой половины [дома] большую деревянную чашу-кытах²⁷⁷ и выскочил из дома.

Со всех ног побежал, пересек поляну. Ухватил четырех стоявших рядом откормленных быков за хвосты, поволок их как попало, остановился у ворот забора. Плотно придавил ногой хвосты быков и, широко распахнув ворота, с шумом-грохотом побросал их. Из железных вещей, завещанных мальчику, у него и был, оказывается, [один] только короткий бойкий ножичек. Быки стали медленно подниматься, постепенно [ожили], начали дышать. Оказывается, в ту большую деревянную чашу-кытах вмещается кровь двух упитанных быков. Выпустил он кровь этих двух упитанных быков в большую сосновую чашу-кытах, понес ее к абаасы, поднял вверх и вылил с бульканьем ему в рот, похожий на отверстие дупла. Так дважды приходил, выливал в рот абаасы кровь четырех упитанных быков. После этого отрезал у тех быков передние и задние ноги и целиком, с шерстью и кожей, побросал их в рот абаасы. От четырех упитанных быков одни только головы остались. Когда мальчик и эти головы засунул в рот абаасы, тот проглотил их целиком, наклоня шею, мотая своей головой. Абаасы наелся и, широко раскрывая рот, заговорил, привязанный:

- 8040 «Бай-да, дутар! Эр-дьяалы!
Среброгрудый жаворонок мой,
Медногрудый птенчик мой!
Прими благодарность!
Смотри-ка, ведь он
Спас белое дыхание мое!
Вступился за черное дыхание мое!
Из того, как ты смотришь,
Говоришь-слушаешь,
Можно [понять]:
Станешь ты богатырем.
- 8050 Да не взглянет на тебя
Имеющий водянистые глаза,
Да не коснется тебя коварное слово
Владеющего татарской речью,
Пусть не догонит тебя увязавшийся за тобою,
Пусть не устоит перед тобой
Спереди тебя подстерегающий!
Найди предназначенную тебе хозяйку-жену,
Народи четырех якутов,
Наплоди трех якутов!
- 8060 Так же как мне помог,
Всегда оказывай помощь.
Так же как мне услугу оказал,
Всегда оказывай услуги,
Так же, как меня избавил от гибели,
Так и всегда избавляй от гибели.
Да, завидно мне: перерастая материнский род²⁷⁸,
Продолжаете вы плодиться,

Перерастая отцовский род –
Начинаете множиться!
8070 Золото мое, да сбудется мое благословение:
Вершина благословения – жир,
Проклятия – кровь^{279!}»

«Очень хорошо!» – сказал мальчик и с грохотом запер ворота.

Быстро побежал он к дому. Прибежал, распахнул толстые двери вместительно-го белого жилья своего, влетел в дом.

Мать его сказала: «Ну что, сынок, явился? Накормил, угостил приятеля своего?» – «Да, накормил я его четырьмя упитанными быками, – ответил сын. – Он съел их и благословил меня!» – «Ну, говорят, благословение абаасы приносит счастье, сынок. А с тех четырех быков нашего скота не убудет. Только ты не выпускай его!»

На этом они кончили разговор.

XX Как жили [они], так и стали поживать – весело и благополучно. И не заметили, много ли, мало ли прожили так. Между тем, оказывается, прошло шесть лет. Как только эти шесть лет минули, та самая [наша] женщина достала все, какие у нее были, камлальные одежды и снаряжение, облачилась, плавной поступью вышла из дома, велела привести девять белых быков с черно-белыми мордами²⁸⁰. После этого поднялась она на средний из трех серебряных холмов, трижды сильно ударила в бубен и стала заклинать, плавно распевать: «Айхал, айхалбын! Кюёгэйэ-доммун!

Уруй, ойлоот, ойлооппун!
Дух-хозяйка верной матери-земли моей,
Созданной для прокормления нашего,
Имеющая бубном чашу,
Разукрашенную узорным шитьем,
Имеющая колотушкой священную ложку,
8080 Разукрашенную пучком из конской гривы,
Бэдэрдээх Бэбиэрэ Хотун,
Бабушка, госпожа-бабушка моя,
Выслушай слова мои!
Дух-хозяйка восьмибодной-восьмиокраинной
Первозданной матери-земли моей,
Созданной для прокормления нашего,
Первородная, приветливая,
Сердцем жалостливая,
Благожелательная бабушка моя,
8090 Аан Мичик Хотун!
Имея суставы – преклоняю колени,
Имея шею – кланяюсь вам,
Перед тремя черными тенями вашими склоняюсь.
Любезные покровительницы, а теперь и кумушки мои!
Вы кормили отощавшего ребенка моего
До полных его девяти лет;
Пришло время
Возвратить ребенка моего –
Отдайте его, верните!

- 8100 За воспитание ребенка моего
 Приношу вам в дар девять черно-бурых быков
 С мордами наполовину белыми, наполовину черными.
 Поверните ко мне ласковое лицо ребенка моего!
 Пора подумать ему
 О предназначении своем –
 Стать прародителем людей.
 Позаботиться
 О предназначении своем –
 Стать родоначальником якутов.
- 8110 Уруй, айхал, кюёгэйэ-доммун!»
 В ответ на эти [слова] снизу доносится эхо громких голосов:
 «Исиллигим-тасылыгым,
 Иэдэним-куудааным,
 Иэгэлим-куогалым,
 Иэ-дэммин татай!
 Девка придурковатая!
 Не думаешь ли ты
 Отделаться от нас
 Девятью быками своими?
 Один раз девять голов лошадей должно быть
 Да один раз девять голов рогатого скота!
 Ссучи пеструю волосяную веревку,
 Обвешай ее кистями
 Из волос грив
 Девяти белых хоринских коней²⁸¹,
 Сшей намордники
 Для новорожденных телят,
 Разукрась их зубчатыми узорами,
 Как на шкурах новорожденных телят,
 Разукрась их,
- 8130 Сделай подвески из крыльев
 Пестрого зеленоголового селезня,
 Развесь подарки²⁸²,
 Призывая имена наши!
 Если все это выполнишь,
 Пожалуй, и отдадим его,
 Пожалуй что отдадим!
 Эсэлэтэ-э! Иэ-доммун татай!»

Женщина проговорила: «Вот и хорошо! Сказали, что и следовало сказать». Не откладывая надолго, все приготовила и сделала так, как сказали старухи.

После этого подарки, о которых говорили [старухи], развесила на три пышные березы так, чтобы они свисали вниз. Потом трижды перекувырнулась-покаталась, превратилась в черно-бурого быка²⁸³ с белой полосой вдоль спинного хребта, стала громко мычать, пронзительно реветь, раскапывать тот холм. Все разворотила, прыгла холм насквозь, добралась до сына своего. Бережно подкопала его снизу, дважды тяжело вздохнув, стала выталкивать сына. Третьим ударом вытолкнула сына на зеленую траву средней страны, с глыбой земли выворотила. Через нору, которую выкопала, и сама вылезла следом за сыном, трижды перекувырнулась-покаталась

и стала такой же, как прежде. Привела девять быков и девять лошадей своих и столкнула их живыми вниз, в ту нору. Засыпала нору землей, покрыла и заровняла красным песком:

- 8140 Сделала все это, встала
И посмотрела на сына своего
Пронизывающе, в упор:
[Боялась увидеть калеку],
А он, оказывается, с двумя ногами,
Сидит, скрестив их!
Оказывается, сидит он и держит в руке
Девяностопудовую [палицу]-трость
Из дуба.
Оказывается, хотя он
И с двумя руками,
И с двумя глазами,
8150 Но грозного вида,
С устрашающим лицом человек²⁸⁴.
Если взглянуть [на него в сторону] солнца –
Исполинская спина его
Заслоняет солнце;
Если взглянуть [на него в сторону] месяца –
Огромное туловище его
Заслоняет месяц.
С широкими плечами,
С крупными костями,
8160 С мощными мышцами,
Крепкий с виду,
С богатырской внешностью,
Могучего сложения –
Ну и человечие,
Оказывается, сидит!
Та женщина,
Сияя улыбкой,
Принесла воду
В узеньком турсучке,
8170 Подошла и обдала ею сына своего,
Начала его мыть.
Умыла, причесала его,
Принесла и надела на него одежду
Из самой мягкой лосиной кожи,
Из самой плотной ровдуги.
Одежда та,
Сшитая [с запасом] в длину и ширину,
С большим трудом налезла на сына.
Тем временем старик-[отец]
8180 Вместе с младшим сыном
Уже успели сделать
Возле своего дома
С правой стороны

- Очень прочный арангас²⁸⁵
 На столбах из шести деревьев,
 С перекладинами из семи бревен,
 С настилом из восьми бревен,
 С поперечинами из девяти бревен.
 Подняли на него
- 8190 Девять копен зеленой травы,
 Пышно ее набросали,
 Разостлали постель
 Из восьми медвежьих шкур,
 Положили подстилку
 Из шкур девяти лосей-самцов.
 Над арангасом – как бы дождь не просочился,
 Как бы сырость не проникла –
 Соорудили навес,
 Содрав для этого
- 8200 Бересту с берез
 Восьми березовых роц.
 Парень [сидящий], бессмысленно поглядывая туда-сюда,
 Бросил быстрый взгляд
 В сторону своего арангаса.

Когда сын сидел, посматривая так, мать сказала ему: «Ну вот, сынок! Я, твоя мать, и создавший тебя отец Строптивный Кулун Куллустуур, [для тебя] ведь соорудили тот арангас; что, если ты заберешься на него, попробуешь-вкусишь чистой, благодатной пищи нашей?»

- Сын ее оперся
 На девяностопудовую [палицу]-трость
 Из дуба
 И мигом [взлетел]
 На арангас.
- 8210 Пока женщина соображала, [что к чему],
 Сын ее, оказывается,
 Давно уж сидит на арангасе.

Женщина сказала: «Да, видно, у таких людей, как мы, родился первенец, – который сможет одолеть путь-дорогу, [какую] суждено пройти человеку». Сказала так и плавной походкой пошла домой. Пришла домой и велела младшему сыну своему: «Вот теперь отвязжи и приведи того богатыря абаасы!»

- Младший сын пошел, быстро отвязал,
 Освободил богатыря абаасы
 И, пустив впереди,
 Повел его.
 Начиная с северной опушки [леса]
 Богатырь абаасы
 Полз на коленях,
 8220 Непрестанно отбивал поклоны;
 С трудом дополз он
 До основания арангаса
 Босхонголкой Мюльгюна.
 И вот так, все отбивая поклоны,

- Громко плача, роняя слезы
 Величиною с оконный лед²⁸⁶
 [В домах] зажиточных жителей,
 Остановился он и стал говорить,
 Широко раскрывая рот:
- 8230 «Быай да, дугар!
 Вот, дорогой господин мой
 С девяностопудовой [палицей]-тростью
 Из дуба,
 С семидесятипудовым посохом
 Из жимолости,
 Богатырь Босхонголлой Мюльгюн,
 Потомок солнечного племени айыы
 Из улуса солнечного круга,
 Господин мой!
- 8240 Имея суставы – преклоняю колени,
 Имея шею – кланяюсь я!
 Восемь поклонов – двум твоим раскоряченным стопам,
 Девять поклонов – трем твоим изогнувшимся теням²⁸⁷.
 В давние, минувшие годы отец твой,
 Строптивный Кулун Куллустуур-богатырь,
 Как по снегу прошелся по улусу леших,
 Как по росе пробежал²⁸⁸.
 Когда он наткнулся на меня, злосчастливого,
 Мы дрались в течение
- 8250 Ста пятидесяти суток пяти месяцев,
 Не уступали в силе друг другу, не осилили [друг друга] –
 Продавили землю
 И провалились в нижнюю страну.
 Когда попали туда, дрались мы
 Триста суток десяти месяцев;
 Он довел меня до крайности,
 Загнал в огнекипящее море,
 Стер белое дыхание мое.
 Но я – абаасы,
- 8260 Затаил злобу, и, когда воскрес,
 Я второй раз [биться] пришел, [отомстить пришел],
дита мое!
- Но и теперь, придя сюда,
 Не смог убить его,
 Не смог сокрушить его.
 Целых шесть лет
 Стоял я, крепко привязанный, господин мой!
 Думаю, вина моя –
 То, что пришел я с затаенной враждой, –
 Должна бы [теперь] искупиться,
- 8270 Господин мой!
 Воля твоя – как рассудишь ты!
 Ну вот, рассмотри, узорные швы мои,

- Тщательно перебери слои бересты моей –
 Рассуди запутанное дело мое,
 Господин мой!
 Ой, буйакам!»
 Когда богатырь Босхонголлой Мюльгюн
 Взглянул на абаасы,
 Из обоих глаз его,
 8280 Подобных двум опрокинутым котлам,
 Посыпались огни,
 Словно искры огнива,
 Которые полетели к двум лопаткам спины абаасы.
 Посидел он так, посмотрел и сказал:
 «Такому человеку, как я,
 Свыше не дано указание Допрашивать своего отца.
 Если ты обещаешь:
 8290 «Из нижних восьми родов
 Не впущу сюда никого,
 Из верхних девяти родов
 Не пропущу сюда никого,
 Дорогу им перегорожу» – и дашь в этом
 Кровавую расписку-[клятву],
 Надрезав свой мизинец,
 То, пожалуй,
 Освободил-отпустил, отослал бы тебя!»

Абаасы сказал: «Господин мой! Прими мою благодарность! Разве такое уж большое дело для меня дать кровавую расписку-кабалу? Господин мой, я ведь старший и самый главный из восьми нижних родов, потому кому же, как не мне, перегородить им дорогу сюда?»

Сказал так, вытащил из кармана шкуру быка – и когда только успел сунуть ее туда, негодник! – полоснул мизинец ножом и быстро написал кровью кабальную расписку – он, оказывается, и писать умеет! Взяв расписку, человек айыы сунул ее в свой карман.

Затем богатырь Босхонголлой Мюльгюн сказал: «Этого богатыря абаасы ведите в дом, усадите на переднюю скамью, угостите, накормите, дайте переночевать и [тогда только] отпустите его домой. Думая: «Он, мол, абаасы!» – не обижайте его, прямодушного и честного».

«О-о, господин мой! Ты справедлив в решениях, повеления твои светлы! Будь же ты и для людей, и для скота айыысыт-ийэксит, [покровителем]! Вы, люди, грозны, величавы, строги, вы внушаете страх! Господин мой, укажи какое-нибудь другое место и прикажи там меня покормить».

Босхонголлой Мюльгюн сказал младшему брату: «Тойон Нюргун-богатырь, владеющий конем [по кличке] Тойомсук Турагас, похожим на глыбу, отломившуюся от горы! Прямо на север отсюда находится белоглиный мыс с тремя извилинами. Уведи его туда, окажи ему почести: хорошенько накорми, угости и отправь назад!»

Младший брат достал ту самую большую сосновую чашу-кытах и сказал абаасы: «Пойдем-ка со мной!»

Абаасы сказал: «О-о, добрые люди начинают обзаводиться хозяйством; оказывается, появились у них дети с добрым нравом. Прощай же, спасибо!» – осклабился и понесся следом за Тойон Нюргуном на север.

Едва успели они прийти к белоглинному мысу с тремя извилинами, как юноша притащил трех упитанных быков, убитых им; абаасы съел только двух из них, третьего не осилил: видно, и у абаасы на радостях сердце заколотилось и в обширное нутро его ничего уже не шло.

Парень разжег сильный огонь, кинул туда и быка, и большую деревянную чашу-кытах. С того, говорят, и повелось сжигать пищу и посуду, оставшуюся после абаасы.

Поел-полакомился абаасы и сказал: «Пусть не обижается господин мой! Очень уж я стосковался по стране-земле своей. Навеки прощай, дружок!» – так сказал, два-три раза нескладно осклабился, неуклюже махнул [рукой] в сторону севера и сразу же исчез, неизвестно куда подевался.

Парень с топотом прибежал домой, распахнул двери, влетел [в жилище]. «Смотрите-ка, неужели мы спровадили атамана всех абаасы, сильнейшего из лучших?!» – удивились люди. Веселья и ликованья, забав и потех стало еще больше.

- К радости радость [прибавилась]:
- 8300 По случаю выхода [старшего] парня [из-под земли]
[Затеяли] большое торжество,
Великолепным пиршеством это отметили.
Подготовили двенадцать лужаек для пира,
Двенадцать суток забавлялись играми.
За все это время старший сын
Не грелся теплом домашнего очага,
Не вкушал чистой, благодатной пищи²⁸⁹;
Оказался он человеком,
Который питается чистым воздухом.
- 8310 Лежал, ничего не говорил, [не прислушивался] к разговорам.
В день проводов абаасы эти люди
Наигрались, вдоволь повеселились,
А когда ночь наступила – заснули, захрапели.
Младший [брат], оказывается,
По утрам встает
Задолго до пробуждения [других] людей;
Оказывается, он очень проворный,
Чуткий человек.
Всегда вставая спозаранок,
- 8320 Парень и в этот раз
Соскочил с постели,
Когда заря только-только
Начинала бледнеть,
Словно лезвие сабельной пальмы;
Выбежал, шумно помочился –
Образовалась лужа с круглое озеро.
Когда он стоял так,
С восточной стороны послышался
Хлесткий стук копыт, как при езде рысью,
- 8330 Шум, как при ударах острой пешней [по льду],
Звонкая [дробь] быстрой езды,
Как удары каленой пешней [по льду].

Парень стоял, слушал и думал: «Кто бы это мог так ехать?» По [звучу] он догадался: не такой это человек, что медлит. [И верно]: стремительно, на всем скаку

влетел [человек] в ворота, быстро спешился, подвел [коня] к основанию столба с бар-зверем.

Наш человек, Тойон Нюргун-богатырь, заложив руки за спину, стал перед приедем и спрашивает: «Послушай-ка! Как тебя звать, [откуда] приехал такой темной ночью? Расскажи-поведай, откуда ты родом, какое имеешь поручение?»

Приехавший сказал: «Я средний сын Строптивного Кулун Куллустуура – Ытык Суйуллаа-богатырь, владеющий конем [по кличке] Догороонку Сизэр, который разом перескакивает расстояние, равное девяти дням пути. Когда в ночь моего рождения меня украли девка леших, отец мой погнался [за ней], вызволил меня. А я, испугавшись абаасы, убежал, взлетел на вершину девятого неба. Поднялся туда и [рос], воспитывался у деда своего – Юрюнг Айыы Тойона. А теперь вот прибыл сюда, думал: «К отцу и матери приехал». Или я не туда приехал?»

Тут младший [брат] рассмеялся, сказал: «О нет! Ты не ошибся – приехал к Кулун Куллустууру. А я – твой младший брат. Ну, войдем в дом!»

Поздоровались [они], расцеловались. После этого пошли в дом друг за другом. Оказывается, старик со старухой только что встали, начали умываться, причесываться. Младший сын вошел со словами: «Вот, родители мои, приехал мой старший брат Ытык Суйуллаа-богатырь. Поздоровайтесь же!»

К радости радость прибавилась:

Все дети собрались!

Веселье весельем умножилось,

Игры и потехи [начались],

Даже не заметили, как прошли

В играх одиннадцать дней.

Два парня-[брата]

8340 Вместе выходить стали,

Когда помочиться надо;

Когда надо зверя промышлять –

Вместе отправлялись;

Когда гулять собирались –

Неразлучно гуляли;

Словно одного стада жеребята в намордниках,

Были они неразлучны,

Словно к одной веревке привязанные жеребята,

Вместе росли,

8350 Из одной ложки ели,

[Все] поровну меж собой делили.

Эти парни

Дни проводили в обычной суете,

Гонясь за дичью, добывая зверя, –

Жили весело, шумно.

Не знали они того,

Долго ли, мало ли прожили так,

Ликуя и радуясь.

XXI

8360 Прожили так какое-то время,

И вот однажды оба парня привели на поводу коней своих,

Разыскали девять сухостойных лиственниц,

Крепко привязали к ним [коней] на девять суток –

Для того чтобы закалить их²⁹⁰;
Если [у таких коней] бедренную мышцу прободать –
Кровь не выступит;
Если толстую мышцу проколоть –
Сукровица не вытечет.
[Потом] привели коней к переднему столбу коновязи
И привязали.

Мать увидела это и подумала: «Куда же собрались эти парни? Так закалили коней своих! Или замыслили сыночки мои оправдать назначение свое – стать [праводителями] людей, или, проклятые, задумали они отправиться на поиски дракибитвы?»

- 8370 Обрядили они коней своих,
Накрыли потниками,
[Толстыми], как выпуклость обширного неба;
Оседлали седлами,
Подобными скрепам широкого неба;
Крепко стянули ловкими подпругами;
Выполнили, сделали все, что полагается;
Оделись в одежды,
Которые считали [самыми] прочными;
Вооружились оружием,
8380 Которое считали [самым] острым,
И однажды утром
Предстали они перед отцом с матерью,
Стали говорить,
Такие слова сказали:
«Мо-о, ой, буйакабыат!
Матушка наша
С серебряной переносицей,
С мыслями, оберегающими нас,
Выслушай слова, какие скажем мы!
8390 Почтенный отец наш,
Сердцем жалостливый,
Благожелательный,
Обдумай важные слова наши,
Вникни в мысль нашу!
Тряской стала спальная лавка из жердей,
Ломоту стала причинять спальная лавка из досок,
Холодной стала подстилка из волосяного ковра,
Боль стало причинять седло-подушка,
Стала мало [греть] шуба-покрывало,
8400 Перестала [отдых давать] пустая спальная лавка.
Решили мы обрести
Самое большое счастье, делающее [людей] людьми,
Стали подумывать о назначенном предопределении своем,
Делающем [якутов] якутами;
Дайте нам родительские советы,
Равные советам ста людей;
Пожелайте нам счастливой удачи,

Равной удаче десяти людей!
Ой, буйакабыат!»

Мать им сказала: «Вот что, сыновья! Попросите отца вашего дать совет; он – человек, обошедший [многие] страны и земли, – должен знать: где есть хорошие женщины, где живут знатные из чужеземок».

Старик сказал: «Что я могу знать? Разве не шел я у тебя на поводу, слепой на оба глаза? Женщина-шаманка, все провидящая, пусть вам укажет!»

Мать сказала: «Ну, если так, знаю ли или нет, но как-нибудь попытаюсь дать им совет».

- 8410 После этого она
Прямо в упор посмотрела
На сыновей своих
И сказала:
«Мо-о, хор-хор!
Среброгрудые жаворонки мои,
Медногрудые птенчики мои,
Стали вы умными и хорошими,
Думающими над тем, как сделаться [прародителями] людей!
- 8420 Если вы отправитесь отсюда прямо на восток
И проедете время, равное
Полной жизни девяти поколений людей,
Приедете туда,
Где небо с землей соединяется,
Как днище большого кумысного жбана сири-исит;
Доедете до трех дорог,
Отмеченных крестами-затесинами.
Отправляйтесь по средней из них.
Когда поедете дальше,
Увидите другую Сибирь –
- 8430 Приедете к жилищу Дьулусхан Баай Тойона,
Ставшего царем [этой] Сибири;
Он владеет молочно-белым,
Как березовый гриб, быком,
Владеет молочно-белым жеребцом.
На его жилище и краешком глаза не смотрите –
Поезжайте дальше!
И вот когда проедете его [страну],
Увидите еще одну Сибирь;
Окажутся там
- 8440 Ставшие царями той Сибири
Предки якутов – Сабыйа Баай Тойон
И Сабыйык Баай Хотун.
Проедете дальше,
Опять довольно долго [будете ехать]
И доедете до одного места.
Когда приедете туда,
[Увидите] землю Охумал Баай Тойона,
Ставшего быком великой страны.

- 8450 [Минуя] и это место,
 Довольно долго [будете] ехать
 И приедете к одним людям.
 Если спросите: «Кто же они?» –
 Ставшего быком трех великих стран
 Охумал Баай Тойона сын –
 Юрюнг Уолан-богатырь,
 Владеющий трехтравным молочно-белым
 Конем [по кличке] Юнкюю Битик.
 Он живет вдвоем
 Со своей сестрой
- 8460 [По имени] Кюн Туналы
 С волнистой косой в девять маховых сажений,
 С шелковыми нитками и золотыми иголками.
 Думала я:
 «Она [станет] суженой Ытык Суйуллаа,
 Среднего сына моего».
 Потом дальше поедете,
 Довольно долго спускаясь,
 Приедете к одним очень знатым, богатым людям
 Если спросите: «Кто эти люди?» –
- 8470 Эти люди прозываются:
 Айаатыйар Ала Нюргун Тойон
 И Чыскийар Тысы Хотой Хотун.
 Среди девяти сыновей их
 И восьми дочерей их
 Есть прекрасная девушка
 По имени Юс Хаардаах Юрюнг Юёкэйдээн,
 Через каждые три слова пускающая слезу.
 Про эту девушку подумала я:
 «Будет суженой младшего сына моего,
 Тойон Нюргуна-богатыря».
- 8480 Если же они вам не понравятся –
 Тогда женитесь по своему выбору.
 Ну, дети мои,
 Прощайте надолго!
 Да не взглянет на вас
 Имеющий водянистые глаза,
 Да не коснется вас [злое слово]
 Владеющего татарской речью,
 Да не осилит вас
- 8490 Имеющий крепкую грудь,
 Да не настигнет вас
 Намеревающийся проглотить!
 Счастливой, удачной поездки вам, дети мои!
 Ой, буйакам!»
 Парни сказали:
 «Очень хорошо!»
 Сказали так И вышли из дома,

- 8500 Степенно повели коней своих
До задворья;
Затем с криком вскочили на коней,
Рысью пустились прямо на восток.
Хлесткой рысью стали они
Проезжать отцовскую землю свою,
Вскормившую их,
Стали проезжать
Первозданную мать-землю свою.
Много ли ехали – не знали,
Мало ли ехали – не заметили.
- 8510 Ехали-двигались то скорой рысью, то наметом,
Замечая зиму по снежной пороше,
Узнавая весну по лужам-[проталинам],
Узнавая лето по дождям,
Чувствуя осень по снежной крупе.
Прибыли к месту,
Где небо с землей сходятся,
И увидели:
Раскинулись перед ними три горных прохода.
Отправились по среднему из них.
- 8520 Быстро проехали по этому проходу,
Вниз спустились
И мигом оказались они
По ту сторону дальней Сибири.
Когда ехали так,
Слева от них
Показались, громоздясь тут и там,
Черные каменные горы. –
Там, где кончаются эти каменные горы,
На самом краю,
- 8530 Растет-красуется, оказывается,
Одинокая раскидистая восьмиствольная береза;
На нижних ветвях этого дерева
Есть, оказывается, из шелкового пуха гнездо
Величиною с половину небольшого стога;
В этом гнезде, оказывается,
Сидит птица – белый журавль
С ободками вокруг глаз,
С окрашенным клювом.
Когда парни тряской рысцой
- 8540 Хотели проехать низом дальше, на восток,
Из гнезда на этой одинокой раскидистой березе
Плавно вылетела птица,
Подобрала крылья свои
И вдруг уселась перед ними.
Младший парень, который ехал за старшим братом,
предостерег его:
«Слушай, это, может статься,
Чьи-то уловки, что убегающие облака,

- Чьи-то проделки, что пролетающие облака, –
 Проезжай мимо,
 Даже краешком глаз своих не гляди!»
 8550 Поехали дальше,
 Раскидывая и взметая пыль.
 А та самая птица
 Трижды перекувырнулась-покаталась
 И предстала вдруг перед ними самой красивой
 Из когда-либо виденных женщин.
 Оказывается, эта женщина –
 Самая нежнолицая из [всех] имеющих лицо,
 Самая стройная из [всех] имеющих стан,
 Самая длинноносая из [всех] имеющих косы.
 8560 Эта женщина подбежала с сияющей улыбкой,
 Ухватила руками своими в браслетах
 Коней [обоих] парней за узды
 И стала говорить,
 Нежно глядя глазами своими, похожими на глаза
 Светло-серого жеребенка,
 Только начинающего воду пить;
 Мягко посматривая глазами своими, похожими на глаза
 Белого жеребенка,
 Только начинающего есть:
 8570 «Му-о, хор-хор!
 Ой, парни, привет вам, привет!
 Чьими же сыновьями вы могли бы быть?
 Средний сын Строптивного Кулун Куллустуура,
 Ставшего богатырем [владыкой] Среднего мира,
 Ытык Суйуллаа-богатырь
 И младший сын его Тойон Нюргун-богатырь,
 Это вы, наверное, едете, деточки мои,
 Искать себе жен,
 [Хотите] выполнить предопределение свое –
 стать родоначальниками людей,
 8580 Размышляете о предуказанном назначении своем!
 Если спросите: «Как зовут тебя, женщина?» –
 Меня зовут
 Прекрасная дева-богатырка,
 Кыыс Нюргун-шаманка.
 Я дочь хозяйки багрового облака
 Кыыкыллаан-шаманки.
 Я ваша настоящая,
 Определенная богами-небожителями тетя.
 Старшего брата вашего,
 8590 Прозванного Босхонголлой Мюльгюном
 С девяностопудовой [палицей]-тростью
 Из дуба,
 С семидесятипудовым посохом
 Из жимолости,

Хозяйкой-женой буду я,
Чынгырыыр Хааном [ему] предопределенная,
Менгюрююр Хааном преуказанная,
Орудуур Одун Хааном определенная.
Вот [так] вот, дети мои!
8600 Ну, трогайтесь,
Заночуете, проведете день у меня,
Получите мой совет.
Ой, буйакам!»

Старший [брат] на это сказал: «Раз госпожа-тетя зовет нас, не заедем ли к ней, свернув с дороги?»

Младший брат ответил: «Если хочешь – заезжай, а я не поеду!»

А женщина повернула коней с сидевшими на них парнями, и тут парни поняли, что низринулись во тьму – так в ушах загудело! И стали эти люди проваливаться все глубже и глубже.

А мы теперь вернемся к их дому.

Однажды утром старуха встала с постели, выскочила из дома и воскликнула: «Что за оказия?! У тех детей моих приостановилось, видно, дыхание! Всем сердцем своим с околосердечным жиром взволновалась я, зашевелилась крепкая печень моя. Старший сын наш, бездельник, только и знает, что спит без просыпу. Не спит ли и сейчас? Пойду-ка посмотрю!»

Выйдя из дома,
Она увидела:
Сын ее сидит
На своем лабазе-арангасе;
Не успела она еще раз взглянуть
И дверь закрыть –
8610 Парень промелькнул,
Вверх взлетел,
Поднялся и уселся
На тяжелое черное облако
Величиною с половину поля-елани;
Затем он понесся в глубь восточного неба,
Сотрясая воздух шумом,
Похожим на свист мерзлого тальника.

Старуха влетела в дом, воскликнула: «Старший сын наш с таким шумом-грохотом понесся в глубь восточного неба – видно, [понял]: почернело дыхание младших братьев его! Так стремительно несся он! Не думала я, что какой-то человек смог бы узнать [о беде] прежде меня. Удивительно, что он так быстро узнал – даже раньше меня! Неужели родился [такой же] шаман, как я? А ведь он – и видом, и расторопностью, и повадками своими, и ездой необычной – особенный, видать, человек! Ну, ладно! Если уж он отправился вызволять [братьев], то только он, [видно], и сможет вызволить!»

Вот так и остались старик со старухой [одни]. А мы давайте-ка последуем за этим нашим человеком.

Босхонголлой Мюльгюн – не такой человек,
Что медлит;
8620 Летел он стремительно,
Со свистом и гулом,
Направляя, снижая [облако свое].

- Так, со свистом и гулом,
 Мигом промчался он,
 Всего через трое суток
 Прибыл в другую Сибирь.
 Прибыл туда и увидел вдруг
 Белого журавля,
 Сидящего на одинокой
 8630 Раскидистой березе,
 Что растет
 На восточном склоне каменной горы.
 Взглянул в сторону
 Этой птицы-женщины
 Широко раскрытыми глазами,
 Похожими на медные кольца,
 Крякнул, словно бы узнал,
 Где находится
 8640 Отверстие обледенелой бездны,
 Куда провалились его младшие братья;
 Подлетел, рассек надвое облако свое
 Девяностопудовой [палицей]-тростью
 Из дуба,
 Спустился и шлепнулся-уселся
 У края закрытого отверстия
 Этой бездны.

Он посматривал в сторону женщины широко раскрытыми глазами, такие слова говорил:

- «Быай да, дугар! Хозяйки багрового облака
 Кыыкыллаан-шаманки дочь,
 Прекрасная дева-богатырка,
 8650 Кыыс Нюргун-шаманка,
 Белесая тварь, с головой наполовину белой,
 Мерзавка со смазливенькой рожей, продувная бестия,
 Ты что же натворила?!
 Уловки свои, что убегающие облака,
 Прodelки хвои, что пролетающие облака, –
 Эти шалости брось!
 Пока еще не умножились муки и бедствия,
 Приведи скорее сюда и вручи
 В пять моих растопыренных пальцев
 8660 Обоих братьев моих!
 Во что бы то ни стало
 Укрощу необузданность твою,
 Усмирю дикость твою,
 Тебя, смазливенькую мерзавку,
 Продувную бестию...
 Ну вот, теперь без лишних слов
 Найди-ка их поскорее!
 Не те мы люди, чтоб такая негодница,
 Как ты, смогла обидеть нас!
 8670 Ой, буйакам!»

- Женщина-[птица] тотчас же
Трижды кувыркается-катается
И становится сама собой;
В упор смотрит на человека,
[Такие] слова говорит:
«Муо-о, буйакам!
Ты, премерзкий черный вор
С черным земляным лицом,
С ногами, как бычье ярмо!
8680 Разве ты отдавал мне братьев своих,
Разве вручал их в руки мне?
У [тебя], окаянного,
До чего ж закопченная харя –
Будто не мытая девять веков,
До чего же заиндевевшая рожа –
Будто не чищенная восемь веков!
Окаянный, застарелым недугом-хворью
Девяти поколений изуродованный!
Чем такого, как ты,
8690 Иметь мужем своим –
Лучше умру, с головой [нырну]
В горящую огненную смолу.
Прощай навсегда!
Если где догонишь меня – там и сожрешь!
Ой, буйакам!»
Женщина тут же упала ничком,
Как будто распалась на семь частей,
Превратилась в думы семи табачных трубок
И только мелькнула
8700 В сторону окраины седьмого неба.
А наш человек остался, сказал:
«Ну, проваливай пока,
Продувная бестия, –
По старым следам твоим выслежу [тебя],
По свежим следам твоим разыщу».
Ударил девяностопудовой [палицей]-тростью
Из дуба,
Проломил отверстие в обледенелую бездну,
Засунул в нее [палицу]-трость и крикнул:
8710 «Ну, если вы еще живы,
Привяжите-ка к этой палке
Поводья коней своих,
Попробуйте ухватиться [за коней] –
За что сможете!»

Люди, провалившиеся вниз, были, оказывается, живы; как велел старший брат, привязали они поводья коней своих к концу [палицы]-трости, просунули ноги в стремена, уселись верхом и трижды накрутили на руки гривы коней.

«Мы приготовились, старший брат наш! Ну-ка, попробуй потянуть», – сказали.

Тот человек потянул со дна обледенелой бездны младших братьев своих с лошадыми и со всем снаряжением и вытащил вверх, на светлое поле, словно четырех чечеток, попавшихся в силки.

Кони – ну и добрые же кони оказались! – поднялись, сразу встали на длинные ноги свои. Парни спешились, мигом отвязали поводья, схватили коней.

Старший брат, потрясая девяностопудовой [палицей]-тростью из дуба, сказал: «Дурни безмозглые! Разве вы не видели отверстия этой обледенелой бездны? В какую-то еще бездну вы провалитесь? Ну, прощайте, странствуйте благополучно!»

Сказал так Босхонголлой Мюльгюн,
Оперся на [палицу]-трость И уселся
На громовую тучу свою,
Понесся

8720 Со свистом и гулом,
Похожим на свист
Мерзлого тальника,
В сторону проклятых белых борозд
Южного неба.

XXII

Оба парня
Сели на коней своих
И пустили их вскачь
Прямо на восток.
Тряской рысью, пыль поднимая,
8730 Подъехали они вскоре
К богатым людям.
Большой наезженной дорогой
С тремя разветвлениями,
Лежащей с северной стороны
От жилья этих людей,
Понеслись они в объезд,
Поднимая пыль;
Прямо на восток.

«Это, должно быть, проехали мы владения Дьулусхан Баай Тойона!» – сказали они и быстрее пустили коней.

8740 Довольно долго ехали они
И добрались до западного края
Угодий других богатых людей.
Вот как люди живут, оказывается, –
Шумно, весело!
Направились к северу от жилья
Этих людей,
Поехали дальше.

«Это, видать, проехали мы [угодя] того Сабыйа Баай Тойона», – сказали парни и туманом понеслись дальше.

8750 Такие люди, как они,
Разве будут [где-нибудь] задерживаться?
Опять на всем скаку
Въехали на западный край елани
Знатных и очень богатых людей.

- Мчались они наперерез стадам
Крупнопятнистого рогатого скота,
Табунам крупнополосатых коней,
Разрезая их от головы до зада²⁹¹,
Множество разных построек [там],
Множество дымокуров –
Ну и благоденствуют, оказывается,
Жители [по] левую сторону от них,
Затеняя им свет:
8760 Оказывается, во дворах полно народу,
Оказывается, бесчисленное множество людей
Протиснулось между жердями изгородей,
Некоторые поднялись на заборы,
Некоторые забрались на дома –
Чтобы взглянуть на них.
Наши парни и не подумали:
«Здесь люди находятся,
Здесь жители имеются»,
8770 Туманом пронеслись мимо,
По северной окраине страны этих людей,
Даже искоса, краешком глаза не взглянув.
«Уот-татай!
В какой же стране,
На какой земле родились эти богатыри?
Вот это быстрая езда,
Стремительная скачка!
Одинаковые у обоих повадки,
Одинаковый у них вид!» –
8780 Так говорили
Стоявшие люди,
Те, что остались [позади].
Долго ли,
Скоро ли ехали парни,
Рысью коней пуская,
Туманом пролетая,
Опять влетели
В одну прекрасную елань.
Взглянули они прямо
8790 На восток:
Около самой их дороги
Ну и жилище [стоит]!
Ну и постройки-застройки!
Ну и жители [обитают здесь], оказывается!
Залетели в правые ворота
Сверкающего серебряного двора –
[Чтоб объехать его по окружности,
Надо скакать
Полных тридцать дней одного месяца].
8800 Подъехали они к переднему столбу
Коновязи с бар-зверем,

- Спешились,
 Привязали коней своих,
 Подтянули их головы поводьями.
 Привязав коней, зашагали парни,
 Переваливаясь, тяжело ступая,
 Направились к дому.
 И тут вдруг
 Настежь открылась дверь –
- 8810 И разом [появился],
 Засверкал лик женщины,
 Подобный девяти солнцам, соединившимся в одно.
 Оказывается, это щеголиха разряженная,
 С подвесками, от бряцания которых
 Шумят засохшие деревья,
 Скрипят сухие деревья.
 Тойон Нюргун-богатырь
 Скорым шагом подошел,
 Схватил женщину за руку с браслетом,
- 8820 Стал [такие] слова говорить:
 «Муо-о! Хор-хор! Девушка милая!
 Прими [наш] привет!
 Если спросишь: «Кто такие приехали,
 Как прозываются эти люди?» –
 [Я] – самый младший из трех сыновей
 Строптивного Кулун Куллустуура,
 Тойон Нюргун-богатырь,
 Владею конем [по кличке] Тойомсук Турагас,
 Похожим на-глыбу,
- 8830 Отломившуюся от горы;
 А это – средний брат наш,
 Ытык Суйуллаа-богатырь,
 Владеющий конем [по кличке] Догороонку Сиэр,
 Разом перескакивающим расстояние,
 Равное девяти дням пути.
 Имя старшего брата моего –
 Богатырь Босхонголлой Мюльгюн
 С девяностопудовой [палицей]-тростью
 Из дуба
- 8840 С семидесятипудовым посохом
 Из жимолости.
 По слухам, твой отец –
 Ставший, быком великой страны
 Охумал Баай Тойон,
 Старший брат твой –
 Юрюнг Уолан-богатырь,
 Владеющий трехтравым молочно-белым
 Конем [по кличке] Юнкюю Битик,
 А ты – прекрасная женщина по имени Кюн Туналы
- 8850 С волнистой косой в девять маховых саженой,
 С шелковыми нитками и золотыми иголками.

- Вот этот средний брат мой должен стать
 Верным мужем твоим, предназначенным тебе.
 Дай скорее ответ свой:
 Пойдешь за него или нет?
 Иди и спроси разрешения
 У старшего брата своего,
 Обрядись, как обряжают в праздник жертвенного оленя,
 Нарядись, как цветы землю [наряжают],
- 8860 И выходи скорее!
 Ой, буйакам!»
 Когда человек отпустил женщину,
 Она, вроде рассерженная, раздосадованная,
 Затопала, обратно домой побежала.
 Встала перед старшим братом своим
 И, глядя на него в упор,
 Передала в точности все,
 Что сказал Тойон Нюргун.
 Выслушал ее Юрюнг Уолан-богатырь,
- 8870 Помрачнел,
 Лицо его [вспыхнуло], глаза засверкали огнем.
 И сказал он:
 «Такие люди, как они, –
 Из поколения именитых людей,
 Рожденные родовитыми людьми,
 Потомки почтенных людей, –
 Что ж, разве не знают они,
 Что я – человек,
 В дом которого можно зайти,
- 8880 На скамьях посидеть,
 У огня можно погреться,
 Попить-поесть.
 Собираются похитить тебя,
 Со двора забрать,
 Не заходя в дом?!
 Раз так, то – крепкие люди –
 Пусть силой уведут!
 А я [тебя] добром не отдам!
 Раз стала женщиной-вестницей –
- 8890 Выйди и скажи им: «Так говорит брат!»
 Женщина зарделась,
 Словно красное сукно лицо ее [стадо],
 [Потом] помрачнело;
 Выскочила [она] из дома,
 Встала перед теми людьми,
 Передала наказ старшего брата.

Тойон Нюргун-богатырь сказал: «Ну, если так, пусть скорее выходит на бранное поле. Мы – люди, которые прибыли сюда, – думаем, что одну-то женщину сумеем увести. Так и передай старшему брату своему!» – И, тяжело ступая, переваливаясь, зашагал к бранному полю.

- Как только женщина вошла
 И передала [брату] этот наказ,
 Юрюнг Уолан
 8900 Рассердился, разгневался,
 Схватил оружие и доспехи свои
 И, громыхая [ими], выскочил из дома.
 Когда он выскочил, оказалось:
 Страшный, внушительного вида богатырь
 Тяжело ступает, переваливается,
 Направляясь к бранному полю.
 Тойон Нюргун-богатырь,
 Пришедший [сюда] раньше,
 Остановился, [подождал],
 8910 Пока Юрюнг Уолан-богатырь
 Придет следом.
 Громыхая,
 Ввалился тот
 На [бранное] поле.
 Подошел,
 Встал перед ожидавшим его человеком,
 Говорить стал
 Слова обдуманые:
 «Муо-о, хор-хор!
 8920 Тойон Нюргун-богатырь!
 Оказывается, ты – знатных людей потомок,
 Сын людей именитых!
 Неужели ты приехал,
 Чтобы прямо-с поля увести женщину?
 В этой стране существует обычай
 Брать женщину, выказывая мирный нрав,
 Ведя добрые разговоры.
 Ты же, видать, полагаешься только на силу и мощь свою,
 Глухарь ты –
 8930 Глупый во всю меру длины своей!
 [Посмотрим], как ты уведешь ее,
 Разве что изрубив на куски красное тело мое,
 Искрошив здоровое тело мое!
 Вот если победишь – уведешь!
 Ой, буйакам!»

Наш человек говорит: «Разве я могу вернуться без предназначенной мне женщины, испугавшись! того, что красное тело твое придется изрубить на куски?! Что ж, я не прочь, порубимся! Могу забрать женщину и после этого!»

- Юрюнг Уолан сказал: «Ну, если решил бить – бей!» И пошел-зашагал навстречу.
 Кукишем, [что стал] поводом для раздора,
 Посрамила [друг друга]
 И [начали] после этого
 Друг друга по темени бить
 8940 Девяностопудовыми железными
 Палицами своими увесистыми.

- Не прошло и трех суток,
 Как все оружие, которым бились-пользовались,
 Вдребезги поразбивали.
 Тогда они оба
 Ухватились за шеи и щеки [друг друга],
 Схватились за пояса штанов,
 С воплями стали подталкивать друг друга,
 С криками стали перекидывать
 8950 Друг друга через бедро.
 Когда подошли к концу девятыe сутки,
 Похоже стало,
 Что наш человек начал побеждать.
 И вот, когда продолжали они биться-драться,
 Прямо с южной стороны
 Вылезли громадные грозовые тучи
 С дождем и снегом.
 Повыскакивали, гулким грохотом отдаваясь,
 Девять разящих громов.
 8960 Зашипел громадный огонь
 С половину толстой лиственницы;
 Низринулса огонь-молния
 С половину густой лиственницы;
 Часто загрохотали льдины-градины
 Величиною с голову годовалого теленка.
 Грянули семь неистовых бурь,
 Налетели восемь бушующих вихрей,
 Низверглись девять ураганов с туманами.
 Следом за ними вылезло
 8970 Призванное силой заклинания
 Особое облако, на которое садятся шаманы,
 В отдалении слышались стук колотушки
 И звуки гудящего бубна.
 Над их головами
 Пронеслась прямо на север женщина –
 Из всех виденных самая красивая.
 Следом за нею вылезло,
 Взвиваясь ввысь и расползаясь,
 Тяжелое черное облако
 8980 Величиною с половину поля-елани.
 Оказывается, сидит на этом облаке
 Тот наш человек, богатырь Босхонголлой Мюльгюн.
 С шумом прилетел,
 Снизился над их головами,
 На миг остановился,
 Рассек свое облако
 [Палицей]-тростью дубовой.

Сидит, выглядывает из разорванного облака и говорит младшему брату своему:
 «Что это ты, парень, Тойон Нюргун-богатырь! Из-за того, что ли, бьешься-рубишь-
 ся, что не пожелал человек этот выдать за брата младшую сестру свою? Перестань!
 Придите в себя, [поглядите], что делаете?!»

Юрюнг Уолан-богатырь тут попятился, вверх посмотрел, стал говорить:

- «Муо-о, хор-хор!
Богатырь Босхонголлой Мюльгюн
8990 С девяностопудовой [палицей]-тростью
Из дуба,
С семидесятипудовым посохом
Из жимолости,
Сват мой, свояк мой, прими привет!
Неужели не отдам [сестру] ему,
Подумав: «Его предки менее знатны, чем мои!?»
Так было: по молодости
Грубо, плохо вели себя,
Собирались увезти сестру мою,
9000 Прямо со двора забрав.
Раздосадованный этим,
Я вышел на поединок,
Бьюсь, [за честь] стою, готов умереть.
Старший из нас, старший брат наш,
Рассуди нас, пока не проехал!
Ой, буйакам!»

Когда богатырь сказал так, человек широко раскрытыми глазами посмотрел сверху, промолвил: «Парень! Тойон Нюргун! Ты, видно, грубиян, а? Нехорошо грубить безо всякого повода. С этими людьми ты не ссорься, отправляйся-ка за женой своей! А ты, Юрюнг Уолан-богатырь, не серди его; зять твой – человек не грубый, не дерзкий. Не вступай с ним в бой, не пререкайся, отпусти его, отдай сестру свою по-дружески! Ну, не задерживайте человека в пути – тороплюсь!»

На это Юрюнг Уолан-богатырь отвечал: «С самого приезда зять мой не сказал мне ни одного слова против, поэтому [в душе] он нравится мне. Если так, зачем же станем с зятем препираться, пусть только этот, спорящий, отойдет».

Тойон Нюргун-богатырь постоял, послушал немного и сказал: «Если я для вас словно абаасы, могу и отойти. Но если после того как я отойду, он вздумает убить-изрубить старшего брата моего, я вернусь и опрокину его со всем материнским родом, сокрушу со всем отцовским родом! А сейчас уезжаю!» – Такие слова сказал.

Босхонголлой Мюльгюн ответил: «Послушай! Если случится, что кого-нибудь из нас обидят, мы сумеем отомстить. Ты много не шуми, куда едешь, туда и отправляйся!» – и с шумом понесся в сторону далекой окраины северного неба.

Тойон Нюргун-богатырь пошел, тяжело ступая, переваливаясь; быстро отвязал коня своего, привязанного к главному столбу коновязи, вскочил на него и, ничего не сказав, [ни слова] не промолвив, поскакал прочь, прямо на восток направив коня. А люди, что были там, так там и остались.

XXIII

- Этот человек, [Тойон Нюргун-богатырь],
Ехал быстро, пыль поднимая.
Много ли проехал – не знал,
9010 Мало ли проехал – не заметил.
Вдруг однажды опомнился, посмотрел:
Оказалась перед ним земля –
Прекраснейшая изо всех земель,
Раскинулась перед ним страна –

- Красивейшая изо всех стран.
 И вот, когда он ехал рысью,
 Встретились ему люди и такие тучные стада,
 Что от их дыхания
 Солнце тускнело и луна багровела.
- 9020 Помчался человек стремглав к этим стадам.
 Когда взглянул он прямо на восток,
 Там, на расстоянии, которое
 Человеческий глаз едва схватит,
 Показался сверкающий серебряный двор –
 [Чтоб объехать его по окружности,
 Надо скакать полных тридцать дней одного месяца].
 Посередине показался
 Сверкающий золотом дом.
- 9030 С той стороны [навстречу] пробирался меж скота,
 Ехал верхом на пестром олене,
 Заставив скакать его по-мышинному,
 Человек с кнутом из тальника,
 В дохе из шкуры густошерстного оленя,
 В торбасах и натазниках из задних ног его,
 В рукавицах из передних ног его,
 В шапке из шкуры с головы его.
 Острыми, зоркими глазами своими,
 Подобными двум огненным звездам,
 Пронизывающе глядел
- 9040 На нашего человека,
 Ехал то сзади,
 То, обгоняя его, спереди.
 Скакал так и говорил:
 «Усулаата-асалаата!
 Уйла-хайла!
 Напевы мои! Приветствие мое!
 Здравствуй, приятель!
 Внимай, добрый человек,
 Прислушайся к словам, что я скажу!
- 9050 Если спросишь: «Кто ты таков, человек?»
 Я – старший сын Аяаатыйар Ала Нюргун Тойона
 И Чыскийар Тысы Хотой Хотун,
 Зовут меня Эриэдэл Мэргэн-богатырь,
 Владеющий
 Необъезженным двухтравым оленем.
 Хотя сил у меня маловато,
 Но человек я бойкий, проворный.
- 9060 По слухам, есть, говорят,
 В глубине западной стороны Сибири-земли
 Сын солнечного племени айыы
 Из улуса золотых сережек²⁹²,
 По имени Строптивый Кулун Куллустуур.
 Младший из трех сыновей его –

- Тойон Нюргун-богатырь,
 Значит, это ты едешь?
 Значит, ты – человек, предназначенный
 Деточке моей, сестричке моей,
 Роняющей слезу через каждые три слова,
 9070 Юрюнг Юёкэйдээн – деточке моей?
 А сюда приехал, обосновался, живет [здесь]
 Сильнейший из всех леших,
 Огнехвостый атаман всех абаасы
 Усуутуур Усун Туйгун-богатырь;
 Отец [его] – хозяин южного неба,
 Хозяин горящего грозного огненного моря,
 Обот Туруктай-шаман;
 Мать – ясновидящая старуха
 Ингсэ Мэнэгэй;
 9080 Младшая сестра –
 Кыыс Соллонтон-шаманка
 С лицом – что круп молодой кобылицы.
 Приехал сюда в надежде стать зятем
 И хозяин западного неба,
 Богатырь по имени Тимир Дыбырдаан;
 Лежит, выпятил живот Хозяин Священной горы,
 Которая вращается, как рукоятка мутовки.
 Прибыл сюда в надежде стать зятем
 9090 И хозяин восточного неба,
 Богатырь по имени Тимир Ньычыллаан,
 Взгромоздившись, лежит;
 Мать его – Ингиэтэр-гора,
 Отец – Ангааттар-гора.
 Ну, друг,
 Крепись, бейся, пока выдержат зубы и копыта твои²⁹³;
 В самый трудный твой день при тебе окажусь.
 Прощай надолго!
 Я еду приглядывать
 9100 За белошерстными и черношерстными своими!
 Усулаата-асалаата!»
 Всадник на пестром олене,
 Заставляя скакать его по-мышинному,
 Следовал за нашим человеком до середины пути –
 И вдруг исчез.
 Наш богатырь и не подумал:
 «Хороший ли человек
 Подъезжал ко мне, говорил со мной?» –
 Не обратил внимания,
 9110 Пренебрег им, продолжал себе ехать.
 Поехал дальше,
 Въехал в ворота того сверкающего серебряного двора.
 Глянул в сторону главной коновязи и увидел:
 Стоит привязанный к ней пегий конь

С двумя ногами,
С одним глазом,
С яркой пестриной в семи местах.
К среднему столбу коновязи
Привязан черный конь.
9120 К последнему столбу коновязи
Привязан рыжий конь:
Нет на нем шерсти,
Сзади не заметно хвоста,
Спереди не видно гривы.

Человек наш спешилсы и подумал: «Вот так так! Куда же мне привязать коня своего? Я ведь тоже знатный из чужеземцев, лучший из улуса своего. Если мне обойти стороной коней леших этих и привязать [своего] к воротам – очень уж стыдно будет. Чем так – пусть счастье-доля определит [судьбу] коня моего молодого, может, кони этих леших не съедят его!» Решив так, привел коня своего к переднему столбу коновязи и закинул на него поводья.

Сделал это и зашагал к дверям дома, тяжело ступая, переваливаясь. На ходу оглянулся – и тут же попятился назад: конь абаасы понюхал ноздри коня айыи, страшно заржав, собрался было хватить [зубами] за голову коня айыи, но конь айыи отпрянул назад, откинул голову; поводья его соскочили с коновязи, зацепились за заднюю луку седла. Конь айыи, громко заржав, вцепился зубами в загривок коня абаасы. Конь абаасы так и присел на заднюю ногу, с треском оборвал железный свой повод. И пошли они драться, пыль поднимая. Конь айыи, вцепившись в загривок коня абаасы, пригнул ему голову, взметнулся и лягнул его краем копыта. Лягнул так, что с треском рассек коня абаасы до середины [туловища], а другую половину – с головой – отбросил, высоко перекинул через весь двор.

[Наш человек] сказал:
«Бай-да, дугар!
Вознеслось мое счастье –
[Стало] с молодого жеребца;
Принес мне удачу
9130 Молодой конь мой²⁹⁴!
Стало быть, и мне, человеку,
Еще не скоро [доведесться] сгинуть-умереть!»
Распахнул дверь и
Ввалился в дом.
Влетел он, устремив взгляд
В сторону, противоположную [от входа]:
Оказывается, в доме полно людей.
Со словами: «Из какого племени [этот] прославленный,
Из какого улуса лучший из лучших приехал?» –
9140 Все до единого расступились,
[Встали] по обе стороны.
С противоположной от входа стороны
Сидят, оказывается,
В преклонных годах, почтенные
Старик и старуха.
Там же,
На почетном месте сидит, оказывается,

- 9150 Могучий богатырь абаасы,
Уродина с широкими плечами,
С крепкими мышцами рук.
Направо, на первой почетной лавке,
Лежит, оказывается,
Страшный видом,
Грозный обликом богатырь,
Отменный из абаасы,
Сильнейший из леших.
На правой средней почетной лавке
Лежит, оказывается,
Упираясь в матицу,
9160 Заслоняя окно,
Богатырь, непокорный с виду,
С упрямым ликом –
Страшилище злобного, раздражительного нрава.
И на задней лавке
Тоже сидит, оказывается,
Один из чудовищ-богатырей абаасы,
Глядит налившимися кровью глазами.

Наш человек огляделся вокруг и подумал: «Я ведь тоже из знатных чужеземцев! Не пристало мне сесть у дверей. Не подобает мне и сесть на свободное место. Поэтому лучше будет подойти к старику со старухой, поговорить, стоя перед ними». Подумал так, подошел и выпрямился перед стариком и старухой, выставил ногу вперед и сказал:

- 9170 «Мо-о, хор-хор!
Айаатыяр Ала Нюргун Тойон,
Чыскыйа Тысы Хотой Хотун,
Примите привет!
Если спросите: «Сын какой земли-страны приехал?» –
Имею отца, ставшего хозяином западной Сибири-земли,
По имени Строптивый Кулун Куллустуур;
Имею мать –
Шаманку по имени Кюн Толомон Нюргустай;
Имею двух старших братьев:
Богатыря Ббсхонголлой Мюльгюна
С девяностопудовой [палицей]-тростью
9180 Из дуба,
С семидесятипудовым посохом
Из жимолости
И богатыря Ытык Суйуллаа.
А мое имя:
Тойон Нюргун-богатырь,
Владеющий конем по кличке Тойомсук Турагас,
Похожим на глыбу, отломившуюся от горы.
Если спросите: «Зачем приехал?» –
Приехал я
9190 Ради дочери вашей Юрюнг Юёкэйдээн,
Роняющей слезу через каждые три слова,

Которая росла среди ваших девяти сыновей
 И восьми дочерей,
 Ради славного имени ее,
 Которое не под силу поднять и коню;
 Ради доброй молвы о ней,
 Которую не сдвинуть с места и быку.
 Украсьте ее, как жертвенного оленя [украшают],
 Нарядите, как цветы землю [наряжают],
 9200 Уберите ее, как зеленый бор,
 И выведите эту почтенную вашу дочь.
 Если отдадите – возьму [в жены],
 Если не отдадите – все равно возьму!
 Скажите же, отдадите или нет?
 Ой, буйакам!»

Абаасы, [который] на первой почетной лавке лежал, медленно, со скрипом повернулся, гневно взглянул.

Тут старик сказал:
 «О! Оказывается, ты –
 Дитя родовитых людей,
 Поросль именитых людей,
 9210 Потомок знатных людей,
 У Строптивного Кулун Куллустуура,
 Оказывается, доброе потомство выросло!
 Такой же мужественный,
 Такой же горячий, –
 Значит, ты
 [Достойный] наследник отца!
 Ну вот, дружок, серебряный мой!
 Хоть она и мое дитя,
 А живу, словно бы и власти над ней не имею.
 9220 Разве ты не видишь
 Лежащих на лавках
 Почтенных и знатных женихов?
 Два месяца исполнилось,
 Как приехали эти важные люди;
 Скоро прикончат,
 Истребят на пропитание свое
 Все белошерстные табуны, весь черношерстный [скот] мой.
 Если ты, серебряный мой,
 Изведешь этих леших,
 9230 Разве для тебя пожалею дитя свое?!
 [Разве] подумаю: «Лучше его найдется человек!»,
 Разве стану упрячиться?»

[Богатырь сказал]: «Э, старик и старуха! Не такой я человек, чтоб испугаться леших и покинуть предназначенную мне! Я отправляюсь на бранное поле, [а вы] пошлите ко мне одного из самых сильных леших!» Так сказал и, тяжело ступая, вышел из дома.

[Шел1 тяжелой поступью, переваливаясь. Пришел на бранное поле, расположенное в южной стороне [той] земли, остановился, дожидаясь. Вскоре вышел из

дома самый свирепый из всех абаасы, исполин адъараев, уродина невообразимая. Тяжело, неуклюже ступая, явился на бранное поле, осклабился непристойно.

Наш человек зашагал ему навстречу, сказал: «Где же вы слышали, чтобы из племени адъараев, из рода раздоров²⁹⁵ брали себе в жены девушек солнечного племени айыы?! Чего столпились, собаки?»

Абаасы сказал: «Разве для нас, именитых, лучших из своего улуса, есть помеха брать себе жен из знатных другого улуса? Я – Усуутуур Усун Туйгун-богатырь с огненным хвостом! Не ты ли отнимешь у нас женщину? Так вот же тебе!» – и тотчас ударил человека айыы девяностопудовой увесистой железной палицей своей.

Не таков был человек айыы,
Чтоб стоять и смотреть, –
Стал наносить ответные удары.
Эти люди бились-дрались
Три дня и три ночи подряд,
Страшные удары наносили,
Увесистыми тумачами обменивались, навлекли
большие беды.

9240 На четвертый день человек айыы
Трижды крикнул по-богатырски,
Кинул абаасы через бедро свое
И, бросая на землю,
Не [дав ему еще коснуться] земли,
С треском разорвал ему горло до половины.
Кровь из горла абаасы
Забулькала, забила вверх.
Люди, [которые] собрались во дворе
И следили за боем, заговорили:

9250 «Уот-татай!
Вот это да! Ну и хватка!
Оказывается, человек, которому
Подобает силу показать, –
Показывает силу [свою];
Человек, который способен воспламениться, –
Воспламенился, оказывается!
Ну и замечательный, видно, человек!
До чего ж быстры да ловки
Ухватки и уловки его!» –

9260 [Так] говорили люди,
Которые собрались во дворе
И следили за боем.

Тем временем человек айыы превратил [богатыря] абаасы в брызги лунного света, в пыль солнечного света, в небесный туман. Потом стал ходить взад и вперед по бранному полю, руки за спину заложив, – поджидал следующего [богатыря] абаасы.

Среди собравшихся людей, вышедших поглядеть [на бой], находился, оказывается, Тимир Дыбырдаан-богатырь, ставший хозяином западного неба. Постоял он там, поглядел и сказал: «Ну и бывают же, оказывается, люди с таким неуязвимым телом, нервущимися сухожилиями! Не стоит мне напрасно ваяться здесь, думая-надеясь: «У этих людей отниму для себя жену!». Я еще не враг себе. Прощайте навеки!»

Сказал так абаасы, уселся верхом на рыжего коня своего, не имеющего шерсти, и с хрустом-треском полетел в сторону западного [неба].

Мэриэт Мэргэн влетел в дом, подошел к абаасы, грузно лежавшему на: средней лавке, и сказал: «Тимир Ньычыллаан-богатырь! Тебя зовет Тойон. Нюргун-богатырь, говорит, ты должен выйти. Как видно, старшего брата твоего, Усуутуур Усун Туйгуна-богатыря, он [победил], на землю поверг. А Тимир Дыбырдаан-богатырь, приятель твой, убежал без оглядки».

Абаасы помрачнел: «Значит, исполнилось твое желание: прекрасный зять твой начинает убивать-уничтожать, есть-пожирать [соперников], а ты уж начал радоваться и ликовать! Но все решится так, как предопределено судьбой в миг падения на сено – какой кому жребий выпал еще при падении на землю. Не очень-то радуйся прежде времени!»

Затем соскочил он с лавки И тотчас же неуклюжим шаром выкатился из дома. Вышел [во двор], глянул в сторону переднего столба коновязи, [а там] – только половина повода висит, только половина его коня, вспученная, [валяется] возле дома с левой стороны. Завертелся абаасы, закричал: «Это кто так разделал моего доброго коня?»

Мэриэт Мэргэн сказал: «Это Тойон Нюргун [велел] молодому коню своему лягнуть и рассечь его. С ним и расправляйся!»

А конь Тойомсук Турагас стоит, оказывается, уткнулся мордой в передний столб коновязи. Этот окаянный [абаасы] увидел его, гаркнул и, вскинув кровавую пальму, сказал: «[Сейчас] толстую шею ему рассеку?» Но конь присел на задние ноги, и тот промахнулся, рассек землю вглубь на девять аршин. После этого он, прискакивая на бегу, как жук-водолюб, тяжело ступая вперевалку, направился на бранное поле.

Неуклюжий абаасы подскочил к нашему человеку, который шагал взад и вперед, заговорил:

«Черный вор! Черный варнак!
Знаешь ли ты, кого опрокинул
Вместе со всем материнским родом,
Кого сокрушил
Вместе со всем отцовским родом?
Темя твое проломлю,
Надбровья твои разнесу!»
9270 С этими [угрозами],
В гневе, не дав даже слово сказать,
Направил он железную палицу
На человека айыы.
Наш человек
Не такого был нрава,
Чтобы стоять и смотреть,
Как его бьет абаасы.
Вскрикнул он
И тоже начал бить абаасы.
9280 По надбровьям друг друга ударяли,
По темени постукивали –
Трех дней не прошло,
Вдребезги разбили оружие,
Какое имели.

- Человек айыы согнул абаасы,
 Ухватил за шею и пояс штанов;
 Абаасы [изловчился], неожиданно сгрёб
 Человека айыы за промежину.
 С криками пошли они
 9290 Бросать друг друга через бедро,
 С воплями друг друга подталкивали.
 Как с кобылою конь, забавлялись-бились они
 Полных девяносто суток трех месяцев,
 Разворотили тут и там
 [Ограду] бранного поля,
 Не оставили даже дерновины
 Величиною с потник ретивого [коня] –
 Все искроншли-истоптали!
 И тут наш человек
 9300 Словно бы сдавать начал,
 Абаасы стал бить его
 С каждым ударом все крепче.
 Тем временем рядом с ними
 Появился тунгус –
 Приятель нашего человека.
 Он верхом на пестром олене,
 У него, оказывается, плеть из тальника,
 У него копьё,
 Огнем шипящее,
 9310 Кровожадность которого –
 Величиною со средний горшок.
 Тунгусский человек этим копьём
 Нацелился и вонзил его
 Под мышку абаасы;
 Конец копья
 Прошел через середину спины абаасы
 И сразу же вылез на три пальца.
 Абаасы громко завопил,
 Тотчас на спину упал.
 9320 Наш человек мигом уселся верхом на абаасы,
 Стал водить по хрящу гортани его
 Тупым коротким ножичком,
 Тут же убил-прикончил его,
 Превратил в брызги лунного света,
 В пыль солнечного света,
 В туман небесный.

Когда, [покончив с абаасы], глянул он в сторону помощника, тот давно уже скрылся.

Тяжело ступая, вперевалку зашагал [человек айыы] к дому.

Вдруг из дома послышались охи, вопли, рыдания: «Бый-аай!»

Быстрым шагом [богатырь] вошел в ворота, влетел в дом, думая: «Что за напасти могли опять приключиться?»

Люди сетовали, плакали,

Не имея сил, чтоб вздохнуть:

- «Хозяин! Хозяйка!
 9330 Среброгрудый наш жаворонок,
 Медногрудый птенчик наш – [Юрюнг Юёкэйдээн]
 Исчезла из чулана своего вместе с сеном [для постели]
 И настилом [спальной] лавки!
 Только три стены от чулана ее стоят,
 А [четвертая] – развороченная – [на земле] валяется!

Когда с плачем принесли кумыс в большом узорном кубке-айах с кистью из конской гривы, наш человек в горе не выпил даже и половины. Когда следом принесли еду-угощение и положили на бересту – он ни к чему даже не притронулся.

- «Вот, друзья мои, – говорит наш человек, –
 Нутро мое не принимает
 Чистую, благодатную пищу –
 [Так] велики досада и огорчения мои!
 9340 А ведь, как я [теперь] припоминаю,
 [Этот] тунгусский человек
 В дохе из пышной оленьей шкуры,
 С плетью из тальника
 Притворился другом-приятелем моим,
 Копьем насквозь пронзил
 Тимир Ньычыллаана-богатыря,
 Помог мне убить его.
 А когда я [хотел] еще раз взглянуть [на него] –
 Он исчез.
 9350 Похоже, это был тунгусский шаман
 Ардьамаан-Дьардьамаан²⁹⁶,
 Наверное, он и похитил!
 Где у него, окаянного, может быть логово?
 Как разыскать его?
 Придется мне его
 Преследовать по старым его следам,
 Выслеживать по свежим его следам.
 Прощайте навсегда!»

XXIV

- 9360 Сказал так человек
 И выскочил из дома.
 Подошел к главному столбу коновязи,
 Отвязал своего молодого коня
 И встал в раздумье:
 «В какую же сторону направиться?»
 В это время прямо с северной стороны
 Задул-загудел
 Очень сильный ветер,
 Пронеслись стремительно девять облаков
 С дождем и снегом,
 9370 Загремели девять разящих громов,
 Пали с грохотом льдины-градины
 Величиною с голову теленка,
 Засверкали огненные молнии,

Как разворошенный костер,
 С воем низриннулись
 Белые и черные вихри.
 Вслед за ними вылезло
 Вызванное силой заклинания
 Особое облако,
 9380 На которое садятся шаманы,
 Показалось сияющее лицо женщины-шаманки;
 Непрестанно ударяя в бубен,
 Пронеслась она мимо,
 Прямо в сторону южного [неба].
 А следом за нею
 [Показался] богатырь Босхонголлой Мюльгюн,
 Сидящий верхом на тяжелом черном облаке.
 Наш человек, глядя вверх на старшего брата своего, стал говорить:

«Мо-о, хор-хор!
 9390 Господин мой, брат мой старший!
 Суставы имея, преклоняю колени.
 Прими заветные слова мои,
 Внемли серебряным словам моим!
 Когда подошло время
 Взять мне жену свою –
 Ее похитил и увел,
 Пока я убивал двух атаманов абаасы,
 Тунгусский шаман Ардымаан-Дьардымаан.
 Где его, окаянного, логово?
 9400 Дай мне совет [столь же] мудрый,
 Как советы ста человек,
 Пожелай благополучия,
 Какого могут пожелать сто человек.
 Ой, буйакам!»

Тут облако словно бы остановилось, раздался голос старшего брата: «Э-э, если увел Ардымаан-Дьардымаан – у него, окаянного, длинное логово далеко, он имеет обширное пристанище. Победить его, осилить, отобрать жену ты сам никак не сможешь. Лучше поспеши в страну-землю свою. В будущем, если доведется мне вернуться, я разыщу его. Встретил я достойного противника, вот и приходится [теперь] странствовать. Прощай надолго!»

При последних словах старшего брата облако с шумом помчалось дальше. Той-он Нюргун подумал: «Ну, не такой я человек, чтобы вернуться вот так, [ни с чем]». – Ловко вскочил он на коня, пустил его рысью, повернув в юго-восточную сторону.

Пускал [коня]
 То быстро, рысью, то [тихо, хлынью],
 Много ли ехал – не знал,
 Мало ли ехал – не заметил;
 Должно быть, заехал-спустился
 Под мышки дальней страны,
 9410 Видать, попал за пазуху, далекой страны.
 Ехал он так, оглядываясь, и [вдруг] увидел:
 Впереди широко раскинулось незамерзающее море,
 Затуманенное, распавшееся на девять заливов;

- Доехал до западной стороны этого моря
 И понесся в объезд кругом.
 Так скакал он,
 Ехал сколько-то, [потом] сказал:
 «Собака же я!
 9420 Пустил коня галопом,
 Чтобы найти край
 Этого незамерзающего моря,
 А когда [его] найдепгь?» –
 Натянул поводья и спешился.
 Стянул седло,
 Снял узду и поводья,
 Кинул их на седло,
 Стреножил коня обротью и пустил его на волю.
 А сам вслед за тем
 Тотчас упал ничком,
 9430 Перекувырнулся-покатался,
 Превратился в сильную
 Небесную птицу-сокола
 И, со свистом взлетев ввысь,
 Быстро [очутился] на другой стороне
 Незамерзающего моря.
 Перелетел он море,
 Опустился на высокий берег
 На другой его стороне
 И уселся высоко на холме.
 9440 Оказывается, это голая каменная страна
 С горными хребтами
 Из красного песка и камня –
 От одного ее края
 И до другого края.
 Упал он ничком, перекувырнулся-покатался,
 [Принял свой обычный вид],
 Оперся на пальму свою,
 Повернув ее острием вниз,
 И направился, ступая тяжело, вперевалку,
 9450 На юго-восток.
 Шел, шел, шел,
 Потом опомнился, огляделся –
 Перед ним, оказывается,
 Взметнулось вверх от самой вершины
 Холма с девятью полосками
 Железное дуб-дерево
 С девятью ветвями²⁹⁷.
 Человек сказал про себя: «Алаатыгар!
 Наверное, в этой стране
 9460 Я не смогу найти [другое] дерево,
 [Чтоб укрыться] в его тени» –
 И быстро зашагал к дереву.

- Подошел к подножию этого железного дуба,
 Зашел в тень его
 И улегся,
 Пихнув под голову шапку и рукавицы.
 Как [всякий] усталый человек,
 Подремывать стал.
 [Вдруг почудилось]-показалось ему:
- 9470 Спустился с гулкого
 Обширного неба
 И с пением, с трелями
 Уселся на широкую грудь его
 Говорящий жаворонок-самец.
 «Чычылгыммын! Тырып-тарып!
 Чы-ып, ча-ап ^{298!}
 Эх ты, Тойон Нюргун-богатырь,
 Не нашел себе [подходящего] места-пристанища,
 [Пригодных для отдыха] деревьев-трав!
- 9480 Улегся, оказывается,
 На вершине такого холма!
 Под таким деревом
 [Лег] спать!
 [А ведь] это гора, которую,
 Камлая, раскалывает Алтай Дьяарын-шаман
 И выходит из Нижнего мира.
 Это – холм, на который из верхней страны
 С камланием спускается вниз головой
 Тюнгкюнээн-шаман,
- 9490 Имеющий окна и дымоход ²⁹⁹.
 Это – холм, к которому с камланием
 Прискакивает и насквозь проходит его
 Тунгусский шаман
 Ардыамаан-Дьярдыамаан.
 Это – место, где знаменитые шаманы трех племен,
 Как только сойдутся – дерутся,
 Начинают охотиться друг за другом:
 Норвят у противника то руки отхватить,
 То ноги оторвать.
- 9500 Увесистыми тумачами обмениваются, навлекая беду.
 Это – место, где с чмоканием высасывают
 И пожирают сюр-кут людей с рассыпающейся землей-душой.
 Вставай, убирайся отсюда скорее!
 Если спросишь:
 «Кто ты такой – прилетел и гонишь меня?» –
 Я Айыысыттай-старик,
 Иэйэхсит – рано просыпающихся людей,
 Айыысыт – поздно [лежащихся] людей ³⁰⁰,
 Владею конем [по кличке] Табунный Жеребец.
- 9510 У тунгусского шамана
 Восемь берлог, логово в девяти местах –

Там тебе не отыскать, [оттуда] не увести жену свою.
Кровь и плоть свои не утруждай,
Кости и кожу свои не мучь!
Лучше постарайся [вернуться] в страну-землю свою!
Чарып-тарып! Прощай навеки!»

Человек тут проснулся, подумал: « Попрошу его указать дорогу к Ардымаану-Дьардымаану», но птички уж нигде не было.

«Уот-татай! То ли во сне я увидел [птичку], то ли это еще что было? Как бы то ни было – на плохом, [нечистом] месте, видно, спал я. Надо, пожалуй, убираться отсюда!» – сказал и вскочил на ноги: оказывается, к востоку от дерева возвышается лесистая гора. Тяжело ступая, он отправился в ту сторону.

- Когда подошел он [ближе]
К лесистой горе, [увидел]:
Поднимается, как загривок лошади,
9520 Отдельная гора.
Зашагал вразвалку,
Стал подниматься на ту гору;
Когда он вразвалку поднимался на гору, увидел:
На самой вершине ее
Стоит-гремит,
[Устремилось] ввысь железное жертвенное дерево
О пяти ветвях³⁰¹.
Как только наш человек, Тойон Нюргун-богатырь,
Увидел его,
9530 Тотчас упал ничком,
Трижды перекувырнулся-покатался,
Мигом превратился в сутого тунгусского человека
И побежал к железному жертвенному дереву.
А на нем, оказывается, подвешена
Голова жертвенного бурого медведя
С белой полосой на морде.
[Наш человек] схватил эту [голову],
Уселся на нее верхом и стал сучком, в трех местах
изогнувшимся,
Постукивать по ней: «дор-дор»³⁰².
9540 Сидит так, [такие] слова говорит:
«Осуллаата! Уйлаа-хайлаа, [крикливая] песня-тойук моя!
Уруй-битик! [Призывные] речи мои!
Пришло мне время сгинуть-умереть!
Едет [сюда] средней Сибири богатырь,
Тойон Нюргун-богатырь.
Забрось меня скорее домой,
Чтобы нашел я и выпил
Живую воду, воскрешающую мертвых,
[Чтоб] мог встретить его сильным и крепким!
9550 Осуллаата!»
Вслед за этим
Сразу же загудело
В ушах человека,

Сразу же во тьму
Провалился он,
Перестав сознавать,
Откуда пришел
И куда направлялся.
Долго ли,
9560 Мало ли
Продолжалось это,
Только когда он опомнился,
Оказалось: лежит он возле дверей
Ровдужной урасы.

Подумал [человек]: «Смотри-ка, вот беда, тунгусский шаман может узнать о [моем] прибытии!» – Упал ничком, трижды перекувырнулся-покатался – превратился сразу в остромордую каменную мышь и прошмыгнул в ровдужную урасу.

Из глубины логова, эхом отдаваясь, послышался голос тунгусского человека:

«Осуллаата! Улаатыгар! [Досада какая]!
Средней страны богатырь,
Тойон Нюргун-богатырь,
Вошел, видать, в логово
Такого человека, как я.
9570 Ну и бывают же люди айыы –
С уловками, что убегающие облака!
Если бы и убить
Этого окаянного Тойон Нюргуна,
Заставить его упасть вниз лицом,
Так ведь, к несчастью [моему],
Убитый без возмездия не останется.
Когда придет день мщения,
Многие беды-напасти, должно быть, навлеку на себя!
Босхонголлой Мюльгюн удалой
9580 С девяностопудовой [палицей]-тростью
Из дуба,
С семидесятипудовым посохом
Из жимолости –
[Этот] человек,
Подобно звездам,
Видит [все], что происходит на земле и в [разных] странах;
Как сквозь сито,
Видит все, что происходит в Сибири!
Вот он-то и повергнет меня ниц,
9590 Не даст передвинуться
И на длину ступни!
[Нет]! Свое дыхание дороже чужого дыхания³⁰³!
Лучше уж пусть схватит меня
Там, где догонит.
Усуллаата!» – разнесся эхом и затерялся его голос.
Наш человек
Трижды перекувырнулся-покатался
И стал таким же, как прежде.

9600 Вошел в логово тунгусского шамана,
Постарался заглянуть во все уголки-недра его,
Но тунгуса нигде не оказалось,
Он исчез.

[Наш человек] выскочил из урасы и нетерпеливо воскликнул: «Где же может быть эта медвежья голова?!» – Обошел кругом, поглядывая то в одну, то в другую сторону, – медвежья голова [бесследно] исчезла.

От урасы уходила вниз
Проторенная дорога
С какими-то [зарубками] на деревьях,
Знаками «елкой».

[Наш] человек вприпрыжку побежал по ней, думая: «Это ведь, должно быть, тоже дорога, которая ведет к какому-нибудь логову!»

Дошел до восьмиугольного
Железно-чугунного амбара
И остановился.

9610 Обошел вокруг, [смотрит]:
Снаружи висит
Железный замок-запор,
Оправленный медью,
Величиною с лошадиную голову.
Человек просунул
[В дужку] средний палец,
Оттянул [замок] вниз
И [вошел] в амбар.

А внутри, оказывается,
9620 Поблескивает дверь
С еще большим замком.
Снова засунул средний палец,
Оттянул замок вниз и вошел.
А там [на двери]
Еще больше замок
Висит-качается.
Открыл и его,
Вошел в третье помещение.

Вошел туда и видит:
9630 Там, оказывается,
Стоит-поблескивает
Медное ведро [с водой],
Стоит-искрится
Серебряное ведро [с водой].
Оба [ведра] большие,
Но из серебряного, оказывается,
Чутьочку отпито.

[Наш человек] сначала
Подбежал к медному ведру
9640 И сунул [в воду] указательный палец –
Отвалился палец до самого основания.
Тогда он сунул [искалеченную руку]

- В воду, что была в серебряном ведре, –
 Мигом палец-[прирос],
 Стал, как прежде.
 [Человек] сразу же уселся
 И с бульканьем выпил воду
 Из серебряного ведра,
 А что осталось –
- 9650 Вылил на себя.
 Так что ни одной капли не осталось.
 После этого принес воду,
 [Что была] в медном ведре,
 Опрокинул [его] в серебряное ведре,
 Так, чтобы вода
 Чуть до края не доходила,
 Затем шумно помочился
 В медное ведро,
 Наполнив его до краев.
- 9660 После этого закрыл замки,
 Сжимая дужки руками,
 Приладил их по своим местам –
 Человек-то стал в десять раз
 Крепче и сильнее,
 Дородней и мощнее.
 Тяжело ступая, вразвалочку
 Зашагал обратно
 По дороге с зарубками.
 Так вернулся в урасу.
- 9670 Там он долго,
 На протяжении нескольких месяцев.
 Поджидал тунгусского шамана,
 Скрываясь, принимая разное [обличье].
 Безуспешно ждал.
 Однажды вышел он из урасы и,
 Приняв свой обычный вид,
 Опечаленный уселся, набычившись.
- XXV**
- 9680 Как-то раз утром, когда сидел в нерешительности, думая:
 «Где же мне найти
 Этого проклятого шамана?» –
 Прямо с западной стороны
 Пovyскакивали девять громадных
 Грозовых туч с дождем и снегом;
 С раскатистым грохотом
 С окраин девятого неба
 Появились девять разящих громов.
 Загудел низвергающийся огонь
 Величиною с половину молодой лиственницы,
 Подобный огню разворошенного костра;
- 9690 [Засверкали], низринулись молнии

- Величиною с толстую лиственницу,
 Загрохотали льдины-градины
 Величиною с голову годовалого теленка,
 Завыли девять туманных вихрей,
 [Заревели] восемь бушующих вихрей,
 Засвистели семь сильнейших гневных вихрей.
 После того как они прошли,
 С той стороны, куда они низринулись,
 Из-за нижнего края вылезло
- 9700 Призванное силой заклинания
 Особое облако, на которое садятся шаманы.
 И вот послышались в отдалении звуки колотушки,
 Загудел бубен;
 Звонко разнесся голос женщины-шаманки.
 Быстро взглянул вверх
 Сидевший внизу человек:
 Самая прекрасная из всех виденных,
 Самая красивая из всех прославленных;
 С ослепительно белым сияющим лицом,
- 9710 Подобным девяти солнцам, соединившимся в одно,
 Молодая женщина пролетает над ним,
 Заглядывает вниз, смотрит на него и говорит:
 «Айхал! Айхал! Ойлоот!
 Кюёгэйэ-доммун!
 Уруй, айхал!
 Тойон Нюргун-богатырь,
 Владеющий конем по кличке Тойомсук Турагас,
 Похожим на глыбу,
 Отломившуюся от горы, –
- 9720 Дядя мой, прими привет!
 Если спросишь: «Кто такая пришла?» –
 Я – дочь Ытык Суйуллаа-богатыря
 И Кюн Туналы,
 Зовусь дева Айыы Айбангса-шаманка
 С косою в восемь маховых саженей.
 Бабушка моя, Кюн Толомон Нюргустай-шаманка,
 Меня, косноязычную, наделила речью,
 Меня, робкую, обучала-пестовала –
 Упершись [ногой] в точеные из камня
- 9730 Четыре копыта свои, вышибла их³⁰⁴,
 Отдала мне бубен, колотушку,
 Камлальные подвески свои,
 Сделала меня отменной шаманкой,
 Самой искусной из имеющих подвески,
 Самой [зоркой] из ясновидящих;
 Послала меня и наказала:
 «Иди к дядьям, может быть, умерли они –
 Спаси их белое дыхание;
 Может, они скончались –

- 9740 Удлини их черное дыхание». Побывала я у старшего дяди своего, Босхонголлой Мюльгюна. Прекрасная дева-богатырка, Кыыс Нюргун-шаманка Пристегнула его к огненному хвосту своему С колокольчиком [на конце], Приворожила его, Заставила его истреблять атаманов абаасы С дыханием, как густой туман;
- 9750 Увязалась за владеющим темношерстным быком Тимир Уосуйа-богатырем, Проживающим на боковой стороне Далекой окраины северного неба, – Заставила дядю нашего убить этого [абаасы]; Добралась до заклятых расщелин южного неба, Увязалась за сыном южного неба – Сон Соролун-богатырем – И тоже заставила убить его; Теперь они вместе [с дядей] носятся по углам Сибири.
- 9760 Старший брат твой послал меня к тебе, Сказал: «Тунгусский шаман По имени Ардьамаан-Дьардьамаан Отнял у дяди твоего, Тойон Нюргуна, жену; В глубоком огорчении, В большой досаде он пребывает. Посмотри, не угодил ли он в пасть шаману, Преследуя его, Отправляйся, вызволи [дядю]!» Ты пока посиди здесь,
- 9770 Не сходи с места, А я отправлюсь, Попытаюсь выследить-обнаружить Предопределенную богами хозяйку-жену твою. Не знаю, где найду, [С помощью] каких уловок Смогу перехитрить-осилить [тунгусского шамана] И вызволить старшую тетю свою?! Прощай надолго! Уруй, айхал!»

Наш человек остался. Он сказал: «Ну вот, сереброгрудый жаворонок мой! Брат мой, значит, уже успел обзавестись ребенком. Дитя мое! Во имя неумирающей судьбы, необрывающегося счастья – догони, настигни, приведи ее! А мне куда же деваться? Буду лежать здесь!»

- 9780 Женщина стремительно умчалась, Направив облако свое Прямо на юг, – Не такая она шаманка, Чтобы мешкать!

- Как только показалась
 Верхушка ровдужной урасы,
 Она надвое рассекла
 Краем колотушки свое облако,
 Стоя, плавно покачиваясь, опустилась на землю
 9790 И напрямик пошла – видно, узнала,
 Что тунгусский человек куда-то ушел, –
 Широко распахнула двери,
 Стремительно вошла
 В ровдужную урасу.
 Вошла и видит:
 Тетя ее, оказывается,
 Расселась-развалилась
 На правой стороне,
 Напротив дверей.
 9800 Молодая девушка
 Подошла к тете своей,
 Тыльной стороной ладони
 Ударила ее по щеке.
 Тетя превратилась
 В золотое кольцо,
 [Которое] звякнуло об пол,
 Девушка схватила его,
 Надела на свой безымянный палец.
 После этого
 9810 Трижды перекувырнулась-покаталась
 И превратилась в Юрюнг Юёкэйдээн.
 Затем
 С помощью заклинания
 Мгновенно пробила [отверстие в]
 Бездонную ледяную пропасть,
 С силой бросила
 В эту пропасть
 Железную пику свою
 Длиною в девять сажений.
 9820 Пика упала,
 Вонзившись острием вверх.
 [Девушка] наскоро прикрыла
 Сеном и щепой [отверстие в] пропасть,
 Пристроила над нею лавку
 И уселась на нее.

Так она сидела. Вдруг распахнулись двери ровдужной урасы – и влетел тунгусский человек.

- «Алаатыгар, дружок!
 Вот сидит пташечка моя,
 Среброгрудый жаворонок мой,
 Восходящее солнце мое!
 9830 Распушившийся птенчик мой,
 Светлое небо мое!

Дружочек мой!
[Чую], приблизилось
Дыхание женщины-шаманки,
Понесло духом-запахом ее!»

Женщина сказала: «Что ты, окаянный, с лицом, как подошва! Ну какая там шаманка придет? Теперь [мы живем так, что] никто нас не выследит, не найдет. Куда теперь убегу я, разнесчастная? Не бойся! Не волнуйся! Отправляйся на охоту и возвращайся с добычей!»

Оказывается, тунгусский человек и наивным может быть. Говорит он: «Ладно, дорогая моя! Верно ты говоришь!» И вышел из урасы. Но тут же, запыхавшись, влетел обратно. Стал мучать-донимать женщину, не давая ей слово сказать, опомниться: «Девка! Слушай-ка! Вот понесло, понесло же духом шаманки! Слово надвигается гибель-несчастье. А ну, девка, скинем скорее одежду, соединим пахучие тела наши, чтоб я мог разрядить пыл свой...».

Женщина сказала: «Окаянный, с лицом, что подошва! Куда же я убегу теперь? Ну, ладно, иди сюда!» – [она] расстегнула и сбросила с себя всю одежду, какая была на ней, легла, обнаженная, над обледенелой бездной, [но не к стенке] – со стороны чувала.

Тунгусский человек обрадовался, быстро сбросил с себя одежду, сказал: «Ну наконец-то и мне довелось по-человечески...» – лезет к женщине, целует, нюхает ее... В этот миг женщина завопила, увернулась и столкнула его на пику. Тунгусский человек, перевертываясь то [вверх] головой, то [вверх] ногами, полетел вниз, в ледяную пропасть, и напоролся на ту железную пику, как гальян [на рожон].

Когда женщина, быстро одевшись, [подумала]: «Должно быть, он получил свое!» – и собралась было уходить, послышался голос тунгусского человека – не из тех он, чтобы так скоро сгинуть, умереть. Истошно завопил он: «Ой, ой, жжет-печет!» Поднялся он девятью черными огненными вихрями и, крутясь, вертясь, понесся в круговороте прямо на север.

«Этот сын гибели, оказывается, еще не умер, – подумала женщина, – ну и крепка же его белая станова явила! Он, видно, решил излечиться живой водой своей. Но ведь дядя мой находится так близко [от воды] – неужели он не нашел ее и не выпил? [Если уже выпил], вот тогда [этот проклятый] получит по заслугам!» – так решила женщина, села и стала ждать.

Недолго отсутствовал [тунгусский человек]. Непонятное что-то горланя, немислимое что-то напевая, невиданно жестокие бури обрушивая, прилетел, широко распахнул двери урасы своей. Его лицо и глаза распухли, вот-вот лопнут, – [ввалился] в урасу. И стал так говорить: «[Что натворила], белесая тварь, продувная бестия! Ой, сердце жжет! Ой, печень рвет! В час гибели вкус пищи изменяется, оказывается! Даже живая вода перестает исцелять!» – Стал он задыхаться. Тут женщина подлетела, ударила его по уху – и человек, и без того едва живой, рассыпался в прах, как песок.

XXVI Убив-уничтожив абаасы, женщина приняла свой прежний вид, силой заклипания призвала особое облако свое, села на него и с шумом понеслась в ту сторону, где оставила своего дядю. Вскоре прилетела она к этому дяде. А он в ожидании гуляет, оказывается, ходит взад и вперед, заложив руки за спину.

Женщина-шаманка, пролетая над гуляющим человеком, глянула вниз, сказала:

«Мо-о, хор-хор!
О почтенный дядя мой,

- Тойон Нюргун-богатырь!
Я разыскала и доставила
- 9840 Настоящую, предназначенную тебе хозяйку-жену.
Заполучила ее с помощью уловок своих,
Что убегающие облака.
Он, окаянный,
Был, оказывается, с неразрываемой белой становой жилой ^{30 5},
С дыханием, которое не прерывается.
Оказывается, если б ты и пришел к нему,
То и в драке не смог бы победить его,
И в рубке не осилил бы,
И выслеживая, не нашел бы логово его.
- 9850 Тот мой дядя, [Мюльгюн-богатырь], верно сказал:
«Это человек, которого брат не победит.
Вот если бы ты отправилась вместо него,
Может быть, что-нибудь и сделала б с ним!» –
И он послал меня.
Ну вот, привезла я
Предназначенную тебе хозяйку-жену,
Обратив ее в золотое кольцо.
Ты надень его на палец
И [не снимай, пока не приедешь] в землю-страну свою –
- 9860 Как бы по дороге ее опять не захватили!
Только когда доедешь до своей страны,
На восточной ее окраине
Трижды поведи [кольцом] по ходу солнца,
Высоко подбрось его и скажи:
«Юрюнг Юёкэйдээн, стань сама собой!» –
Она станет сама собой.
Ну вот, счастливо тебе доехать,
Избежав в пути
Бед и несчастий!
- 9870 А я отправлюсь, чтоб дядю и тетю
Разыскать по их старым следам,
Выследить по их свежим следам.
Прощай надолго!
Ой, буйакам!»
- Сказала так и, высоко взметнув, бросила золотое кольцо человеку, смотрящему вверх. Она бросила его, а тот человек поймал в ладонь, поднял руку вверх и надел [кольцо] на безымянный палец левой руки.
И сказал Тойон Нюргун-богатырь:
«Среброгрудый жаворонок мой!
Медногрудый птенчик мой!
Прими благодарность;
Счастливого пути! Догоните убежавшую от вас!
- 9880 Возвращайтесь благополучно!
Прощай надолго!»
Едва только он проговорил это,
Как особое облако направилось

- Прямо на восток
 И с шумом полетело [дальше].
 Мужчина тотчас же упал ничком,
 Трижды перекувырнулся-покатался,
 Превратился в сильную
 Небесную птицу-сокола
- 9890 И с шумом полетел
 Прямо на запад.
 Долго ли летел он,
 Мало ли летел –
 Никто этого не знает,
 Никто не представляет.
 Прилетел он к тому месту,
 Где оставил коня своего;
 Поймал его, оседлал-обрядил,
 Уселся верхом
- 9900 И поехал, погоняя рысью.
 Оказывается, далеко заехал он –
 В дальний край залетел,
 Оказывается, забрался он
 За пазуху очень далекой страны,
 Оказывается, проник он
 На окраину очень отдаленной страны.
 От долгой-долгой езды рысью
 И у коня, и у седока
 Силы истощились,
- 9910 Сухожилия на ногах стерлись.
 [Каждую] из многих осеней
 н по снежной пороше примечал,
 Зимы – по инею примечал,
 Весны – по лужам примечал,
 Лето – по дождям примечал.
 Приехал [наш человек] наконец
 На восточную окраину
 Вскормившей его матери-земли,
 Еле-еле живой, в половину тела истаял.
 Приехал человек, быстро спешился с коня и сказал:
- 9920 «Какая радость!
 Ведь довез меня
 До страны моей
 Этот молодой конь
 На высокой спине своей!»
 {Притянул коня за голову},
 Понюхал-поцеловал его в обе ноздри
 Несколько раз.
 После этого
- 9930 Снял с пальца золотое кольцо,
 Трижды повел им по ходу солнца и сказал:
 «Юрюнг Юёкэйдээн,

- Стань сама собой!»
 Подбросил [кольцо] вверх,
 Высоко его взметнул.
 Кольцо, обратно возвращаясь,
 Стало на землю падать
 И, упав, превратилось
 В женщину замечательной красоты.
 Тогда человек
- 9940 Сел на коня своего,
 Сзади посадил женщину,
 Пустил коня в галоп,
 Заставил его бежать крупной рысью,
 Подъехал к просторному и широкому
 Белому гнезду своему.
 Приехал он и увидел:
 [Там, где была] одна семья,
 Давно уже две семьи стало,
 Вместо одного дома
- 9950 Давно уже два дома [стояло];
 От людей люди размножились,
 От народа народ приумножился;
 То, что [чернело и] показалось ему черным ерником,
 Оказалось скоплением войска-народа,
 То, [что зеленело и] показалось ему зеленым ерником,
 Оказалось бесчисленным войском-народом.
 Оказывается, люди
 Неслыханно разбогатели,
 Живут-поживают в большой сытости.
- 9960 Мать [Тойон Нюргуна-богатыря] не такая старуха,
 Чтоб не знать, не ведать о приезде детей:
 За много суток вперед
 Выставила она людей своих
 Поджидать их.
 Люди встретили приехавших,
 Раскрыли ворота, приняли поводья коней,
 Дома положили подстилки.
 Радуюсь и ликуя,
 По случаю приезда этих гостей
- 9970 Затеяли игры, веселье,
 Заставили девять голосистых олонхосутов
 Сказывать олонхо,
 Восемь громкоголосых певцов
 Песни распевать заставили.
 И вот во время игр и забав,
 Когда день начал
 Ко [второй] половине клониться,
 С восточной стороны
 Подул страшный ветер,
- 9980 Молодые лиственницы начали переламываться [пополам]

- Толстые лиственницы стали надламываться посредине,
 Стройные крепкие лиственницы,
 Расщепляясь, становились [похожими] на спинные сухожилия.
 Вслед за этим ветром выскочило
 И с ревом, бушуя, взвилось
 Чернопламенное облако,
 Подобное [взъерошенным] перьям на шеях девяти воронов;
 Снег, с грязью смешанный,
 Выпал по самые рога молодой коровы,
 9990 Покрывл землю на далекое расстояние.
 Когда черные крутящиеся вихри –
 Каждый с урасу семи зажиточных семей –
 [Смели] все, что ни встречалось [на пути],
 Скрутили все, словно бересту,
 Свернувшуюся [от жара огня],
 Верхние парни поднялись вверх,
 Нижние парни провалились вниз.
 Земляные горы стали проваливаться посередине.
 Каменные горы стали разлетаться,
 10000 Расколотые от самых вершин [до подошвы].
 Белошерстных [лошадей] с шумом поднимали [вихри],
 Разбросали-раскидали их повсюду,
 Как рукавицы из лосиной кожи;
 Черношерстный [скот], подняв вверх,
 Бросали на каменные горы,
 Разметали, словно колпаки женщин-прислужниц,
 По пригоркам раскидали.
 Слуг – парней и девушек,
 Не успевших ухватиться за что-нибудь, [чтоб удержаться],
 10010 [Эти-вихри] подняли, как берестяные кузовки,
 И по разным землям и странам [разбросали],
 Прижали там и сям к деревьям и травам.
 Кое-как уцепившись за травы и деревья,
 Так они там и остались.
 Для того чтоб заткнуть
 Хоть какой-то одеждой окна
 С выбитыми стеклами из драгоценной слюды,
 Не хватало людей, оставшихся в домах.
 Когда молодые, знаменитые силачи выходили
 10020 Во двор, где по разным углам
 Раскидало, расшвыряло
 Все, какие только были, предметы и вещи,
 И пытались сгрести [вещи], камнями придавить,
 Думая: «Веревками привяжем»,
 Ветер их самих опрокидывал;
 Те, кому сорвало кожу с лица,
 Лежали с ободраным лицом,
 Те, кому руки-ноги вывихнуло,
 Лежали с вывихнутыми руками и ногами –
 10030 И все стонали.

- Воду незамерзающего моря,
Ставшего отцом девяти рек,
[Ветер], крутя, поднял вверх,
Словно длинную белую жердь,
Часть на месте разлив,
Часть разбрызгав,
По высоким берегам разлил,
По ложбинкам и логам, –
Получились отдельные озерца.
- 10040 Как только пронеслись эти губительные вихри,
С окраин девяти небес выплыли
И ввысь простерлись
Девять облаков с дождем и снегом.
Грянули девять раскатистых громов,
Перед которыми не устоит – дрогнет суставами
Даже почтенный господин;
Ринулись вниз восемь разящих молний,
На которые прямо не взглянуть
Даже человеку с острым зрением;
- 10050 Зашипели пылающие огни,
Подобные пламени разворошенного костра
Величиною с половину молодой лиственницы;
Зачастили резвые бегающие огни
Величиною с половину толстой лиственницы;
Застучали льдины-градины
Величиною с голову трехтравного быка вместе с рогами.
Эти облака с громами и молниями,
С градинами и огнями дальше пронеслись.
Вслед за ними вылезли,
- 10060 Наседая друг на друга,
Два особых облака,
На которые садятся шаманы;
Громче стали звуки колотушек,
Загудели бубны,
Забренчали подвески.
Стали слышны голоса двух женщин-шаманок;
Эти громкие голоса далеко разносились,
Удаляясь вместе с облаками.
Тотчас следом за шаманками выскочило,
- 10070 Ввысь взвилось тяжелое черное облако
Величиною с половину елани.
Босхонголлой Мюльгюн-богатырь
С девяностопудовой [палицей]-тростью
Из дуба,
С семидесятипудовым посохом
Из жимолости
Посмотрел вниз,
Взглянул на людей страны своей
И удалился, умчался за шаманками.

10080 [Из-за] этих вихрей и ветра
В домах не осталось ни одного
Способного подать голос –
Оказывается, все вышли,
Стояли и вверх смотрели.

Когда пронеслись эти люди [на облаках], хозяйка-старуха, глядя им вслед, сказала: «Вот что натворили люди, способные натворить [такое], [вот что] сделали [люди], способные сделать [такое]. Две великие грозные шаманки и третий – сильнейший богатырь, которого и земля не выдерживает, – что перед ними устоит, чего они не разрушат, не погубят на своем разорительном пути?! Поглядите-ка, эта прекрасная дева-богатырка Кыыс Нюргун-шаманка, которой не дают покоя ее пакости и проказы, – это она нарочно привела их сюда; сколько разрушили и разорили они [в нашей стране]! Погоди, однако, и тебе придет конец! Мои дети, если все будет благополучно, найдут на тебя управу! Парни! Отправляйтесь-ка, обойдите, осмотрите скот, соберите вещи, [прикиньте], сколько негодная загубила и уничтожила».

Парни – работники и табунчики, девки-коровницы разбежались осматривать вещи и скот. Ну вот, так эти люди и стали чинить поломанное, спасать гибнущее.

XXVII А те люди [на своих особых облаках]

С гулом пролетали, с шумом проезжали,
Странствовали,
Разрушая-разоряя земли и страны.
Продолжая странствовать,

10090 Наседая друг на друга, плавно снижаясь,
Прилетели они к незамерзающему морю с девятью заливами,
Вихрем кружась, стали спускаться.
Сидевшая на переднем облаке
Кыыс Нюргун-шаманка
Перелетела на другой берег этого моря,
Краем колотушки надвое рассекла облако свое
И стоймя ринулась вниз.

Трижды перекувырнулась-покаталась,
Превратилась в гибельную таймень-рыбу³⁰⁶
10100 Со спинными позвонками, торчащими вверх,
С жабрами, растущими в обратную сторону,
И юркнула в незамерзающее море.
Следом за нею дева Айыы Айбапгса-шаманка
Тоже рассекла надвое свое облако,
Стоя ринулась вниз, спустилась на землю,
Трижды перекувырнулась-покаталась,
Превратилась в пеструю лунха-рыбу³⁰⁷

Со спинными позвонками, торчащими вверх,
С жабрами, растущими в обратную сторону,
10110 Со ртом, уголки которого – словно крылья невода;
Вытянулась длинным телом своим –
И нырнула в воду за той [таймень]-рыбою.
Расплескали они незамерзающее море
С девятью заливами,
Взбаламутили воду до самого дна.

- В погоне [лунха]-рыба
Обшаривала кругами дно незамерзающего моря,
Во все стороны ныряла,
Думала: «Проглотить бы ту шаманку,
10120 Которая обратилась в рыбу».
Всю рыбу из того моря
Поела-проглотила – ни одной не оставила,
Воду обратно выпускала,
Словно вода ключом была.
После того как управилась с морской водой
И покончила с рыбами, подумала:
«Ну теперь, кажется, я смогу найти ее».
А таймень-рыба вылезла на берег
И распласталась на нем.
- 10130 Пестрая лунха-рыба
Тоже следом вылезла,
Вся раздулась.
Та таймень-рыба
Трижды перекувырнулась-покаталась,
Превратилась в сверкающего
Белого журавля,
Заблестала, вверх улетая,
В сторону гулкого [обширного] неба.
Пестрая лунха-рыба
- 10140 Трижды выдохнула из своего нутра –
И стало ее так рвать,
Что разлилось море бескрайнее.
Все выплеснула, ни одной рыбы не оставила,
Трижды перекувырнулась-покаталась,
Стала самой собою,
Поднялась на сухой белый пригорок
И разлеглась, отдыхая.
А та, улетевшая вверх, шаманка
Сразу же уселась на особое облако,
- 10150 На которое садятся шаманы,
Приняла свой вид,
Подлетела к лежащей [на пригорке] женщине,
Все поглядывала вниз,
Порываясь бросить в нее
Восьмигранную железную пику свою
Длиною в девять саженей,
Да не осмеливалась, не решалась,
Лишь замахивалась,
Но не бросала.
- 10160 Женщина, лежавшая внизу, спала,
Ее сияющее лицо
Сверкало так,
Словно три солнца отбрасывали лучи.
Женщина [на облаке]

Все порывалась бросить пику свою,
Замахивалась двое суток,
Да так и не бросила,
Все чего-то ждала.
Через двое суток на трети
10170 Прямо с восточной стороны
С шумом прилетело
Тяжелое черное облако
Величиною с половину елани.

«Вот досада! Как это я, подумав: «Отдохну», крепко заснул и не догадался что здесь остановилась эта бестия с уловками, что убегающие облака!» – говорил, зычно кричал Босхонголлой Мюльгюн-богатыр.

Так приговаривая,
Прилетел он
И врезался своим тяжелым черным облаком
В то особое облако,
На котором сидела шаманка, –
И половину его оторвал.
10180 Женщина-шаманка громко завопила,
Силой заклинания [сделала прежним]
Поврежденное облако свое
И полетела, спускаясь,
В сторону окраины северного неба.

Спавшая женщина
От шума и грома проснулась,
Вскочила на ноги,
Тотчас уселась
На свое особое облако
10190 И следом понеслась, их догоняя.
Так неслись-летели они,
А в это время прямо с восточной стороны
Выползло, оказывается, медленно опускаясь,
Ярко-багровое особое облако,
На которое садятся шаманы.
Наша шаманка
Увидела это – задержалась,
Назад подалась, поджидая.
Когда она

10200 Сидела так в ожидании,
Облако, летящее
С восточной стороны,
Налетело на остановившееся облако.
Оказывается, на багровом облаке
Сидит [его] хозяйка,
Кыыкыллаан-шаманка.
Глядя на [хозяйку багрового облака],
Наша шаманка сказала:
«Ма-а-ыа, хор, хор!

10210 Хозяйка багрового облака,

- Кыыкыллаан-шаманка, сватья моя,
 Приветствую [тебя]!
 Если спросишь:
 «Кто ты такая, странница?» –
 Я – дочь Ытык Суйуллаа-богатыря,
 Среднего сына
 Строптивного Кулун Куллуштуура,
 Дева Айыы Айбангса-шаманка
 С косой в восемь маховых сажений.
- 10220 Твоя дочь, прекрасная дева-богатырка
 Кыыс Нюргун-шаманка,
 Не влюбила моего дядю,
 Побрезговала таким человеком, как Босхонголлой
 Мюльгюн-богатырь,
 Из-за нее сколько мук перенесли,
 Сколько сил потратили.
 Ну, сватья почтенная,
 Дай нам совет,
 Равный советам ста людей,
 Надели нас счастьем,
- 10230 Равным счастьем десяти людей!
 Тебе ли не знать норова
 И повадок дочери своей?
 Ой, буйакам!»
 Старуха-шаманка сказала:
 «Э-э, милая,
 Дитя мое!
 И малолетка же ты, видать,
 Странствуешь, [воюешь]!
 Разве дочь моя станет
- 10240 Отказывать таким людям,
 Как вы, миленькая моя?
 Просто ей покоя не дают
 Озорство ее, проказы.
 Вы, люди, испокон веков –
 Со времен дедов и бабушек –
 Обречены на муки и страдания
 При создании [семьи].
 Это унаследовано вами от предков.
 Нет, милая,
- 10250 Я, старуха,
 Не смогу дать вам совета,
 Не сумею оказать вам и помощи,
 Не знаю, я
 Обманов ее и хитростей.
 Она – с особенным характером дитя, [совсем] другого нрава.
 С малых лет от меня отделилась,
 Жила отдельно, своей жизнью.
 Ну вот, прощай надолго!

10260 Попытайтесь обуздать ее строптивость,
Смягчить ее необузданность –
Сделайте из нее
Хозяйку-жену!»
Наша женщина
Ни да, ни нет не ответила,
Умчалась прямо на запад,
Следом за своими людьми.
Лучшая из лучших,
Сильнейшая из сильных,
Она вскоре догнала тех людей.

[Богатырь Босхонголлой Мюльгюн], увидев, что подлетает племянница, сказал про себя: «Ладно уж, раз эти девушки спешат – пусть летят себе. А я и потихоньку вовремя успею». Пропустил вперед племянницу свою, а сам продолжал лететь не спеша.

10270 Женщины-шаманки
Рядом, бок о бок
Полетели впереди него – и скрылись.
А он медленно летел
Следом за ними.
Летел он так,
Степенно, чинно,
И вот увидел: впереди,
Там, где начинается проклятый
Проход Тимир-Чангкый,
10280 Две мать-зверя [души] шаманок
С длинными вытянутыми шеями
И сверкающими золотыми перьями
Начали, оказывается,
Биться-драться;
То вверх взлетали,
То вниз опускались,
Махали крыльями,
То за ноги [друг друга] хватали – охотились,
То норовили [друг друга] за крылья ухватить.
10290 Как только увидел это
Босхонголлой Мюльгюн,
Надвое рассек облако
[Палицей]-гростью дубовой,
Оперся на посох свой
И, грузно опустившись, уселся
Возле дерущихся женщин.
Если бы знал [наверняка]:
«[Вот] эта и есть
Прекрасная дева-богатырка Кыыс Нюргун!» –
10300 Он бы ударил ее [палицей]-гростью;
Но он не знал,
Которая – будущая жена его,
А которая – племянница,

- Потому только
 Сидел да смотрел со стороны.
 Целых тридцать суток
 Одного месяца
 Дрались-забавлялись они
 У начала того прохода,
 10310 Но за все это время
 Ни одна у другой
 Не выдернула и пера,
 Хотя бы с полпальца длиною.
 Ну вот, когда полностью
 Прошел один месяц,
 Обе они разом громко закричали,
 Крыльями замахали
 И ввысь улетели.
 Поднялись на два облака,
 10320 Которые остановились
 Над их головами,
 Сразу перекувырнулись-покатались
 И, став сами собою,
 Полетели рядом,
 Медленно снижаясь,
 Прямо в сторону севера.
 Наш человек оперся
 На девяностопудовую [палицу]-трость
 Из дуба,
 10330 Поднялся и тотчас уселся
 На тяжелое черное облако свое.
 Сделав это,
 Понесся он за шаманками.
 Сбоку, с далекой окраины
 Северного неба,
 Стали спускаться друг за другом
 Эти страшные люди.
 С шумом пролетели
 Над нечистым, гибельным морем,
 10340 Разносящим начала
 Девяти болезней.
 Перелетели его
 И добрались до мутного моря,
 В котором увязают даже пауки.
 Пролетели
 И над этим морем.
 Во время этого перелета
 Прекрасная дева-богатырка Кыыс Нюргун-шаманка
 10350 Всех опередила, [позади] оставила.
 Летя так, [вперед],
 Неожиданно обернулась огнем
 Длинною с половину кнута –
 И низринулась вниз.

- Спускаясь, она увидела:
Стоит [внизу], оказывается, сверкает
Поварня-сруб о восьми углах.
Женщина-шаманка
Опустилась во двор
- 10360 Перед поварней
И сразу же приняла свой обычный вид.
А в сенях, у дверей,
Стоит, оказывается, невиданный исполин,
Уродина-человечище;
Он словно бы раздумывал в удивлении:
«Это что за наваждение?
Что бы это такое могло упасть?»
Женщина подошла
К этому абаасы спереди,
- 10370 Скинула шапку свою из чистого золота,
[Украшенную] перьями в девяти местах,
Трижды поклонилась,
Голову склонив,
И стала говорить:
«Му-у-у-у! Хо-ор-хо-ор!
Дьэбэдийэ Суорун-богатырь,
Сын восьмиголового
Арсан Дуолая
И семиголовой старухи
- 10380 Тимир Сигидики,
Господин мой,
Предназначенный мне самец,
Верный муж мой,
Прими привет!
Если спросишь: «Кто такая пришла?» –
Пришла я – прекрасная дева-богатырка,
Кыыс Нюргун-шаманка,
Дочь хозяйки багрового облака
Кыыкыллаан-шаманки.
- 10390 Господин мой,
Спрячь меня в своем широком логове,
Скрой в своем узком логове.
Из-за того что [меня] донимать стал
Старший сын главного богатыря средней страны
Строптивного Кулун Куллустуура –
Черный вор Босхонголлой Мюльгюн,
Передвигающийся ползком на своем заду,
Который принуждает: «Женой моей ,будь!» –
Вот [из-за этого] и убегаю от него,
- 10400 Господин мой.
Его младшего брата дочь –
Дева Айыы Айбангса-шаманка
Вместе с ним преследует меня.

- Дружок мой!
 Против женщины должна [выстоять] я,
 Против мужчины должен [выстоять] ты,
 Вот тогда-то
 Мы и сможем одолеть их».
- Тут вышло из своих сеней
 10410 Отродье со [страшной] мордой-рожей,
 Жеребец-жеребчик:
 «Бай да, дугар!
 Белолицая, белесая дрянь!
 Бестолковая, подлая ты!
 Окаянная!
 Выплюнутые слюни твои
 Не успеют до земли дойти,
 [Как ты лезешь к другому]!
 Ты, по слухам, девка адьараев
- 10420 С бесконечными уловками,
 Что убегающие облака,
 Паскуда подлая...
 С проделками, что пролетающие облака!
 Богатырь, прозванный Босхонголлой Мюльгюн
 С девяностопудовой [палицей]-тростью
 Из дуба,
 С семидесятипудовым посохом
 Из жимолости –
 По слухам, прославленный,
- 10430 Сильный богатырь,
 Который знает все, что происходит в мире, –
 Как будто через сито – смотрит,
 Как звезда яркая – глядит.
 Разве твои, мерзавка, предки
 Ровня его предкам,
 Разве твое происхождение
 Сравнится с его происхождением?
 Разве ты не дочь
 Мерзкой потаскухи, –
- 10440 Ты... имеющая одну мать и пятьдесят отцов?
 Своя жизнь – дороже чужой!
 Не такой я человек,
 Чтобы дать им прервать дыхание свое.
 Убирайся скорее прочь. Ой, буйакам!
 Не показывайся черным глазам моим!
 Чтоб не слышали тебя плоские уши мои!»
 У женщины этой к лицу кровь [прилила],
 Стало оно как красное сукно,
 Затем помрачнело, гневно нахмурилось.
- 10450 «Ну, господин мой, –
 Сказала она, –
 Я – женщина, которая решила

- Не исчезать с глаз твоих,
 Не отходить от тебя ни на ступню!
 Умру у тебя на глазах!»!
 [В это время] дева Айыгы Айбангса-шаманка
 С шумом прибыла
 С гулкового обширного неба –
 Прямо над их головой [встала],
 10460 Краем колотушки
 Расколола надвое облако свое
 И, низринувшись тотчас вниз,
 Опустилась возле этих людей.
 Стала она [такие] слова [говорить]:
 «Му-у, у-у! Хор, хор!
 Прекрасная дева-богатырка,
 Кыыс Нюргун-шаманка!
 Что? Нашла человека,
 Который приглянулся глазам твоим,
 10470 Понравился сердцу твоему?
 Все еще продолжаешь повсюду таскаться
 С помощью неуловимых уловок своих,
 Что убегающие облака?!
 Мы усмирим дикость твою –
 Исполосуем поясницу твою,
 Разрисуем спину твою,
 Исхлестаем зад твой –
 Что хотела, то и получишь,
 На что напрашивалась, то и получишь!
 10480 Какой стыд! Какая мерзость!
 Покрыть себя
 Адьарая черной нечистью,
 Навлекая напасти бесовские на всех нас!
 А ну-ка! Это ты, что ли,
 Паршивец из леших, мерзавец из южных,
 Удерживаешь женщину,
 Считая ее «предназначенной» тебе?
 Толстую кожу твою раздерем,
 Темную кровь выпустим,
 10490 Крепкие кости сокрушим,
 Здоровое тело порубим, –
 Не вздумай насрать на нас
 Черную нечисть свою!
 Не вздумай покрыть нас
 Синей нечистью своей!
 Не становись нам поперек [дороги]!
 Отойди, прочь убирайся!
 Ой, буйакам!»
 Абаасы говорит:
 10500 «Посмотрите, какова
 Горечь слов этой белесой!

Сколько желчи в глотке
Этой подлой белокожей паскуды!
Прекрасная дева-богатырка,
Кыыс Нюргун-шаманка – моя!
С шести лет она была предназначена мне,
С трех лет была сговорена за меня.
Я – такой человек; ни за что не отдам
Предназначенную мне жену!

10510 Как это вы возьмете ее?!
[Только] разодрав толстую кожу мою,
[Только] выпустив густую кровь мою!»
Дева Айыы
Айбангса-шаманка
[Одним] прыжком подскочила,
Громко завопила,
Набросилась на прекрасную
Деву-богатырку,
Кыыс Нюргун-шаманку.

Абаасы [крикнул]: «Гляди-ка, эта мерзавка начинает обижать милую мою!» – и, неуклюже ковыляя на одной ноге, понесся к женщинам.

10520 Между тем
Босхонголлой Мюльгюн
Прилетел и надвое рассек
[Палицей]-тростью
Облако свое
И спустился на землю,
Сразу же грузно приземлился
Возле этих людей.
Как только спустился –
Ничего не сказав,

10530 Ни слова не промолвив, –
Пошел [палицей]-тростью
Хлестать абаасы,
Не давая тому вздохнуть.

Абаасы завопил: «Ах ты, калека несчастный! Ишь какой дерзкий!» – и стал с ним бороться.

Хотя абаасы и был упрям,
Хотя и был упорен,
Ни разу руки его
Не коснулись тела
Человека айыы,
Не пролили его крови.
10540 Только из одного упрямства своего
Продолжал [абаасы] вести бой.
Обширный дом,
Широкое логово этого лешего,
Землю-страну его
Изрешетили, истоптали дерущиеся,
Навлекли на страну эту
Гибель и разорение.

- В продолжение двух суток
Абаасы боролся
10550 С нашим человеком
Как равный по силам.
К исходу третьих суток
Богатырь Босхонголлой Мюльгюн
Начал хватать абаасы
За что ни попало,
Пошел кружить его,
Как только хотел.
Вдруг он размахнулся,
Зычно крикнул,
10560 Ударил ребром ладони –
И одним взмахом отсек
Голову абаасы вместе с шеей.
Не успел абаасы
От этого сильного удара свалиться –
Еще продолжал стоять, –
[Босхонголлой Мюльгюн] вновь
Ударил его ребром ладони
И рассек надвое.
Между тем
10570 Женщины те
Долго бились во дворе,
[Потом] влетели в поварню-сруб абаасы.
Влетев туда,
[Каждая] превратилась в железную
Девятисаженную старуху-колдунью
С тремя горбами;
Продолжая биться-драться,
В пылу боя
Вдребезги разбили, растоптали
10580 Все, какие только были,
Вещи и утварь абаасы,
Убили-затоптали
В детство впавших
Отца и мать абаасы.
Потом выскочили во двор,
Развалив во многих местах
Стены дома [абаасы].
Снова приняли свой вид,
Трижды туго намотали на руки
10590 Косы друг друга
И стали таскать и волочить друг друга [по земле],
Сгибать, словно гнущееся дерево;
Стали гнуть друг друга,
Словно бычье ярмо.
[В это время] наш человек,
Убив-истребив абаасы,

- Оперся на деревянный посох свой
И, грузно опустившись,
Уселся возле двух
10600 Изгибавшихся женщин.
Схватил он прекрасную деву-богатырку,
Кыыс Нюргун-шаманку,
За косу
И, не долго думая,
Стал колотить [ее].
[Так] лишили ее всех уловок,
С помощью которых она могла
Летать на север и юг,
10610 Извели все ее хитрости, с помощью которых
Она могла отправляться на восток и запад,
Сокрушили силу и мощь ее;
Теперь, как на коня,
Стали усаживаться на нее верхом;
Как быка,
Стали ее запрягать;
И вот ее, дикую, усмирили;
И вот ее, ретивую, укротили;
И вот ее, буйную, обуздали;
Зад ее исхлестали,
10620 Поясницу исполосовали,
Спину разрисовали;
Вынудили сказать такие ласковые слова,
Какие и матери не сказывала,
Вынудили ее говорить так ласково,
Как и с отцом не говорила.
После этого
Силой заклинания призвали
Тяжелое черное облако
Величиною с половину поля-елани.
10630 Богатырь Босхонголлой Мюльгюн
Оперся на деревянный посох свой,
Поднялся и уселся На свое облако.
Когда дева Айыы Айбангса-шаманка
С помощью крутящегося черного вихря
Величиною с половину урасы богатых людей
Забросила женщину на это облако,
Человек, сидевший на нем, подхватил,
Крепко обнял ее.
10640 Вслед за этим женщина-шаманка
Силой заклинания призвала
Особое облако,
На которое садятся шаманы,
Тотчас же уселась на нем,
И оба облака, постепенно снижаясь,
Понеслись на юго-восток
Со свистом пущенной стрелы.

XXVIII

- Не такие они были люди,
 Чтобы долго странствовать;
 10650 Летели с шумом и гулом
 Всего один день –
 И прилетели они домой,
 Когда солнце только еще опускаться стало.
 Их облака
 Сразу же остановились над двором;
 Три человека – все вместе –
 Быстро спрыгнули на землю.
 Богатые жители в домах не засиживаются,
 Оказывается, все возле дома находятя:
 10660 Те, кому следует прогуливаться,
 Оказывается, гуляют-прогуливаются,
 То уходят, то приходят;
 Те, кому хочется веселиться, забавляться,
 Оказывается, прохаживаются,
 Веселятся, забавляются.
 Внимательно они посмотрели –
 Оказывается, [здесь] давно уже вместо двух семей
 Стало четыре семьи;
 Давно уже вместо двух жилищ-поселений
 10670 Четыре жилища стало.
 В трех жилищах шумно заявили
 Самые многочисленные семьи,
 Скопился многочисленный люд.
 Четвертый дом, видно,
 Ытык Суйуллаа-богатырь
 Вместе с Тойон Нюргун-богатырем
 Выстроили и приготовили
 Для старшего брата своего;
 Только что построенный, [обставленный]
 10680 Дом стоит пустой.
 По случаю прибытия этих людей
 Заранее, верно, пригласили [гостей];
 Кто вприпрыжку,
 Кто бегом,
 [Словом], мигом собралось
 Множество людей.
 Между тем дева Айыы Айбангса-шаманка
 Вошла в дом почтенного деда,
 Ведя за руку тетю свою,
 10690 Босхонголлой Мюльгюн как уселся
 У основания столба-коновязи,
 Так и остался [там] сидеть:
 Этот человек не знал привычки
 Заходить в дом.
 Женщина-шаманка вбежала в дом
 Со своей тетей,

- Обошли они чувал с левой стороны,
 Сели на скамью,
 Стоящую на левой стороне.
- 10700 Если взглянуть на сидящих –
 У прекрасной девы-богатырки,
 Кыыс Нюргун-шаманки,
 Сошел румянец с лица,
 Подурнела она.
 И осанка, и стан ее не те, [что были], –
 Сидит женщина сама не своя,
 Скособоченная,
 Убогая с виду.
 Была такая прекрасная,
- 10710 Красивая,
 А теперь и на женщину
 Походить перестала –
 Остались кожа да кости.
 Старая хозяйка сидела,
 Глядела на них, [потом] сказала:
 «Посмотрите, дети наши вернулись обратно,
 Убегавшую догнали –
 Радость [к нам] пришла.
 А ну, расставьте-ка двенадцать березок,
- 10720 Приготовьте двенадцать пиршественных полянок
 Соберите богатое угощение,
 Устроим праздник,
 Великое торжество!
 А девушка – та самая
 Дева Айыы Айбангса-шаманка –
 Сидит мрачная,
 Лицо ее то покраснеет,
 То вдруг потемнеет.
 «Бабушка, – говорит, –
- 10730 Принеси-ка расшитый в девяти местах
 Узором из конского волоса
 Узенький турсучок свой с водой!
 Старуха, посмеиваясь,
 Вынесла из недр девяти чуланов своих
 Воду в узеньком турсучке
 И отдала, внучке.
 Девушка взяла турсучок с водой
 В одну руку,
 А другой рукой [взяла за руку] тетю свою,
- 10740 Повела ее с левой стороны от чугала
 И вышла из дома.
 Когда она, выйдя из дома,
 Взглянула в сторону столба-коновязи –
 Дядя ее, оказывается, уже исчез.
 Девушка стремительно перебежала долину,

- Заставила тетю подпрыгивать,
 Ступать где попало –
 Не давала ступать там,
 Где той хотелось,
 10750 Заставляла ступать там,
 Где той не хотелось.
 Вышла она на опушку леса и увидела:
 Дядя ее выкопал яму
 Глубиной в девять саженей,
 По окружности в сорок маховых саженей;
 На дне этой ямы
 Разжег шумный огонь
 Из обрубленных как попало
 Сорока перестойных сухих лиственниц.
 10760 Запылали они так,
 Что огонь поднялся вверх,
 К гулкому обширному небу.
 Дядя поставил
 С обеих сторон от огня
 Два столба,
 Вбил в них
 Два железных крюка.
 Увидев это,
 10770 Прекрасная дева-богатырка,
 Кыяс Нюргун-шаманка,
 Громко завопила,
 Упала навзничь.
 Девушка-шаманка
 Схватила за щиколотки
 Упавшую женщину,
 Приволокла ее к огню.
 Дядя подошел, схватил ее за одну ногу,
 Девушка схватила за другую.
 После этого
 10780 Коротким бойким ножичком
 Проткнули насквозь
 Ступни ног и подвесили за них
 На железных крюках
 Женщину над огнем, вниз головой.
 А потом
 Встали по обе стороны [от подвешенной]
 И начали хлестать ее восьмихвостыми кнутами,
 Сплетенными из железных прутьев.
 По какому бы месту ни ударили –
 10790 С шипением высыпались [оттуда] красные черви³⁰⁸,
 Похожие на мелко нарезанный конский волос, –
 [И было их так много],
 Что стал гаснуть огонь.
 Эти красные черви

- Бесперывно падали,
 И наконец вроде бы
 Их меньше стало.
 Девушка-шаманка побежала,
 Срезала ветку красного тальника.
 10800 Нанесла на нее в трех местах узоры
 И вернулась к женщине,
 Из которой уже высыпались [все] черви и гады,
 Трижды стегнула ее так,
 Что струйками забила
 Чистая, свежая кровь.
 Девушка сказала: «Ой, дядя, постой, не убивай почтенную
 тетю мою!»
- После этого
 Женщину сняли и положили
 На приготовленную заранее
 Чистую бересту;
 10810 Девушка-шаманка приказала
 Посыльным-парням бабушки – Сорук Боллурам –
 Зачерпнуть-чистой морской воды;
 Дочиста отмыла
 Свою тетю-госпожу,
 До блеска отмыла
 Чистой морской водой;
 Живой водой,
 Которую в турсучке бабушка дала,
 Протерла ее снаружи
 10820 И вовнутрь дала,
 Сделала [Кыыс Нюргун]
 В десять раз краше прежней.
 Тем временем
 Старая хозяйка
 Взяла самые отборные шкурки соболей,
 Самые лучшие шкуры рысей,
 Самые пушистые шкуры бобров,
 Сшила одежду
 И прислала, оказывается,
 10830 С парней Сорук Боллуrom.
 Взяли эту одежду,
 Надели [все как полагается],
 Принарядили женщину,
 Превратили ее в обычную
 Девушку солнечного [племени] айыы,
 Лишенную всякого [дара] шаманского волшебства.
 После этого
 Обе женщины взялись за руки,
 Радуюсь, ликуя,
 10840 Посмеивались,
 Поглядывая друг на друга, улыбаясь,

- Прислушивались друг к другу,
 [Так и] вошли в дом.
 В доме,
 Прежде пустом,
 Собралось очень много народу;
 Подготовили множество полянок [для пиршества],
 Понатыкали множество березок.
 И вот [уже] поставили угощение,
 10850 Затеяли игры, забавы, потехи.
 Тетя с девушкой
 Расхаживали вдвоем, взявшись за руки,
 Смотрели на забавы-потехи,
 Смеялись и радовались.
 Босхонголлой Мюльгюн пришел
 И стал распоряжаться,
 Смотреть за порядком в играх и забавах.
 Наконец-то он стал человеком,
 Который может греться
 10860 У тепла домашнего очага,
 Пробовать вкус чистой, благодатной пищи.
 К этому времени прошло полных девять лет
 С той поры, когда человек этот
 Вышел из-под холма.
 По истечении этого срока
 Он, оказывается,
 Предопределением небесных [сил]
 Должен был обрести способность ходить.
 И вот однажды люди, встав утром,
 10870 Увидели, что Босхонголлой Мюльгюн стал
 Самым красивым из всех, [ходящих на] ногах,
 Самым гибким из всех, имеющих суставы,
 Самым стройным из всех, имеющих [прямой]
 Степенный и дородный,
 Он, оказывается,
 Наилучший из детей человеческих.
 После двенадцати дней
 Игры подошли к концу.
 Эти люди
 10880 Образовали четыре большие семьи,
 Зажили очень хорошо,
 Весело, шумно.
 Имели они войска столько,
 Сколько искорок в горящей сере,
 Имели они полчищ столько,
 Сколько искр [высекается из] огнива;
 Владея огромным богатством,
 В изобилии великом Стали жить,
 10890 Все время богатели,
 Прибавлялись, размножались.

У [этих] четырех семей
Только и был [один ребенок] –
Та самая дева Айыы Айбангса-шаманка.
То здесь, то там
Сверкала-блистала,
Улыбалась,
Обитала она
[Во всех] четырех семьях,
10900 Ночевала – где захочется,
Жила – где понравится.
Сколько прожили они так – неизвестно,
Счета суткам и годам не было.

XXIX

Так они и жили.
Однажды утром,
Когда только стала
Заниматься заря,
Тойон Нюргун-богатырь,
Всегда встававший раньше других,
10910 Вышел [на двор],
Помочился,
Так что образовалось небольшое озеро.
В это время прямо с запада
Подул сильный ветер.
Он прислушался:
Донесся [до него] громкий топот
Четырех серебряных копыт
Величиною с копну,
Занесенную снегом.
10920 [Наш человек] быстро оглянулся –
Показалась грудь
Туман Дьагыла – коня,
Прыгающего на расстояние
Девяти дней пути.
Видно, [всадник] не такой человек,
Чтобы медлить, –
Пустил коня во всю прыть,
Мигом примчался.
[Минуя] ворота,
10930 Объехал двор с южной стороны
И на всем скаку
Въехал во двор
Строптивного Кулун Куллустуура.
Повернув голову,
[Тойон Нюргун] успел заметить –
Промчался мимо человек
С головы до ног
В блестящей серебряной одежде,
Широченный в плечах,

10940 С крупными мускулами на руках,
С высоким станом,
Плотный сложением,

Лишь чуть-чуть пониже Босхонголлой Мюльгюна.

Увидев [всадника], Тойон Нюргун бросился к старшему брату своему, который жил в одном с ним дворе, вбежал к нему в дом и сказал: «Послушайка, Босхонголлой Мюльгюн, старший брат мой! [Только что] прямо с западной стороны прибыл [сюда] очень быстрый всадник на Туман Дьягыле-коне, прыгающем на расстояние девяти дней пути.

Человек этот – ростом он чуть пониже тебя, в серебряной одежде с головы до ног – вплотную уперся было в ворота таких людей, как мы, но промчался мимо и заехал во двор нашего отца. Почему же погнушался нами этот человек? Должно быть, приехал-то он ради нашей племянницы. Пойти мне, что ли, узнать про то или как?»

«Если сначала разыскивает старших и заезжает к ним, значит, это умный человек. Если бы он был недалекого ума, тогда задержался бы у молодых людей», – ответил старший брат.

«Похвалить можно все что угодно! – в сердцах сказал [Тойон Нюргун], – мог бы и к кому придется заехать. Видать, зазнавшийся бездельник!» – и быстро выскочил [из дома].

Выйдя [от брата], он решил послушать, о чем говорит, что рассказывает человек, приехавший вот таким образом, и отправился к родителям своим. Настежь двери распахнул, грузно ввалился в дом.

Вошел он, взглянул –

На передней лавке

Расселся человек, взгромоздился,

В самую матицу потолка уперся [головой]

И, сидя так,

Поглядывая на старика и старуху

10950 Широко раскрытыми

Медными кольцами-глазами,

Похожими на два опрокинутых

Медных котла,

Говорил:

«Мо-о! Ой, буйакам!

Здравствуйте,

Строптивый Кулун Куллустуур

И Кюн Толомон Нюргустай!

Внимательно выслушайте

10960 Слова такого человека, как я.

Живу я в стране,

Находящейся отсюда прямо на западе,

До которой добираются

За долгие годы жизни девяти поколений людей;

Мой дед Толонтой Тойон

Жил, когда еще тойонов не было,

Моя бабушка Холонтой Хотун

Жила, когда еще не было [ни одной] хотун.

Моя мать –

- 10970 Отменная [шаманка],
 Кыыс Нуогай-шаманка,
 Мой отец –
 Ыаданг Нюргун-богатырь,
 Владеющий конем по кличке Аалай-Мангаас
 С восемью полосками на лбу;
 Сам я зовусь Дугуй Саарын-богатырь,
 Владеющий конем [по кличке] Туман Дьягыл,
 Прыгающим на расстояние девяти дней пути.
 Если вы, почтенные люди, спросите:
- 10980 «Зачем ты приехал?» –
 [Прибыл я] ради [громкого] имени,
 Ради всеми прославленной
 Дочери среднего вашего сына,
 Ытык Суйуллаа-богатыря, –
 Айыы Айбангсы-шаманки
 С косой в восемь маховых сажений.
 Прибыл просить [руки] ее.
 Мне нужна девушка,
 Хочу взять ее в жены.
- 10990 Подумал: «Жениться бы!» – [вот и] приехал я.
 [Почтенные] старик и старуха!
 Соедините со мной дитя свое,
 Внучку свою.
 Убедите ее, уговорите.
 Ой, буйака-ам!»

Старик сказал: «Пойдите позовите детей наших, [все] потомство наше. Снаряжать [ее] – четырем семьям, и платить за нее [будешь] четырем семьям. Калым за нее возьмем большой» – так сказали старик и старуха.

Прислуживающие парни пошли и позвали глав всех семей. Ытык Суйуллаа-богатырь вместе с Босхонголлой Мюльгюном-богатырем, тяжело ступая, вошли в дом. Босхонголлой Мюльгюн подошел к лавке [на правой половине дома] и грузно опустился на нее.

«Вот послушай-ка! – сказала старая женщина старшему сыну своему. – Приехал знатный чужеземец, лучший из улуса, человек очень хорошего рода и происхождения». – Говорила она основательно, все выложила о госте и предках его. [Потом спросила:] «За какой калым можно будет отдать дитя наше? Рассчитай, взвесь все и [скажи] жениху».

На это Босхонголлой Мюльгюн отвечал: «Что касается калыма, [скажу так:] и отец с матерью поженились без калыма, и сам я не платил калым, не помню, чтобы и за младших братьев мы выкладывали калым. По слухам, до страны [нашего гостя] надо добираться долгие годы жизни девяти поколений людей. Неужели [ему] возвращаться, чтобы уплатить нам калым? Или нам ехать за свадебными подарками? Что касается меня, я не собираюсь ехать. Если он поладит с предназначенной ему хозяйкой-женой, то, думаю, [пусть] посадит на конях увезет ее. Должно быть, у него самого много скота и богатства, [не уведет же наш] скот за собою в приданое. Подите-ка, парни, позовите и приведите девушку!» – с такими словами он разослал прислуживающих парней.

Эти парни побежали и позвали [девушку]. И вот, блистая и сверкая, вошла прекраснейшая из женщин.

Босхонголлой Мюльгюн сказал: «Послушай-ка, дитя наше дорогое! Вот сидит на передней лавке человек, который сватает тебя. Что скажешь на это? Одобишь ли глазами, полюбишь ли сердцем, выйдешь за него или нет? Скажи свое слово: согласна ты или нет?»

Девушка, залившись вдруг румянцем, ответила: «О-о, дядя мой! Нет у меня желанья сейчас же замуж выходить. Не пойду!»

Дядя спросил: «Сейчас замуж не хочешь, а когда же соберешься? Когда составишься?»

На это девушка ответила: «О-о, мой дядя! Одно скажу: по своей доброй воле, по своему желанию – не пойду за него замуж. Посмотрим, как это он уведет меня?!»

Человек, сидящий на передней [лавке], в это время то краснел, то бледнел; сказал: «Как я погляжу, вы, оказывается материнским родом расплодились, отцовским родом размножились. Разве силой я возьму [невесту] у таких людей? Если бы такие люди, как вы, сказали: «[Она] тебе предназначена» – и предоставили ее мне, я дикость ее укротил бы, буйство ее усмирил бы и женился б на ней. Если отдаете – попробую состязаться с ней. Если не отдаете – поспешу в страну свою. Скажите же: отдаете или нет?»

Босхонголлой Мюльгюн ответил на это: «По слухам, мой отец с матерью только после трудного состязания стали мужем и женой; и во втором поколении то же: я сам с большими муками и трудностями стал мужем своей жены, гонялся за ней полных девять лет. Эта девушка, которая появилась в третьем поколении, выходит, в нас пошла. Она может быть его суженой – он не хуже ее! Она, верно, желает выйти замуж, померившись с ним силами? Так вот, что касается меня – я согласен, пусть берет ее и поступает как хочет».

Старик со старухой вместе с матерью и отцом девушки тоже так решили. Только один Тойон Нюргун не одобрил это.

Девушка выслушала все и сказала: «Давайте [так решим]. Если вы отдаете меня этому человеку, [хотите], чтоб он поступил по своему усмотрению, отправьте нас на бранное поле! Пусть уж лучше он одолеет меня силой своей! Я отправляюсь туда!»

Вышла из дома, только и видно было, как пятки ее засверкали да подол закружился.

Дугуй Саарын-богатырь вскочил, вышел из дома и отправился следом за девушкой, тяжело ступая, переваливаясь. Пришли они на бранное поле, сразу же схватились.

Мужчина сказал:
«Возьму тебя [в жены]!»

Девушка сказала:
«А я за тебя не пойду!»

11000 Сказали так

И стали колотить друг друга
Девяностопудовыми железными
Увесистыми палицами своими.
Тем людям, что в домах находились,
Слышны были крики –
Громче всех криков,
Слышен был шум –
Сильнее всякого шума;
Послышался оглушительный грохот –

11010 Видно, затеяли они жестокую схватку.
Бились они, топтались на месте
Полных трое суток.
Когда закончились третьи сутки,
Ко времени второй дневной дойки коров,
[Разом вдруг] стих и шум, и гам.
Вскоре девушка их
Влетела в дом;
Вид у нее угрюмый;
То и дело меняется в лице:

11020 То румянцем зальется, то помрачнеет –
Видно, расстроена [чем-то] она.

Старуха спросила: «Ну что, внучка моя? Куда же девала того человека?»

Внучка ответила: «Э-э, наверное, решил: «Не смогу победить, одолеть ее» – и отправился домой».

XXX Но старуха сомневалась, подозревала что-то неладное. Прошло какое-то время. Однажды старуха из недр чуланов своих тайком взяла живую воду и вышла из дома. Побежала она прямо на бранное поле. Пришла, осмотрела поле, обошла его кругом и увидела: внучка ее, оказывается, увертываясь от противника, на самой середине бранного поля продавала ногой землю [глубоко], до обледенелой бездны, – заманила и сбросила [в бездну богатыря], после чего заткнула отверстие глыбой камня величиной с трехтравного быка.

Старуха увидела это и прочь отбросила камень, спустила веревку, велела богатырю ухватиться за нее и вытащила его. Оказывается, падая, богатырь сильно разбил себе бок. [Старуха] обмыла его, заставила богатыря выпить живую воду, воскрешающую мертвых, и стал он таким же, как прежде. Она привела его к себе домой.

Между тем наступил вечер, пришла пора спать. Старуха [усадила] человека, и, поглядывая на внучку, сказала: «Оказывается, ты, дитя мое, лгуньей стала! А я-то думала: «Внучка не обманет меня». Ну вот, друзья, завтра этот человек отправляется домой. Поедим, [угостим его], станем укладываться – перед дорогой человеку полагается отдохнуть».

Когда старуха сказала так, все люди как один подумали: «И правда». Поели, [угостили человека] и стали укладываться спать. Молодая девушка зашла в чулан и там уснула. Жених лег и заснул на передней лавке. А старуха, оказывается, еще с вечера спрятала камлальную одежду внучки. Когда все заснули, старуха надела на себя одежду, села на левую крайину чувала, трижды ударила в бубен, стала камлать-заклинать:

«Айхал, айхал! Кюёгэйэ-доммун!
Ойлоот, ойлоот! Уруй, айхал!
Дугуй Саарын-богатырь,
Дева Айыы Айбангса-шаманка,
Дети мои, да будет так, как я заклинаю:
Скрепляю-соединяю воздух-души ваши!
Да будет так: силой заклинания
Соединяю землю-души ваши!

11030 Да будет так: силой заклинания
Укладываю рядом
Мать-души ваши!

- Да будет так: силой заклинания
 Соединяю сюр-кут ваши!
 Дую целительным дуновением
 Сюнг Дъаасына,
 Очищаю чистотой
 Хаан Дъаасына!
 Склоняюсь на счастье
- 11040 Солнечным кругом,
 Плескаю удачей
 Лунного круга!
 Да будет вам благословение мое!
 Уруй, кюёгэйэ-доммун!»
 А люди эти
 Крепко спали в ту ночь.
 Утром, когда пришло время вставать,
 Соскочили с постелей.
- 11050 Теперь девушка и мужчина,
 Друг на друга поглядывая,
 Посмеивались,
 Прислушиваясь друг к другу,
 Улыбались.
 И вот, встав утром, сидели они рядом,
 Ели чистую благодатную пищу,
 Так что [от жира лоснились].

«Ну что, внучка? – посмеивалась старуха. – Что это вы стали, поглядывая друг на друга, смеяться, улыбаться – зарделись от смущения, глаза стали веселее? Не решили ли навсегда соединиться друг с другом? Ну как, дитя мое? Пойдешь ты за этого предназначенного тебе человека? Скажи, пойдешь или нет?»

Девушка ответила: «Что ты, бабушка! Как же не пойти за предназначенного мне? Как же иначе поступить? Разве смогу отказать такому прекрасному человеку?»

- Старуха [приказала]:
 «Ну-ка, парни! Изловите коня,
 На котором отправится дитя наше,
 11060 Приведите и привяжите его
 К главному столбу коновязи.
 Затем приготовьте [все]
 Для игр на девять дней,
 Подготовьте поляны для пиршества,
 Установите березки-чэчир,
 Устройте самый большой пир,
 Самые веселые игры,
 Самые веселые забавы!»
- 11070 Все, как было велено, приготовили,
 Все указания матери-хозяйки
 Полностью исполнили.
 За потехами-забавами,
 За весельем-ликованием,
 На пиру перед отъездом
 Так и не заметили,
 Как прошло девять дней.

- Наконец пришло время
 Мужчине и женщине
 Отправиться [в путь].
- 11080 Привязанного к столбу коновязи
 Молодого коня
 Так оседлали-обрядили,
 Что, если взглянуть на него сзади,
 Виден только помахивающий хвост;
 Если взглянуть на него спереди –
 Видна только голова^
 Молодую женщину так нарядили,
 Как [в праздник наряжают]
 благородного оленя,
- 11090 Украсили так,
 Как цветы землю украшают.
 Потом одни [проводящие]
 Держали [коней за] поводья,
 Другие, поддерживая этих людей,
 Помогли им сесть на коней.
 Коня женщины, держа его за поводья,
 Вели до самых ворот
 [И только там] отпустили поводья.
 И люди отправились в путь,
- 11100 Пустив коней быстрым шагом, резвой рысцой.
 На женщине было [столько] украшений,
 Что, когда они позвякивали,
 Вместе с ними гудели
 Леса северных склонов,
 Вместе с ними шумели
 Леса южных склонов.
 Оставшиеся люди
 Желали счастья уехавшим:
 «Среброгрудые жаворонки наши,
- 11110 Медногрудые птенцы наши!
 Да будут с колыбелями дети,
 Которые родятся у вас,
 Да будет огорожен
 Размножаемый вами скот,
 Да взовьются густые синие дымокуры,
 Да растянутся веревки –
 О девяти колышках с чекушками-застежками
 для жеребят.
 Которых будет так много, как шишек в лесу!
 Народите четырех якутов,
- 11120 Произведите на свет трех якутов,
 Взрастите двух якутов!
 Со счастьем-долей
 Приезжайте в страну свою!
 Прощайте надолго!»

И люди те с шумом и звоном
Поехали дальше.
А люди, [которые] остались,
Множество детей народили,
Без счета скота развели;
11430 Сыновья тех людей поженились,
Дочери замуж повыходили,
Разбогатели они,
В сытости-изобилии,
Говорят, по сей день живут.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Когда четыре якута еще не родились... два якута еще не были вскормлены. – Обычный для мифологического эпоса мотив, относящий действие к «первоначальным временам», когда на земле еще не было людей. «Четыре ... три... два якута» в данном случае означает не количество, а выражает общее понятие множественности.

² С кроншнепом-птицей на ушах... серыми зайчатами на подколенках – эпитеты богатырского коня. Птицы и звери символизируют необычность и резвость коня.

³ В Верхней Сибири... – Русское слово «Сибирь» (*Сибиир*) употребляется в этом олонхо в значении «страна», «земля», «мир» (как и встречающееся ниже слово «Россия»).

⁴ В Верхней Сибири... В Нижнем мире... В Среднем же мире названным. – Развернутое описание богатырского коня заменено здесь указанием на то, что он известен во всех трех мирах, из которых, по мифологическим представлениям якутов, состояла вселенная.

⁵ ...лисица-сиводушка... – и далее. – Сравнения внешности человека, частей его тела с различными предметами, животными или явлениями природы часто встречаются в олонхо.

⁶ По правую сторону от города Иркутска. – Название города Иркутска, как и само слово «город», вошло в олонхо после встречи якутов с русскими. Здесь оно употребляется только для того, чтобы показать отдаленность места, где скрывается лиса, что, по замыслу олонхосутов, должно усилить необыкновенность героя.

⁷ Города Камчатки. – В старину якуты так называли центр Камчатки – крепость Петропавловск.

⁸ Маховая сажень (булас или былас – «раскинутые руки»). – Мера длины, равная расстоянию между концами пальцев рук, вытянутых в разные стороны на высоте плеч.

⁹ На целую пядь (сүэм). – Мера длины у якутов была двух видов: 1) *суэм* – расстояние между концами вытянутых большого и указательного пальцев; 2) *мүггүр сүэм* (тупой сүэм) – расстояние между концом вытянутого большого пальца и согнутого на втором суставе указательного пальца.

¹⁰ Отменный из якутов (саха саара – букв. «царь якутов»). – Русское слово «царь» (*саара*) употреблено здесь в смысле «отборный», «лучший», «отменный».

¹¹ Жители трех стран. – Следует понимать «всей вселенной», состоящей из трех миров: Верхнего – небес, Среднего – земли и Нижнего – преисподней.

Верхний мир делится, в свою очередь, на несколько ярусов (по одним воззрениям – на три, по другим – на семь или девять). А.Е. Кулаковский считал, что эти числа не выражают конкретно-предметного количества, а говорят о множественности ярусов вообще. Однако когда речь идет о небожителях (*айыы* – божествах, благожелательных к людям, и *верхних абаасы* – божествах, враждебных людям), то указывают, кто из них на каком ярусе живет.

Средний мир одноярусный. В нем обитают «солнечные люди» (*кун дьоно*), или «люди айыы», «племя айыы» (*айыы аймага* – букв. «родственники божества»), под которым подразумевались предки якутов. В Среднем мире живут также духи-хозяйева (*иччи*, см. примеч. 38, 94), которые могут быть благожелательны либо враждебны к людям, злые духи абаасы и, наконец, юёр – души умерших, превратившиеся в злых духов (см. примеч. 154).

Нижний мир широк в основании и суживается кверху. Здесь светят щербатые солнце и луна, и поэтому всегда царят сумерки. Растительность железная, колю-

чая; там находятся «море бед», горящие смоляные бездны и топкие трясины, «в которых увязают даже пауки». Населен Нижний мир уродливыми – одноглазыми, однорукими, одноногими – чудовищами абаасы, которые, выходя на землю, причиняют людям различные несчастья.

¹² *Страна Ютюгэн* – мифическая страна, находится в Нижнем мире. Здесь употребляется как синоним Нижнего мира (см. примеч. 11).

¹³ *Буор Мангалай, Буор Сюргэй Тойон* – властитель Нижнего мира, более известный под именем Арсан Дуолай. Он считается главой всех племен нижних абаасы (см. примеч. 11) – страшных чудовищ, с которыми ведут борьбу герои олонхо. Здесь он назван еще и «царем леших». Слово «леший» (*илиэсэй*) заимствовано из русского языка и в данном случае употребляется также как синоним «абаасы».

¹⁴ *Чья алчность равна завязкам притегиваемых наколенников...* – Характерное для олонхо сравнение присущих врагам качеств с предметами повседневного быта, что, по замыслу олонхосутов, должно принизить, их образ.

¹⁵ *Елань* – луг или поле с озером, окруженные лесом; котловина, широкая поляна в лесу или в горах; жилое место якутов, где стояли их юрта и другие постройки.

¹⁶ В этом месте Э.К. Пекарский замечает: «Здесь, по-видимому, пропуск» (Образцы народной литературы якутов. Т. 3. Образцы, записанные В. Н. Васильевым. Вып. 1, с. 2, примеч. 6). Действительно, пропущены одна-две строки, рисующие, каким был бы богатырь, если бы он родился в подземном мире и вылез из бездны.

¹⁷ *Ровдуга* – замша из оленьей шкуры.

¹⁸ *Рогатая шапка* – старинная якутская шапка, имеющая в верхней части отростки, которые напоминают рога.

¹⁹ *Хатыан-Имиэн, Томуон-Имиэн, Китиэн-Имиэн* – названия мифических стран, где растут крепкие деревья, из которых сделаны луки героев олонхо.

²⁰ *Кюндэли-рыба, ангаат-рыба* – названия сказочных рыб.

²¹ *Сардаана*. – В «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского даются два объяснения: *сардаана ох* – 1) стрела с железным наконечником; 2) *сардаана* – род старинной стрелы; стрела *сардаана* была широка и коротка (*лаппагар*) (т. 2, стлб. 2104).

²² *Тингсирики-стрела сама выслеживала врага*. – В олонхо боевое оружие одушевляется. Оно, подобно охотничьей собаке, может само выслеживать врага, вынюхивая его следы.

²³ *Сабельная пальма с черной нечистью...* – Пальма (*батыйа*) – колющее, и режущее боевое и охотничье оружие в виде широкого ножа с односторонним лезвием, насаженного на длинную рукоять.

Черная нечисть (*хара дьай*) – нечистая, разящая сила, присущая определенным людям или предметам, которая по эпической традиции якутов описывалась как нечто материальное. Оружие, обладающее *хара дьай*, считалось очень сильным, так как предполагалось, что нанесенные им раны бывают смертельными. Здесь сила богатырского оружия приравнивается к колдовской силе.

²⁴ *Грозное копьё, пылающее огнем кровожадности*. – Копьё героя придается особое свойство – *илбис* (здесь оно переведено как «кровожадность»). Это же слово входит в состав имен духов войны – Илбис-хаана и его детей (см. примеч. 183), поднимающих боевой дух и вызывающих кровопролитные схватки. В легендах и преданиях часто встречаются эпизоды, где перед выходом в военный поход шаманы спрашивают у этих божеств *илбис* для своих воинов и их оружия.

²⁵ *Палица-булава (чомпо суллугэс, или сулугэс)* – боевое оружие, известное якутам только по олонхо. По материалам В.М. Ионина, существовал особый

«хозяин» *чомпо* – Чомпо сулугэстээх Чомполуун Тойон (Имеющий булаву господин) и его жена – Чомполуун-госпожа, обитающие на пятнадцатом *олохе* – «стоянке» или «ярусе» Верхнего мира.

²⁶ *Громко ревущий мяч-ядро*. – Оружие, также известное якутам только по олонхо. Под эпитетом «ревущий», вероятно, подразумевается звук летящего ядра. Богатыри во время боя бросают такие мячи друг в друга.

²⁷ *В светло-голубой стране...* – и далее. – Здесь нашли отражение мечты якутов об идеальной, прекрасной стране.

²⁸ *Девять вольных белоголовых журавлей...* – Здесь и далее числительные «девять», «восемь» и др. означают множественность вообще (см. выше, примеч. 1). Вольные (*суман* или *субан*) – т.е. не имеющие самок, самцов или детенышей.

²⁹ *Три ликующих серебряных холма*. – В данном случае, вероятно, речь идет о холме, где совершались обрядовые танцы.

³⁰ *Находится тихий рай*. – Рай (*нзукэн ырай*) – понятие, вошедшее в олонхо под влиянием христианства, обозначает первоначальную родину (прародину) людей айыы.

В других олонхо место, где живет одинокий богатырь, обозначается как «пуп земли», на великолепие которого заглядываются жители всех трех миров.

³¹ *Почитаемое белое солнце*. – Якуты называют солнце белым, так как уподобляют его свет серебру.

³² *Табуны [нужно считать] долинами*. – Лошадей у героя так много, что счет ведется не по головам, а по количеству угодий и пастбищ, где они пасутся.

³³ *Рогатый скот его нужно считать луговинами*. – Тот же образ (см. примеч. 32), показывающий, что у героя множество скота.

³⁴ *Три главных столба коновязи*. – Коновязь состояла из трех, шести или девяти столбов. Они устанавливались в ряд на некотором расстоянии друг от друга перед домом, с восточной стороны. Каждый из столбов коновязи оканчивался резным шпилем и имел кольцеобразную фигурную выемку примерно на высоте двух третей длины, служившую для привязи повода лошади. Столбы коновязи ставились с юга на север. Первый (южный) столб назывался передним, или почетным, столбом; к нему привязывали лошадей знатные гости. Второй столб назывался средним, третий столб – последним, или задним. У богатых и знатных жителей параллельно первой коновязи устраивалась вторая, столбы которой были тоньше и ниже. Столбы первой коновязи считались более почетными.

Якуты верили, что коновязь может благословлять или проклинать приезжающих. Переезжая на новое местожительство, иногда переносили и коновязь. Если жильё пустовало после смерти его обитателей, коновязь не трогали. Мало того, когда видели, что столбы старой коновязи повалились, их поднимали и снова вкапывали в землю. Это объясняется тем, что коновязь обожествляли и придавали ей магическую связь с жильем якутов – юртой.

³⁵ *Орел-ёксёкю* – мифическая многоглавая птица. Ее изображения имелись и на шаманских костюмах; деревянные изображения ставились на могиле шамана. В олонхо богатыри для быстрого преодоления больших пространств иногда превращаются в эту птицу.

³⁶ *Бар-зверь (бар кыыл)*. – В «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского сказано, что *бар кыыл* – «какая-то огромная сказочная птица» (т. 1, стб. 366). Слово *кыыл* означает «тварь» (т.е. все живое, за исключением человека и насекомых) и в этом значении употребляется и по отношению к птицам, например *көтөр-кыыл* – птица-тварь, *кус-кыыл* – утка-тварь. Слово *бар (барас)* в монгольском означает

«барс», «тигр». Оба этих животных должны быть известны предкам якутов, поскольку первый из них водится в Юго-Восточной Сибири, а второй – в Уссурийском крае и иногда заходит и на территорию Якутии.

³⁷ *Огорожен изгородью «Кёкэримэ»*. – В олонхо многие предметы имеют, подобно человеку, собственное имя (здесь собственное имя имеет ограда). Часто это имя непереводаемо, как в данном случае.

³⁸ *Духи-обитатели ее...* – По старинным якутским понятиям, каждая местность, гора, водоем, а также все растения и все звери имели своих духов-хозяев (*иччи*). Иччи мог быть и у предметов, изготовленных руками человека (как в данном случае), и даже у произнесенного или произнесенного слова. По отношению к духам-хозяевам природы якуты проявляли особую почтительность, принося им в жертву молочные продукты, кусочки ткани и т. д. (см. также примеч. 94, 102, 105).

³⁹ Ограда «Быакарыма»... навес «Каакарыма»... – см. примеч. 37.

⁴⁰ *Весною с людьми громко переговаривается гулкий сарай, осенью с людьми раскатисто пересмеиваются широкие сени*. – Все постройки героя настолько обширны, что в них гулко отзывается эхо. Тут мы видим род поэтического преувеличения (гиперболы), а также народно-поэтическую традицию одухотворять предметы окружающей обстановки, наделять их человеческими эмоциями.

⁴¹ *До седьмого дня второй половины седьмого месяца*. – Прежде у якутов был лунный календарь и месяцы не совпадали с современными; седьмой месяц приходился на октябрь – ноябрь. В данном случае богатыри не могут приоткрыть дверь в течение семи дней.

⁴² *До девятого дня второй половины девятого месяца*. – *Девятый месяц соответствовал* январю – февралю. В данном случае богатыри не могут приоткрыть дверь в течение девяти дней.

⁴³ *Девятиправый... бык* – т.е. девятигодовалый бык – бык, щипавший траву девять весен.

⁴⁴ *Лавка (орон)* – широкий несдвигаемый настил вдоль стен юрты для сидения и сна. Каждая из них имела особое название (например, *биллирик орон* – передняя лавка – соответствовала красной скамье в русской крестьянской избе; *кэтэбэриин орон* находилась против входа в юрту, *хаңас орон* – лавка, которая упиралась в стену, отделяющую юрту от хлева, и т. д.).

⁴⁵ *Хотон* – хлев, который примыкал к юрте, отделяясь от нее лишь тоненькой стеной или просто двумя-тремя жердями, чтобы скот не заходил в юрту.

⁴⁶ *Чороон* – кубок для кумыса, выдолбленный из одного куска дерева и по форме напоминающий кувшин с закругленным дном, но без носика и на ножке в виде маленького конуса или треноги. Бока чороона украшались резным орнаментом. Чорооны бывали самых разных размеров – от совсем маленьких до вмещающих 10-15 литров. Такие большие кубки служили для кругового питья.

⁴⁷ *Старуха Симэхсин*. – Рабыня-скотница, традиционный персонаж олонхо.

⁴⁸ *Левая сторона [юрты]*. – У якутов левая половина жилища раньше считалась «женской» половиной в отличие от правой, «мужской» половины.

⁴⁹ *Натазник (сыалыйа)* – мужские и женские короткие штаны, к которым привязывались длинные наголенники (*сутуруо*).

⁵⁰ *Нет и не было у него парня-дровосека*. – Парень-дровосек, как и старуха Симэхсин, – традиционный персонаж домашнего окружения героя. Весь этот фрагмент (стк. 330–369) указывает на то, что Кулун Куллустуур совершенно одинок, т.е. является первым человеком на земле, первопредком.

⁵¹ *Средняя вторая райская страна.* – Так богатырь называет свою страну. Под первой райской страной подразумевается, очевидно, небо, страна богов, т.е. Верхний мир.

⁵² *Уранхаец (урианхаец)* – старинное самоназвание якутов. Монголы уранхайцами называли тувинцев, а буряты – тофаларов.

⁵³ *Душу земляную, рассыпающуюся в прах.* – Душа человека (*кут*), по представлениям якутов, состояла из следующих трех элементов: 1) *ийэ-кут* – мать-душа; 2) *буор-кут* – земля-душа и 3) *салгын-кут* – воздух-душа. Только при соединении всех трех элементов становилась возможной жизнь человека. Считали, что душа создана высшим божеством – творцом вселенной Юрюнг Айыы Тойоном, но человеку ее дает богиня чадородия Айыысыт (о ней см. примеч. 160, 266). Как мы видим, земля-душа могла рассыпаться подобно материалу, из которого она создана.

⁵³ *Белых и черных бегунов своих.* – «Белые бегуны» – лошади, «черные бегуны» – рогатый скот. Речь здесь идет не о масти, а о противопоставлении лошадей, которые считались у якутов «чистыми», священными животными, и коров, на которых эти качества не распространялись. И.А. Худяков отмечал, что при жертвоприношениях духам Верхнего мира убивают кобылу, а духам Нижнего мира – корову (И.А. Худяков. Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969, с. 236). В олонхо часто говорится, что богатыри Нижнего мира ездят на быках, в то время как богатыри Верхнего и Среднего мира – на конях.

⁵⁵ *Лысуха-утка* – болотная птица с темным оперением и белым наростом на лбу. У якутов считается шаманской птицей.

⁵⁶ *Чыл-чап, чыл-чап* – Запев-припев, с которого начинается монолог шаманской птицы лысухи. Прямая речь персонажей олонхо, обычно поющая, в отличие от описаний, исполняемых речитативом, как правило, начинается с какого-нибудь слова-запева. Запевы относятся к музыкальной характеристике героев и поются в различной тональности. Переход к пению начинается специальными, часто непериодическими словами, чаще междометиями. В данном случае слова запева носят звукоподражательный характер и передают щебетание певчих птиц.

⁵⁷ *«Здравствуй» («Дорообо»).* – При встречах персонажи в олонхо обычно приветствуют друг друга древним якутским «Уруй! Айхал!» (см. примеч. 91). Заимствованное из русского «здравствуй!» («дорообо!») – нововведение сказителя.

⁵⁸ *По-тунгусски [приветствую]: «Ничего!»* – Сказитель, не владея ни русским, ни эвенкийским языком, русское слово «ничего» выдает за эвенкийское «здравствуй».

⁵⁹ *Из рытвин какой страны явилась ты сюда?* – Образное выражение, употребляемое в тех случаях, когда незнакомый человек прибывает из далекой неизвестной страны.

⁶⁰ *Ушами, похожими на кольца полной луны.* – Образное выражение, построенное на внешней и звуковой ассоциации: *кулугулаах* (с кольцами) – *кулгаах* (ухо).

⁶¹ *[Успев] трижды яйца снести, трижды полинять.* – Обычный у якутов способ обозначения расстояния через временной отрезок, необходимый для его преодоления; здесь приводит к гиперболе.

⁶² *Прогибается и поднимается вверх...* – По мифологическим представлениям якутов, небеса имеют куполообразную форму и своими нижними краями сходятся с краями земли, загибающимися кверху, «подобно концам тунгусских лыж». По олонхо, эти края небес и земли трутся друг о друга. Герой, сумевший проскочить через это опасное место, попадает в Верхний мир.

⁶³ *Как днище большого кумысного жбана сиринит.* – Сиринит – цилиндрической формы кожаный жбан, сшитый из особым образом выделанной кожи быка

или кобылы. Вмещает до 30 ведер; в нем собирают кумыс впрок для праздника Ысыах.

⁶⁴ *...подобным скрежету коренных зубов ретивого коня.* – Характерный для олонхо образ с уточняющими эпитетами.⁷

⁶⁵ *Широкий божественный небесный проход.* – В олонхо широкие небесные проходы являются дорогами к божествам и называются «божественными» в отличие от узких горных ущелий и дорог, ведущих в Нижний мир. Проходы часто охраняются особыми сторожами.

⁶⁶ *Столы-сандалы.* – «Древний восьмиугольный стол без ножек, из досок или бересты» (Э.К. Пекарский. Словарь якутского языка. Т. 2, стб. 2076).

⁶⁷ *...пеших людей.* – Герои олонхо называют себя людьми, владеющими конями. В якутском тексте «пешими» (*сатыы*) названы люди, имеющие не коней, а оленей.

⁶⁸ *Кюлюм Хотун-старуха... Сандаар Тойон-старик.* – Слова *тойон* и *хотун* в олонхо служат приложением к именам родителей богатырей, различных мифологических персонажей и вообще всех людей пожилого возраста в качестве уважительного прибавления и поэтому не имеют общераспространенного значения «господин» и «госпожа».

⁶⁹ *С овальным белым бубном... с глянцево-белой... колотушкой.* – Ритуальные принадлежности шамана. Бубен состоит из овального обруча, обтянутого выделанной кожей. Во время камланий он считается ездовым животным шамана – конем (при путешествиях по Среднему и Нижнему миру) или птицей (при полетах в Верхний мир). Бьют по бубну специальной колотушкой, которую обтягивают шкуркой, снятой с ноги жеребенка или теленка.

⁷⁰ *Шаманские подвески, кисти из канфы.* – Речь идет о деталях шаманского костюма (см. примеч. 107), отсутствующих на обычной одежде. Канфа (*хампа*) – китайский атлас.

⁷¹ *Орулуур Одун Хаан,* – властитель рока, предопределение которого непреложно, никем не может быть отменено. Кэнгириир (Гнусавый), Менгюрююр (Мычащий), Чынгырыыр (Гремящий), Орулуур (Ревущий) – различные эпитеты этого божества. Он больше известен под именем Дьылга Хаан.

⁷² *Дымокуры, взвивающие к небу голубые струйки-дыма...* – Имеется в виду костер из сухого конского или коровьего навоза для защиты скота от комаров и мошки. В данном случае дымокур – символ размножающегося скота и продолжающегося рода, богатства и благополучия. В старину о количестве людей в роду судили по количеству дымов, поднимающихся из дымоходов жилищ (юрты, урасы).

⁷³ *Кээлээни* – мелкие шаманские духи-помощники. Изображались наивными и придурковатыми заиками, отличающимися похотливостью. Иногда кээлээни считался духом-хозяином шаманской колотушки.

⁷⁴ *Муосааны* – второстепенные духи-помощники шамана, сходные с кээлээни. Изображались придурковатыми и хромыми.

⁷⁵ *Черкан* – орудие охоты на мелких зверей (мышей, горностаев), представляет собой вытянутую прямоугольную развилку или раму. К средней ее части привязывается лучок, тетива которого соединена со стрелкой. Нижний конец стрелки имеет поперечный стерженек, который при спуске натянутой тетивы прищемляет зверька, пробегающего под ним и задевающего спусковой механизм.

⁷⁶ *Муо, муо!* – слова запева-припева (см. примеч. 56). В отличие от звукоподражательных запевов эти слова вообще ничего не означают. Подобно некоторым другим междометиям (*ой, ай, хор, хор-хор* и др.), *муо, муо* принадлежит к запевам песен героев и героинь. (О запевах богатырей Нижнего мира и других персонажей см. примеч. 92, 171, 178 и др.)

⁷⁷ *Адъарай* – название жителей Нижнего мира, то же, что *абаасы* (см. примеч. 11, 13).

⁷⁸ *На жертвенных холмах заклиная, пожирает мясо жертвенной скотины.* – Во время кровавых жертвоприношений корову после камлания убивали и шкуру ее, снятую с головой и копытами, вместе с внутренностями (сердцем, аортой, легкими и печенью) вешали на дерево, на котором устанавливали специальную перекладину – указатель дороги. Употреблять в пищу эти подвешенные части внутренностей жертвенного животного, предназначенные духам, считалось позором для обыкновенных смертных, но не возбранялось шаманам и их помощникам. В связи с этим в народе шаманы и их помощники становились объектом осуждения и насмешек. Отсюда понятно, какое оскорбление стремится нанести Кулун Куллустуур шаманке Кюн Толомон Нюргустай, считая ее в какой-то степени общающейся с нечистыми силами.

⁷⁹ *Жертвенный стол.* – Во время камлания в юрте части убитого животного клали на стол, грубо сколоченный из досок, на ножках из кольев, забитых в землю.

⁸⁰ *Посвящают [в жертву] скотину.* – Здесь говорится о жертвоприношении *ытык*: жертвенное животное (чаще лошадь) посвящалось кому-нибудь из верхних божеств (обычно злых – абаасы). Обряд этот носил название *ытык дабатар* – «отправление вверх (т.е. божествам) посвященной скотины». В этом случае животное не убивали, а объявляли священным – *ытык*. В зависимости от воли божества, которую шаман узнавал у него во время камлания, лошадь или оставалась живой до естественной смерти, или через определенный срок ее убивали (также с помощью шамана), а шкуру подвешивали на дерево. Этот обряд назывался *ытык ыйыыр* – «подвешивание посвященного».

⁸¹ *Четырехглазая черная собака.* – Так якуты называли собаку, имевшую над глазами светлые пятна: в бывшем Вилюйском округе считалось, что такая собака чует злого духа и лаем предупреждает о его приближении.

⁸² *Выбросить ... ее червей и гадов.* – По поверьям, шаманы (особенно колдуны) воплощали свои чары в червей и гадов.

⁸³ *Вестница девки леших, сваха девки адъараев.* – Русское слово «леший» (*илиэсэй*) заменяет здесь название жителей Нижнего мира – *абаасы* или *адъарай* (ср. примеч. 11, 77), к которым герой причисляет героиню и ее вестницу-птичку, желая их оскорбить, унижить.

⁸⁴ *Кэй тотуо, или кэй тутуо.* – Смысл этого понятия не вполне ясен, поэтому оставлено без перевода. В целом понятие это, по-видимому, мифологического происхождения. У Пекарского: «кэй кыыл» – мифический зверь о двух головах» (Словарь якутского языка. Т. 1, стб. 1011). Это словосочетание встречается в Словаре 9. К. Пекарского также в выражении *кэй тотуо майгыннаах*, что означает: «Он повел себя буйно и гневно, оказался с весьма гневным нравом» (Словарь якутского языка. Т. 3, стб. 2754).

⁸⁵ *Отрубая кусок мяса.* – Обычный для олонхо образ, показывающий, как сильно понукает, горячит коня спешащий или разгневанный герой.

⁸⁶ *Эмэгэты.* – Слово *эмэгэт* имеет два значения:

1) духи-покровители шамана – души его умерших предков-шаманов; в редких случаях – второстепенные божества-небожители. В.Л.Серошевский приводит слова одного шамана: «Шаман слышит и видит только при помощи своего «эмэгэт» (В.Л. Серошевский Якуты. Т. 1. СПб., 1896, с. 627). По сообщению М.Н. Ионовой, у шамана-мужчины эмэгэт всегда женского пола и находится с ним в близких, интимных отношениях. И действительно, на шаманском костюме, описанном

Э.К. Пекарским и В.Н.Васильевым, имеются два изображения эмэгэт женского пола (см.: Э.К.Пекарский и В.Н.Васильев. Плащ и бубен якутского шамана. – Материалы по этнографии России. Т. 1. СПб., 1910, с. 100). Поскольку изучением женского шаманства у якутов никто не занимался, вопрос о шаманках и их эмэгэтах остается невыясненным. Каждый шаман, даже низший по рангу, должен иметь эмэгэт, без этого он не может быть шаманом;

2) изображения этого духа-покровителя, которые нашивались на костюм шамана во время обряда посвящения; идол, скульптурное изображение духа из любого материала – дерева, металла, бересты. В данном случае имеется в виду дух-помощник шамана.

⁸⁷ *Я и без абаасы с ума схожу.* – Причиной сумасшествия (как, впрочем, и многих других болезней) якуты считали козни злых духов – абаасы; среди них были и специальные духи сумасшествия (например, Нэмирийэ и ее восемь сестер, Хосоонноох Хоро тагара улуустара или Кыыс тагара Халлаан Джагыл Удагаттара; см.: Н.А. Алексеев. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – нач. XX в. Новосибирск, 1975, с. 194).

⁸⁸ *Сорвал из плотной шкуры завесу.* – В старинной якутской летней юрте (урасе, см. примеч. 89) над входом висела особая завеса, сделанная из шкуры или бересты.

⁸⁹ *Ураса* – конический шатер из жердей; у южных якутов покрывался берестяными полотнищами, у северных – шкурами оленей. Якутская берестяная ураса представляла сооружение солидных размеров, служившее только летним жилищем. Столбы, поддерживающие верхнюю окружность, и берестяные полотнища богато орнаментировались.

⁹⁰ *Облако, на которое садятся шаманы.* – Во время камланий верхним духам-айы шаманы употребляли особое приспособление *былыт* (облако), состоящее из насаженной на стержень доски с четырьмя маленькими столбиками-ножками по углам. Считалось, что на этом облаке шаман, подобно всаднику, совершает свое путешествие на ярусы Верхнего мира.

⁹¹ *Уруй, айхал* – У современных якутов – здравица, пожелание успеха, процветания. Раньше этот приветственный возглас имел более широкий круг значений, некоторые из них до сих пор недостаточно выяснены (см.: Э.К. Пекарский. Словарь якутского языка. Т. 1, стб. 41; т. 3, стб. 3070). В шаманских призываниях и кликах он употреблялся в значении «Ниспошли, даруй!» или «Слава-слава!».

⁹² *Ойлоот-ойлоот! Кюёгэл-нусхал, кюёгэйэ доммун!* – Слова запева-припева, встречающиеся в песнях героев олонхо, а также в шаманских заклинаниях и выходящие призыв и радостное, приподнятое настроение.

⁹³ *Восьмиободная-восьмиокраинная (абыс иилээх-саҕалаах).* – Труднопереводимое выражение. Слово *ии* означает: обод, круглое основание, очертание (страны, человека, одежды). *Саҕа* – край, граница, опушка (леса, скошенного поля), воротник одежды и т.д. Это выражение разные авторы переводили различно: «многогранная страна» (И.А.Худяков), «многообразная страна» (В.М.Ионов), «со многими окраинами» (А.Е.Кулаковский). Во всех этих вариантах числительное «восемь» заменялось словом «много». Наш перевод сохраняет числительное и учитывает обе части фразы.

⁹⁴ *Дух-хозяйка... мать-земли... госпожа-бабушка Аан Мичик Хотун.* – Героиня обращается к богине земли, которую обычно называли Аан Алахчын Хотун. в якутской мифологии она считается Аан дойду иччитэ (дух-хозяйка местности), т.е. относится к разряду иччи (см. примеч. 11, 38), но по функциями характеру деятельности приближается к божествам айыы, хотя живет не в Верхнем мире,

а на земле. Якуты представляли Аан Алахчын Хотун в виде старой женщины, живущей в каком-нибудь старом дереве с большой кроной, которая посылает людям и скоту счастье и благополучие и охраняет их от всевозможных бед. Ее почитали, украшая ветви дерева лоскутками яркой или белой ткани, конской гривой, изделиями из бересты. По олонхо, богиня земли обитает в священном родовом дереве, выходя из которого дает героям советы и помогает им. В данном олонхо приближена к образу покровительницы шаманок (см. примеч. 97).

⁹⁵ *Узорная чаша.* – Имеется в виду широкая с низкими боковыми стенками берестяная посуда с тальниковым обручем у верхнего края, прикрепленным узорным шитьем из конского волоса. Служит главным образом для отстоя сливок.

⁹⁶ *Священная ложка.* – Имеется в виду большая ложка с длинным черенком, у которой на расширенном конце вместо одного углубления четыре. Употреблялась она на празднествах ысыах (см. примеч. 137) для кропления кумысом светлым божества айыы. Рукоятка ложки, как и ножки чороонов – кумысных кубков, обвязывалась пучком конских волос.

⁹⁷ *Бэдэрдээх Бэбиэрэ Хотун* – имя легендарной шаманки. Женщины-шаманки считали ее своим духом-покровителем и делали ей жертвоприношения во время своих молений. В данном олонхо, где в числе главных действующих лиц выступают шаманки, ей приписывают функции духа-хозяйки страны, а ее имя произносят рядом с именем духа-хозяйки земли Аан Мичик Хотун (т.е. Аан Алахчын Хотун, см. примеч. 94).

⁹⁸ *Перед тремя тенями вашими склоняюсь.* – По представлениям якутов, люди имеют три тени в отличие от абаасы, у которых тени нет. Три тени, возможно, сопоставимы с представлением о трех душах (см. примеч. 53).

⁹⁹ *Веревка о девяти колышках с чекушками-застежками.* – Речь идет о веревках, к которым привязывали жеребят, чтобы они не сосали маток (числительное здесь представляет гиперболу). Веревка эта (*сэлэ*) туго натягивалась между двумя столбами. Была она волосая или ременная. К ней прикреплялись на ремешках особые деревянные застежки (*кулугу*) или чекушки (*хараба*); к ним привязывали жеребят до удоя (см.: Э.К. Пекарский. Словарь якутского языка. Т. 2, стб. 2152).

¹⁰⁰ *Обернувшись угрюмо мычащими...быками.* – По шаманским поверьям, враждующие друг с другом шаманы превращаются во время сражения в быков или же битву ведут их мать-звери (см. примеч. 234), имеющие вид гигантских быков или лосих.

¹⁰¹ *Айах-кубок* – деревянный кубок для кумыса такой же формы, что и чороон (см. примеч. 46), но больше – вместимостью до полутора ведер. Фраза, заключенная в квадратные скобки, вставлена Э.К. Пекарским.

¹⁰² *Дух-хозяин просторного дома.* – Героиня обращается к духу-хозяину (иччи) юрты. Обычно его называют Дьилэ Бахсыла.

¹⁰³ *Восемь толстых... столбов.* – Здесь говорится о восьми опорных столбах якутской юрты, поддерживавших четыре балки, на которые опирались верхние концы бревен, образующих наклонные стены. Эти столбы также имели своих иччи-покровителей проживающей в доме семьи. Призыв «не расшатывать толстые столбы» означает быть благосклонным, желать благополучия и благосостояния этому дому.

¹⁰⁴ *Аал Уххан Тойон – Нырыы Т'ёбё – Былдьа Бытык – Аал Уххан.* – Букв. Граненая макушка, Седеющая борода – эпитеты духа-хозяина огня, пользовавшегося у якутов большим почетом. Его представляли в виде веселого, задорного седобородого старика, основного защитника дома. Для сохранения его благорасположения

огню очага почти ежедневно приносили жертвы («кормили» огонь). Через огонь очага обращались и к другим духам и божествам.

¹⁰⁵ *Парни и девушки – духи трав и растений.* – Здесь говорится о духах-хозяевах растений, считавшихся деггми богини земли. Они назывались *Эрэкэнэ-Дьэрэ-кэнэ*. По поверьям якутов, одеждой им служили цветы и листья, а от их дыхания распускалась зелень.

¹⁰⁶ *По-хорински распевая.* – В легендах и преданиях (а также в пословицах древнего происхождения) Хоро – название южной страны, откуда весной прилетают птицы. Хоринцами назывались легендарные жители этой страны. Шаманы во время камлания иногда употребляли незнакомые якутам слова, обычно бессвязные и бессмысленные, выдавая их за «язык хоринцев».

¹⁰⁷ *Камлальная одежда* – ритуальное облачение шаманов с многочисленными подвесками, изображающими духов-помощников шамана (зверей, рыб, птиц, солнце, луну и т.д.) (см. также примеч. 70, 86).

¹⁰⁸ *Девка адьараев... мерзкая девка.* – Этими словами заменено непечатное выражение (ниже в монологе также опущены или заменены и другие натуралистические выражения героя).

¹⁰⁹ Слова, заключенные в скобки, введены Э.К. Пекарским для уточнения смысла. Они взяты из традиционного обращения возмущенного героя к своей противнице перед вступлением с нею в бой.

¹¹⁰ *Дальновидные мысли мои укоротились, обширные помыслы мои сузились.* – Идиоматическое выражение, означающее отчаянное положение (ср. примеч. 208).

¹¹¹ *Ой-ой! Буйака-ам!* – воинственный, угрожающий возглас; завершает заповедь людей айыы.

¹¹² *Ни передние, ни задние подвески ожерелья ее.* – Серебряное женское ожерелье представляло собой массивное кольцо из серебра, загнутые концы которого не сходились спереди и стягивались ремешком. Спереди к кольцу подвешивалась на ремешках узкая длинная пластинка, орнаментированная гравировкой. На нижнем крае ее имелись небольшие сквозные отверстия, к которым привязывались четыре, шесть или восемь ажурных серебряных цепочек – «передние подвески». «Задние подвески» прикреплялись к задней части кольца и также состояли из серебряной пластинки, к которой привязывались четыре или восемь цепочек, состоящих из гравированных серебряных пластинок треугольной или квадратной формы.

¹¹³ *Трижды, по ходу солнца кружась, сверкнула.* – Трудный для перевода оборот. В основе выражения лежит слово *кулум*, переводимое в современном словаре как «блеск, отблеск, сияние, сверкание» (Якутско-русский словарь. Под ред. П.А. Слепцова. М., 1972, с. 197).

¹¹⁴ *Не успели свариться три горшка мерзлого мяса.* – У якутов раньше единицами времени считались время, необходимое для того, чтобы сварился один горшок мяса (примерно один час), время поспеивания на рожне мяса или рыбы (около получаса) и время выкуривания трубки табаку (несколько минут). «Три горшка» – промежуток времени, необходимый, чтобы сварить один за другим три горшка мяса, т. е. около трех часов.

¹¹⁵ *Варнак (баранаак)* – заимствование русского устаревшего слова, употреблявшегося в Якутии в значении «беглый каторжник».

¹¹⁶ *Облачен в золотую ризу...* – и далее. – Христианские атрибуты верховного божества – явление, возникшее в результате своеобразного восприятия якутами проповедей священников и контактов с русским населением. Такое переплетение

христианских и шаманских образов проникло не только в олонхо, но и в шаманские заклинания, где наряду с традиционными персонажами якутского пантеона фигурируют Антихрист, Илья-пророк, апостол и т.д.

¹¹⁷ *Нижнее, или пешее, небо (сатыы халлаан)* – самый нижний слой Верхнего мира или один из нижних ярусов неба. Назывался так потому, что считалось: начинающие шаманы, еще не имевшие бубна-коня, могли подниматься только на эти нижние ярусы.

¹¹⁸ *Заболонь* – молодой слой древесины, лежащий непосредственно под корой; в старину заболонь употреблялась в пищу бедняками в виде похлебки с рыбой и кислым молоком (а часто и без молока и рыбы). Заболонь заготавливали летом (в июне) на всю зиму.

¹¹⁹ *Он [владелец табунов] с огромными кучами навоза.* – Образное выражение, подчеркивающее богатство Юрюнг Айыы Тойона – скотовода.

¹²⁰ *Жеребята в намордниках.* – Когда жеребят отпускали с дойными матками, на них надевали специальные намордники – *томторук*, чтобы не сосали маток.

¹²¹ *Уордаах Дьёсөгөй (Дьэсэгэй), или Дьёсөгөй Айыы,* – небесное божество, покровитель лошадей, дарующий людям коней. В этом олонхо он назван младшим братом верховного божества Юрюнг Айыы Тойона. В других вариантах говорится о семи братьях – небесных божествах. У каждого из братьев своя функция и свое имя. Возможно, когда-то это был один мифологический персонаж со многими функциями, или, наоборот, с течением времени популярному божеству пытались приписать ряд новых функций.

¹²² *Распутать наши узорные швы, разобраться... в слоях бересты нашей.* – Под «узорными швами» подразумеваются уловки и хитрости жалующихся. Выражение «разобраться в слоях бересты нашей» связано со старинными представлениями якутов, по которым судьба человека предreshалась будто бы при самом его рождении божествами властного Рока, предопределения которых оставались непреклонными и неизбежными и записывались небесными писарями в особые книги. По предположению Г.У. Эргиса, «разобраться в слоях бересты нашей» следует понимать так: навести справку о судьбе жалующихся в берестяных книгах небесных писарей. Видимо, предки якутов знали письмо до прибытия в нынешнюю Якутию, которое потом забыли.

¹²³ *Мерзкая тварь, плевки которой не доходят до земли.* – Так говорят о людях, чье поведение не согласуется с общими нормами.

¹²⁴ *Продолжая пятиться.* – Шаманка не отступает в страхе перед богатырем – она старается создать между ним и собой наибольшее пространство, чтобы легче было применить свое волшебство и быстро поднять могучего противника на воздух.

¹²⁵ *Трижды чмокает губами.* – Чмокать губами – шаманский магический прием: втягивая в себя воздух, шаманы якобы доставали предметы с дальнего расстояния или призывали своих духов-помощников.

¹²⁶ *Люди улусов беспокойного неба.* – *Улус* – название якутской административно-территориальной единицы, приблизительно соответствовавшей волости (существовала до 1926 г.). Понятие *улус* употреблялось также и в значении «племя», «население», «населенный пункт», в том числе и по отношению к духам, якобы живущим улусами на том или ином небесном или подземном слое. В данном случае имеются в виду духи, которые обучали Кюн Толомон Нюргустай шаманскому искусству.

¹²⁷ *Вы пересказывали мою невнятную речь.* – Речь идет об обучении героини шаманскому искусству.

¹²⁸ *Добиравшийся до лиственницы с обломанной верхушкой, чтобы сесть...* – Т.е. искал старое дерево, так как шаманские духи «черных» (т.е. злых) шаманов не садятся на молодое зеленое дерево.

¹²⁹ *Барыылаах – божество мое.* – Один из многочисленных братьев-духов, покровительствующих охотникам и рыболовам. Известен также под именем Байанай.

¹³⁰ *Дочь Ый Тойона* (букв.: дочь господина Луны). – В олонхо божества, носящие имена небесных светил (солнца, звезд, а также планет и луны), относятся к мужскому роду, поэтому к ним обращаются *тойон* (господин).

¹³¹ *Хотой Айыы.* – Доброе божество второстепенного значения (Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка. Т. 3, стб. 3530). Хотой – орел, которого почитали якуты. Бог-покровитель птиц назывался *Холпоруун Хотой Айыы*.

¹³² *Как ремешки курительной трубки.* – Трубка якутов состояла из двух равных и симметричных половинок, которые связывались ремешком. Когда запас табака кончался, ремешок, развязывали и выскребали ножом внутренний, пропитанный никотином слой трубки. Иногда клали внутрь трубки стружки, пропитывали их никотином и курили вместо табака.

¹³³ [Эта страна] – с фонарями из негаснущих свечей – *т.е. страна, где царит вечный день.*

¹³⁴ *Кёс* – мера длины, равная примерно десяти километрам.

¹³⁵ *Сорок четыре тойона божественной свиты* – приближенные Юрюнг Аар Тойона, его небесные сородичи.

¹³⁶ *Березки-чэчир* – молодые срезанные березки, которыми огораживали места проведения кумысного празднества – ысыах (см. примеч. 137).

¹³⁷ *Ысыах* – старинный, весенний и летний кумысный праздник якутов, сопровождавшийся религиозными обрядами, играми, состязаниями, хороводными танцами и пением. Выбиралось обширное ровное поле, на нем устанавливали два столба с перекладиной и с изображением конских голов. Возле них втыкали срезанные березки-чэчир и расставляли разнообразную посуду с кумысом – от больших кожаных мехов и чанов до маленьких кубков. Празднество начиналось молитвенным обращением к божествам айыы и разбрызгиванием им кумыса. После обряда народ рассаживался кружками и распивал кумыс. Затем начинались увеселения, длившиеся иногда по нескольку дней.

Если в быту ысыахи носили характер календарного празднества, то в олонхо их устраивают по поводу всех важнейших событий, не обязательно приуроченных к лету: победы героя, женитьбы богатырей и пр., но обстановка ысыаха при этом остается летней. Со временем ысыахи перестали праздновать. В советское время они вновь возродились, но уже на новой основе. Сейчас это всенародный праздник по случаю окончания весенних и начал летних полевых работ.

¹³⁸ *Тойон-айах* – самый большой кумысный кубок-чороон, преподносимый почетным гостям; вмещает до полутора ведер кумыса (см. примеч. 46).

¹³⁹ *Сэгэрим* – вежливое обращение к людям, младшим по возрасту и близким.

¹⁴⁰ *На телегах (тэлээгэ).* – Слово заимствовано из русского языка. До встречи с русскими якуты не знали (или забыли) телегу.

¹⁴¹ *Неказистого на вид.* – Хотя Атыыр Хардас и является богатырем айыы (у него пара рук и ног, два глаза в отличие от одноруких, одноногих циклопов абаасы), но он некрасив, даже уродлив, что делает его похожим на абаасы. В олонхо такая внешность богатыря айыы является признаком большой силы.

¹⁴² *Бросила, а у самой земли [подхватила] и на ноги поставила.* – Этим героиня демонстрирует свое уважение к окружающим и к противнику.

¹⁴³ ...по прыжкам-кылыы. – Одиннадцать прыжков на одной ноге – древняя и популярная спортивная игра якутов. Прыгают по метам (на больших соревнованиях их бывает двенадцать), одна нога обязательно должна быть подогнута назад. Расстояние между метами постепенно увеличивается. Побеждает тот, кто прыгнет дальше.

¹⁴⁴ *Эти богатыри двух Сибири.* – Т.е. Верхнего и Среднего миров.

¹⁴⁵ *Упав на зеленую траву о девяти стеблях.* – В старину у якутов женщины-роженицы рожали в юрте, куда заносят скошенную (зеленую) траву или мягкое сено.

¹⁴⁶ *Небесная книга судеб.* – В олонхо по велениям бога судьбы небесные писаря составляют книгу, куда заранее заносится все, что должно случиться с людьми (кто от кого родится, какой будет у кого конь, на ком кто женится, какие бои и с кем будет вести герой и т. д.).

¹⁴⁷ *Отобьется от лихих набегов улуса леших.* – Имеется в виду нашествие племен абаасы («улуса леших») и различные напасти, насылаемые ими (см. примеч. 11 и 83).

¹⁴⁸ *Сибирка.* – Заимствованное от русских название тюрьмы; чаще всего этим словом якуты называли каталажку – помещение при родовом управлении (или улусной «инойродной» управе), куда запирали людей на недолгий срок за малые провинности.

¹⁴⁹ *Четыре неба* – т.е. четыре страны света – восток, запад, север и юг.

¹⁵⁰ *Татат!* – возглас испуга.

¹⁵¹ *Сходил на двор...* – Этой фразой заменено натуралистическое описание.

¹⁵² *Кэкэт-шаманы.* – Значение слова *кэкэт* забыто. В олонхо *кэкэт-шаманы* помогают «божественному человеку». Значит, они не шаманы абаасы. Вероятно, это белые шаманы, превратившиеся в айыы – благодетельных божеств. По просьбе А.А. Попова ныне покойный Г.Т.Ильин специально выяснял значение этого слова и установил, что *кэкэт-шаманами* действительно называются белые шаманы. Аналогичные параллели имеются и у бурят.

¹⁵³ Не должна иметь дела с одетыми в шубу с прорезью сзади... в шубу, перехваченную в поясе – т.е. не должна знаться ни с женщинами, ни с мужчинами.

¹⁵⁴ *Юёр* – злой дух, в которого, по представлениям якутов, могла превратиться душа умершего. Считалось, что абаасы мучают его душу, вынуждая ее вернуться на землю. При этом душа доброго человека отказывается, а недоброго выражает согласие вернуться. Тогда абаасы снимают с согласившегося кожу, надевают на себя и, превратившись в юёр, являются в образе умершего к его родственникам, пугают их и приносят им различные несчастья. По представлениям якутов, в юёр чаще всего превращаются души сумасшедших, самоубийц, неожиданно умерших молодых людей, страстно желавших жить.

¹⁵⁵ *Му-ый-ыа! Хар-ха-ыар! Буйака-бын!* – слова запева-припева девы или женщины айыы, имитирующие плач.

¹⁵⁶ *Мне, уродившейся светлицей, пришло время погибнуть.* – У якутов было поверье, что чрезмерная красота, как и вообще чрезмерная удача, везение, влечет за собой возмездие, кару (*сэт*).

¹⁵⁷ *Запишите за мной договор-кабалу, скрепленную кровью из мизинца моего.* – В олонхо вошло старинное русское название договора – кабала. «Кровавым» называют договор потому, что в эпосе при заключении его в знак незыблемости обязательства выпускают кровь (обычно из мизинца).

¹⁵⁸ *Имеющий водянистые глаза.* – Одно из эпических определений, обозначающих человека вообще. К этому же ряду относятся и другие выражения (например:

двуногий, т.е. имеющий две ноги, или ступающий по земле двумя ногами, и т.д.). «Имеющий водянистые глаза» может означать также «необыкновенный», «обладающий магической силой».

^{15a} *Иэйэхсит* – общее название божеств женского пола, охраняющих людей, рогатый скот, коней. Здесь она названа «хозяйкой прохода» (см. примеч. 65), под защиту которой героиня отдает свой скот.

¹⁶⁰ *Айыысыт* – общее название божеств плодородия и чадородия, которые способствуют зачатию и размножению людей, скота, собак и т.д. (см. также примеч. 266). Имена Айыысыт и Иэйэхсит часто произносятся рядом, а иногда их даже считают одним и тем же божеством. Здесь Дьёсөгёй Айыысыт назван хозяином прохода-подъема, хотя в других случаях он считается только создателем лошадей.

¹⁶¹ *Хоро, хоро!* – возглас-призыв, обращенный к богатырскому коню.

¹⁶² *Тройные прясла.* – Горный проход здесь закрывается пряслами, как обыкновенная; изгородь.

¹⁶³ *Араат-моря, отца восьми рек.* – Название эпического незамерзающего моря, находящегося в Среднем мире.

¹⁶⁴ *Поварня-сруб с окнами на полуночной стороне.* – Якуты прорубали окна в юрте на солнечную сторону. У абаасы все наоборот: окна на противоположной от солнца (полуночной) стороне.

¹⁶⁵ *С коновязью, установленной позади юрты.* – У людей айыы коновязь должна стоять, перёд юртой, а у абаасы все наоборот.

¹⁶⁶ *Сююлэ Хаан... Хаан Дьаасын* – имена божества грома и молнии (см. примеч. 244, 257).

¹⁶⁷ *Бубен свой половинный, сушила...* – Кожаная крышка бубна сыреет, в результате чего натягивается неплотно и при ударах колотушкой не издает нужных звуков. Поэтому перед камланием бубен просушивают у огня. «Половинным» бубен назван потому, что у у абаасы все предметы изображаются неполноценными, «неправильными», ущербными.

¹⁶⁸ *С кругом из белой жести.* – На старинных высоких шапках с прямоугольным верхом спереди нашивался круг из чеканного серебра, вероятно изображавший солнце. Серебро у якутов считалось чистым; у шаманки абаасы круг, наоборот, сделан из жести.

¹⁶⁸ *Девка абаасы.* – Так в олонхо обычно называют всех женщин абаасы, даже старух.

¹⁷⁰ *Гальян* – мелкая озерная рыба.

¹⁷¹ *Эсэллээтим-тасаллаатым, изгэлим-куогалым! Иэ-дьоммун, татайыкпын!* – непереводимые слова запева-припева, обычно встречающиеся в песнях комических персонажей.

¹⁷² *Бессвязые, туманные речи мои... – трескучие напевы мои. – Заклинание своего слова с целью придать ему магическую силу – обычный прием в шаманских песнопениях. Но олонхосут передает это в комической форме, в соответствии с самим образом старухи-шаманки.*

¹⁷³ *Плачет свежей кровью... болтливый кээлээни,* – По поверьям якутов, муо-сааны и кээлээни (см. примеч. 73 и 74) плачут кровью в предчувствии надвигающейся беды.

¹⁷⁴ *Халат-камзол.* – Олонхосуты стремятся показать абаасы нелепо одетыми.

¹⁷⁵ *Ошейник с погремушками (хоболоох моойторук).* – *Моойторук* – род мехового воротника, но не пришиваемого к шубе, а набрасываемого поверх через голову. У богатыря абаасы он железный, как и остальные детали одежды.

¹⁷⁶ *Шаманский вихрь-табык*. – Считалось, что шаманские духи передвигаются в виде мощного вихря (*табык*), издающего сильные хлопающие звуки, которые устрашающе действуют на их противников.

¹⁷⁷ *Громко чихнул, смачно высморкался*. – Чихают и сморкаются абаасы лягушками, жуками, муравьями и т. д.

¹⁷⁸ *Ма-ай-да* – непереводимые слова запева-припева богатырей абаасы (так же как *бай-да*, *ай-да*, *ар-дгаалы* и др.).

¹⁷⁹ *Байанай* (или *Барыылаах*) – общее название духов-хозяев лесных угодий, наделяющих охотников добычей (см. также примеч. 129). Для получения удачи на охоте к Байаная обращались со специальными заклинаниями и приносили ему жертвы (пищу или вино).

¹⁸⁰ *Отменный [из леших] южного мира*. – Предполагается, что абаасы происходят из северных, западных и южных стран. С восточной стороны идет доброе, божественное начало (у бурят злыми являются, наоборот, восточные божества).

¹⁸¹ *Усаживайся на жертвенного коня своего*. – Имеется в виду жертвенная лошадь (*хоойлуга ат*), убиваемая после смерти человека для того, чтобы он на том свете ездил на коне (по преданиям, в старину вместе с умершим родоначальником закапывали живого коня и раба). Впоследствии мясо коня стали съедать на поминках, а череп вешать на дерево, растущее вблизи могилы.

¹⁸² Здесь в тексте, как отмечает Э.К. Пекарский, пропущена песня, которой поверженный богатырь зовет на помощь.

¹⁸³ *Дочь Илбиса (Илбис кыыса)* – богиня войны и кровопролития. Ее отец Илбис Хаан – айыы, тоже божество войны, образ которого вытеснен образом его дочери и почти забыт (см. примеч. 24). Страшная функция богини войны, постоянно жаждущей человеческой крови, заслонила в глазах олонхосутов черты божества айыы, и она рисуется в олонхо как абаасы – в виде чудовищного трехгорбого железного ворона. Многочисленные эпитеты характеризуют ее свойства. Ей вообще безразлично, кто победит: была бы кровь. Но поскольку в боях в конечном счете побеждает герой, который после победы одаривает ее сердцем и печенью убитого врага, она более благосклонна к нему. Получив дар, она прославляет героя и желает ему дальнейших побед, чтобы утолять свою жажду крови.

¹⁸⁴ *Кыыра Чохчой* – имя дочери Илбиса.

¹⁸⁵ *Десяти своих пальцев дар, пяти своих пальцев подачку*. – Обычно так говорят, когда приносят жертву. Но в данном случае шаманка абаасы заклинает свою пику, передавая ей огонь кровожадности (см. примеч. 24).

¹⁸⁶ *Пусть тебя ждет, твое, пусть меня ждет мое*. – Обычно это формула, утверждающая линию судеб. В данном случае дочь Илбиса дает понять, что не собирается разделить участь побежденного богатыря абаасы.

¹⁸⁷ *Я не из тех старух, что дышат вашим дыханием*. – Формула о разных судьбах (см. примеч. 186).

¹⁸⁸ *Чолугур-чалыгыр* (ниже: *чуукур-чаакыр*) – звукоподражательные слова, передающие «голос» дочери Илбиса.

¹⁸⁹ *Масло хрустящее*. – Застывшее на морозе топленое масло похрустывает на зубах. Масло в таком виде обычно подавали гостю с чаем в качестве лакомого угощения зимой, чтобы гость быстрее согрелся.

¹⁹⁰ *Татай* – возглас досады, недовольства.

¹⁹¹ *Два черных ворона гибели...* – и далее. – Идет перечисление духов-помощников шаманки, которых она призывает, перечисляя их и называя места обитания.

¹⁹² *Железное весло*. – В тексте букв, «деревянное железное весло».

¹⁹³ *Бестолковый, по-глухарину*. – Глухари, по наблюдениям охотников, во время своего весеннего токования настолько увлечены друг другом, что ничего не замечают. Отсюда выражение «Глуп, как глухарь».

¹⁹⁴ *Кюбэй-хотун* – обращение к матери (чаще всего в народной поэзии), выражающее глубокое почтение, уважение, любовь.

¹⁹⁵ Встретились мы как на кончике ножа, сошлись мы как на лезвии [ножа]. – Т.е. сошлись на смертельный поединок.

¹⁹⁶ *Кузнец Мангырыыр (Мычащий)... кузнец Менгюрююр (Ревущий)*. – Видимо, речь идет о первых мифических кузнецах. Их общеизвестные имена – Кыдай Бахсы Уустара (букв. «первые божественные учителя-кузнецы»).

¹⁹⁷ *Орел с шумом прилетел и уселся*. – Орел считался священной птицей Юрюнг Айыы Тойона и пользовался у якутов большим почетом. Прилет его в двор считался приносящим счастье. Убивать орла запрещалось.

¹⁹⁸ *Когда угощают первым молоком*, – В старину в скотоводческом хозяйстве якутов первому весеннему удою придавали особое значение и устраивали специальный праздник. Слово «молоко» в этом случае вслух не произносилось, оно заменялось обобщенным понятием *ас* – пища. Слово «угощение» также передавалось иносказательно: *арыйыы* («снятие»). Поэтому праздник назывался «снятие верха первой пищи», что означало: угощение сливками или кумысом из первого весеннего удою молока.

¹⁹⁹ *Притворилась-перекрасилась, [наверх] поднялась*. – Шаманка абаасы, чтобы заколдовать и соблазнить небесного богатыря, поднялась из Нижнего мира на небо, изменив свой облик.

²⁰⁰ *Дальний родственник*. – В тексте: *сыган*. Так называли двоюродных или троюродных братьев и сестер, чья мать вышла замуж за человека из чужого рода и живет вне своего рода. Такое родство не обязывало к непрерывной взаимопомощи.

²⁰¹ *Подбейте [полозья] железом, вспахивающим землю на три аршина*. – Это делается для того, чтобы сдержать бег бычка, не приученного к упряжке. В реальной жизни такое не встречается.

²⁰² *В пору отряхивания земли с подола одежды моей*. – Идиома, означающая пожилой, старческий возраст.

²⁰³ *Достанутся все мелкие пожитки мои*. – По древним обычаям якутов, старшие сыновья, живя самостоятельным хозяйством, получали свои наделы еще при жизни отца.

²⁰⁴ *Эчи... арах-арах!* – междометие ужаса у абаасы (*арах* – букв. «сгинь»).

²⁰⁵ *Трехглавая алып-птица абаасы*. – *Алып* в олонхо означает «волшебство», «оборот-ничество». *Алып-птица* – птица, обладающая волшебной силой оборотня. У среднеазиатских тюрок *алп*, у алтайцев *алып* – «великан, богатырь»; отсюда «алып-птица», возможно, означает «богатырская птица», «птица-богатырь». В олонхо иногда слово *алып* применяется к враждебным богатырям, например *Алып-Хара* – Черный богатырь и др.

²⁰⁶ *Человек, из костей слаженный*. – Абаасы обычно изображается существом, состоящим из железа. Но в данном случае он называет себя «человеком» и, следовательно, должен иметь присущие человеку свойства.

²⁰⁷ *Принеси воду смерти*. – Поскольку у абаасы все наоборот, вода смерти приносит им пользу и оживляет, тогда как для людей айыы она губительна.

²⁰⁸ *Сузилась широкая спина его*. – Так говорят, когда человек приходит в крайнее отчаяние (ср. примеч. 110).

²⁰⁹ Здесь заменена непечатная брань.

²¹⁰ *Изрублю своими руками в рукавах.* – Обычная формула угрозы расправы с противником.

²¹¹ *Не ухватиться мне уж за хвост и гриву [моего коня].* – Идиоматическое выражение, означает наступление последнего, смертного часа в жизни богатыря, всю жизнь не слезавшего с коня.

²¹² *Нокоо, или нокончай,* – обращение старших к парням, вообще к младшим по возрасту мужского пола.

²¹³ *Ый-ыйбыан, ай-айбыан* – неперебиваемые слова запева-припева поверженного богатыря, имитирующие его плач и сетования.

²¹⁴ *Бабушка-госпожа.* – Так почтительно называли якуты духа-хозяйку местности, озера или реки, а в данном случае моря (см. примеч. 38).

²¹⁵ *...Многочисленных уранхайцев* (букв. «туман уранхайцев»). – Древние уранхайцы (урянхайцы) были предками нескольких народов, живущих в разных местах Сибири, Алтая и Саян.

²¹⁶ *Имеющих сукровицу в суставах.* – Одно из эпических определений-эпитетов человека.

²¹⁷ *Круговые кубки.* – Большие чаши (кубки) с резьбой, из которых попеременно пили кумыс собравшиеся на празднество и расположившиеся на поле кругом люди (см. примеч. 46 и 101).

²¹⁸ *Чулан-жилище.* – Это обычно отдельное или пристроенное к основному жилищу помещение, жилое только в летнее время; кладовая.

²¹⁹ *Заправила маслом и жиром.* – Кумыс, заправленный маслом, считался у якутов самым почетным угощением.

²²⁰ *Одарила шаманка огонь...* – Шаманка перед уходом из родного дома одаривает духа-хозяина очага, чтобы он охранял ее жилище от злых сил.

²²¹ *Ласково понюхала.* – Якуты при выражении ласки не только целуют, но и нюхают.

²²² *Веселилась вместе с народом.* – Здесь идет речь о прощальном пиршестве. Хотя героиня плачет и горюет, в данном случае говорится, что она веселится, поскольку в силу традиции любое пиршество изображается как настоящее празднество и-веселье.

²²³ *Мне, оперившейся в полон дереве, некуда стало улетать.* – Идиоматическое выражение, употребляемое в том случае, когда человек попадает в безвыходное положение.

²²⁴ *Холлогос* – большая круглая кумысная посуда из непромокаемой кобыльей кожи, вмещала столько же, сколько и бочка. В ней хранят заготовленный для праздника кумыс.

²²⁵ *Вызвав тем мое отвращение.* – Свое нежелание жениться на Кюн Толомон Нюргустай герой объясняет отвращением к ее шаманским духам – кээлээни и муо-сааны (см. примеч. 73 и 74).

²²⁶ *Отдал в уплату восемьдесят голов рогатого скота.* – Здесь речь идет об уплате калыма за невесту, часть которого выплачивалась скотом.

²²⁷ *Восемь божеств предродовых болей.* – У якутов раньше считалось, что родовые потуги и схватки имели своих духов. Эти божества помогали главной богине родов – Айыысыт (см. примеч. 160).

²²⁸ *Колья с развилками.* – Якутские женщины рожали, держась руками за перекладину, положенную концами на два развилчатых колышка, вкопанных прямо в земляной пол юрты. На пол расстилали траву.

²²⁹ *Вынули кут-сюр мой.* – Сюр – часть души человека (и животных), олицетво-

ряющая психическую жизнь. В отличие от *кут* (см. примеч. 53) сюр – только олицетворение живого начала, абстрактное понятие, не имеющее физических свойств. Поэтому абаасы ее не поедают (как кут), а только мучают.

²³⁰ *Положили в ...пуховое гнездо.* – Кюн Толомон Нюргустай рассказывает о том, как ее готовили к шаманскому искусству. По шаманским поверьям, мать-душа будущего белого шамана уносится специальными духами на небо, где несколько лет воспитывается в перевоплощенном зооморфном образе в гнезде, находящемся на дереве.

²³¹ *Мы закляли-удалили воздух-душу твою... закляли-раздробили землю-душу твою.* – Умерщвления человека, шаманы расцепляют его душу на части (см. примеч. 53). При этом освобождают сюр-кут (см. примеч. 229).

²³² *Величиною с моксу.* – Мокса (*туөн*) – закрученный конусообразно кусочек трута, сжигаемого на больном месте тела. Поставить моксу – довольно распространенное в прошлом лечебное средство якутов.

²³³ *Присоединили [их] к сюр-кут ее.* – Для оживления героини шаманы собирают расщепленные в момент ее смерти части души-кут: земляную душу (*буор кут*), материнскую душу (*ийэ кут*) и воздушную душу (*салгын кут*) – и все это присоединяют к сюр-кут (см. примеч. 53 и 229).

²³⁴ *Мать-зверь* – зооморфный дух-покровитель шамана, перерожденная мать-душа его. Мать-зверь пребывает вне тела шамана и ведет самостоятельную жизнь, но связан с ним. Смерть мать-зверя шамана влечет за собою и смерть самого шамана.

²³⁵ *Присоединили к мать-зверю шаманки,* – Шаманы соединили душу сюр-кут Кулун Куллустуура с шаманским духом-покровителем женщины, чтобы вызвать расположение богатыря к шаманке после их оживления. Этим они как бы соединили их судьбы.

²³⁶ *Гролом разящим очистили.* – Гром, по представлениям якутов, имел очищающее значение. Божество грома поражало абаасы громовой стрелой. Весной при первой грозе выносили больных на улицу, чтобы отогнать духа болезни.

²³⁷ Три раза [через нее] перешагнули, шесть раз ее окуривали. – *Магические очистительные обряды.*

²³⁸ *Склонились на счастье [тебе] солнечным кругом, плеснули удачей лунного круга.* – Поющие заклинания небесные шаманы обходят замкнутым кругом по движению солнца вокруг тела оживляемой Кюн Толомон Нюргустай. Как движение по ходу солнца, так и слова шаманов относятся к магическим. Эти слова по содержанию не совсем ясны и труднопереводимы.

²³⁹ *Лягушка абаасы.* – В тексте ошибочно сказано «лягушка айыы». «Лягушкой айыы» она не может быть, так как олицетворяет злые чары абаасы, потому и исправлено нами на «лягушку абаасы».

²⁴⁰ *Чуус!* – звукоподражательное слово, имитирующее звук, издаваемый раздавленной лягушкой.

²⁴¹ *Забросили на матицу облака,* – Матица – основание несущих столбов юрты. Здесь – верхняя граница облака.

²⁴² *Хотуок, сэгэр.* – Обычно: *хотуой* – обращение старших к младшим женщинам. *Сэгэр* – см. примеч. 139.

²⁴³ *Повернула отца-душу твою.* – Представление об отце-душе (*аба-кут*) в религиозных воззрениях якутов отсутствует, упоминается только в эпосе.

²⁴⁴ *Дунула дыханием Кюн Дьяасына.* – Кюн Дьяасын (Хаан Дьяасын, Сююлэ Хаан) – имена божества грома и молнии (см. примеч. 166, 257).

²⁴⁵ *Мальчики наши научатся держать ножи, а девочки научатся владеть ножницами.* – Нож и ножницы – символы мальчика и девочки. Употребляются в обрядах, связанных с рождением ребенка, где изображения ножа и ножниц вырезались из бересты (вместо ножа чаще вырезали маленький лук, лошадь или лыжи – см. примеч. 266). Символы эти использовали также и при испрашивании ребенка у духов: «Надели нас... ножиком (т.е. мальчиком), надели нас ножницами (т.е. девочкой)».

²⁴⁶ *Лучший разговор – совет, лучший узел – распускной.* – Здесь приведена якутская поговорка, смысл которой в том, что лучше действовать сообща, по согласию, доброму совету, и тогда все трудности разрешатся легко и быстро.

²⁴⁷ [*Много*], *с маленькое озеро, помочился.* – Одним из традиционных средств, используемых для показа мощи богатыря, служит изображение того, как герой помочился на высокий сугроб снега. Обильное и сильное мочеиспускание у якутов считалось признаком будущей многодетности, многочисленного потомства. Герой-первопредок демонстрирует перед родителями невесты, перед собравшимися на пиршество это свое качество.

²⁴⁸ *Посыльный Сорук Боллур.* – Традиционный комический персонаж олонхо, парень-табунщик и вестник.

²⁴⁹ *Осулаата, осулаата!* – Запев-припев Сорук Боллура и других комических персонажей (например, старухи коровницы). Хотя они и считаются членами семьи людей айыы, но запев и мелодия их песенных монологов близки к запевам абаасы.

²⁵⁰ Далее сняты непристойные ругательства парня Сорук Боллура.

²⁵¹ *В одной колыбели качались, водном гнезде лежали.* – Как и шаманов, богатырей выращивают в гнезде или в железной колыбели (ср. примеч. 230). В богатырское гнездо укладывают как богатырей айыы, так и богатырей абаасы.

²⁵² *Главный из пожирающих смертей.* – Причиной смерти человека считалось пожирание его души злыми духами.

²⁵³ *Проход Тимир-Чангкый* (Железный Чангкый). – Название ущелья, ведущего в Нижний мир.

²⁵⁴ *Табык-лошадь* (от монг. *табих* – жертва). – Представляет собой высушенное чучело жертвенной лошади. Полностью приводим единственное известное в литературе описание, взятое из «Словаря якутского языка» Э.К. Пекарского (записано им со слов С.А. Новгородова): «Сделав чучело из кожи лошади пегой масти, просили девять (или семь) шаманов отправить духам в качестве жертвы, затем высушивали кожу и били по ней – получались громкие звуки, раскатывавшиеся по вершинам деревьев (чучело устанавливали на возвышенном месте, на кургане, на выступе горы; говорят, что если кто-нибудь из потомков человека, распорядившегося установить табык, должен умереть, то тогда чучело издавало звук)» (т. 3, стб. 2513). В олонхо встречается и вихрь-табык – шаманский вихрь, издающий оглушительный хлопающий звук (см. примеч. 176).

²⁵⁵ *Превратила в брызги месяца, в божий туман истолкла.* – Образное выражение, часто употребляемое в фольклоре.

²⁵⁶ *Лавка-кэтэгэриин* – передняя лавка на женской половине юрты, расположенная против очага.

²⁵⁷ *Орой Буурай.* – Одно из имен божества грома, так же как и упоминаемые ниже имена: Сююлэ Хаан и Хаан Дьяасын (см. примеч. 166, 244).

²⁵⁸ *Давно сданный [богине] Иэйэхсит.* – Хозяином и покровителем рогатого скота считается доброе божество Мангхалыын Тойон. Но здесь скот сдается на хранение богине Иэйэхсит (см. примеч. 159), как покровительнице людей, охранительнице их благополучия.

²⁵⁹ *Соединилось богатство двух Сибирей.* – Т.е. страны Кулун Куллустуура и страны Кюн Толомон Нюргустай.

²⁶⁰ *Локуора-трава* – пырей ползучий, канареечник (см. также примеч. 145).

²⁶¹ *Впусти его на левую половину дома.* – Раньше якуты забивали скот в юрте, около входной двери, ближе к хотону, т.е. хлеву (см. примеч. 45), называемому «левой», «темной» стороной юрты.

²⁶² *Заколи, выдерни становую жилу.* – Ритуальный способ убоя скота. Скотине связывали ноги, затем, повалив ее на спину, разрезали грудную полость и выдергивали сердце с артериями и становой жилой.

²⁶³ *Сними шкуру, ее не разрезая... мясо отдели от костей и суставов, не переламывая их...* – У жертвенного жеребенка кости и суставы не ломают и сухожилий не перерезают, чтобы он смог отправиться к Ийэйхсит.

²⁶⁴ Если есть запертые замки-отомкни их, если есть завязанные веревки – развяжи их. – *Магические приемы, применявшиеся для облегчения родов.* -

²⁶⁵ *Прошла с левой стороны от чувала.* – Женщинам запрещалось проходить перед чувалом (ср. примеч. 48).

²⁶⁶ *Проводы Айыысыт.* – Особый обряд при родах. По поверьям древних якутов, Айыысыт в продолжение трех дней находится в доме роженицы. В это время обитатели дома, чтобы не спугнуть ее, старались вести себя тихо. На третий день после родов сено, некотором лежала женщина, вместе с кольями уносили далеко в лес и оставляли в развилке растущего дерева. Затем около шестка чувала на земляном полу юрты вырывали ямку, над ней устраивали из лучинок маленькую урасу. Если новорожденный был мальчиком, возле урасы втыкали маленькое изображение столба и к нему привязывали изображение лошади, лука или лыж, вырезанных из бересты; рядом ставили такие же изображения лося и дикого оленя. Если рождалась девочка, клали вырезанные из бересты ножницы и настоящую иголку с ниткой. Затем из юрты выгоняли всех мужчин, а оставшиеся женщины вместе с роженицей усаживались на пол вокруг урасы. Одна из женщин (обязательно уже рожавшая ранее) наливала в огонь топленого масла, обращаясь к Айыысыт с просьбой не лишать новорожденного своего благословения и впредь не забывать роженицу своим посещением. После этого, если новорожденный был мальчиком, одна из девушек пускала стрелу из маленького лучка в изображение лося. Присутствующие мазали себе лица и волосы топленным маслом и начинали громко смеяться. Считалось, что женщины, которые смеялись больше остальных, заслужили благословение богини и вскоре должны были стать беременными. Когда огонь чувала начинал гаснуть, урасу и все изображения из бересты, а также иголку вместе с последом роженицы закапывали в ямку. После этого впускали в юрту мужчин и устраивали угощение.

²⁶⁷ *...После второго дневного удою.* – Летом время движения дня у якутов отмечалось по удою коров, который производился четыре раза, примерно в следующие часы: утренний удою – в 6-7 часов утра, полдневный удою – в 12-1 час дня, дневной удою – в 4-5 часов вечера и вечерний удою – в 7-8 часов вечера. Зимой коров доили только два раза в день – утром и вечером.

²⁶⁸ *Очугур-Чуогур* – крылатый конь Кюн Толомон Нюргустай, на которого герой садится, чтобы догнать деву абаасы, похитившую ребенка.

²⁶⁹ *...Третьи сутки к концу подошли.* – Со времени рождения ребенка прошло три дня и подошло время проводов Айыысыт (см. примеч. 266).

²⁷⁰ *Верша* – рыболовная снасть.

²⁷¹ *Как взвешивают безменом масло.* – Безмен: 1) мера веса, равная одному килограмму, служила единицей измерения масла, жидкости, а также всего сыпучего;

2) специальная берестяная посуда в форме перевернутого усеченного конуса, вмещающая примерно килограмм масла и служившая единицей измерения. В данном случае употребляется во втором значении.

²⁷² *...Состарившегося, познавшего женщину.* – По олонхо, богатыри, познавшие женщину, становятся слабее.

²⁷³ *Доставшийся мне, когда родился я на земле.* – Считалось, что предопределение своей будущей судьбы ребенок получает тогда, когда он в момент рождения падает на сено, разостланное на земляном полу (см. также примеч. 146).

²⁷⁴ *Ограда-заплат.* – Для боя богатырей в олонхо существует специальное огороженное место. Оно может быть или около дома богатыря, или где-то в отдалении.

²⁷⁶ *Мотая рогами, бык искрошил [коня] в месиво.* – В олонхо перед боем богатырей часто происходит бой их коней (иногда хозяйского быка с конем прибывшего богатыря, как в данном случае).

²⁷⁶ *Имею [я] страну на самой вершине девятого неба...* – Шаманские призывания обычно включали описание места, откуда шаман был родом, а также его родословную. Поэтому Кюн Толомон Нюргустай рассказывает о месте своего рождения на небе, живет же она в Среднем мире, замужем за богатырем Кулун Куллустууром.

²⁷⁷ *Чаша-кытах* – большая деревянная чаша, вмещала около 30-40 фунтов топленого масла и молочных продуктов. Выдалбливалась, а затем вытачивалась целиком из дерева (сосны или березы).

²⁷⁸ *Материнский род.* – В благопожелании абаасы отражены древние отношения, когда род представлял кровнородственное объединение.

²⁷⁹ *Вершина благословения – жир, проклятия – кровь,* – *Смысл фразы: благословение приносит счастье, проклятие – несчастье.*

²⁸⁰ *...Девять белых быков с черно-белыми мордами.* – По представлениям древних якутов, божества и духи владели скотом одной определенной масти. Поэтому при жертвоприношениях им скота следовало выбирать соответствующую масть. В данном случае подбирается скот, масть которого соответствует скоту духов-хозяев местности.

²⁸¹ *Хоринских коней.* – Э.К. Пекарский предполагает, что это – кони «чисто-белой шерсти» (Словарь якутского языка. Т. 3, стб. 3505). Но здесь духи требуют украшений из волос не просто белых лошадей, а особых, возможно священных из мифической страны Хоро (см. примеч. 106).

²⁸² *Развесь подарки.* – Здесь описывается распространенный вид бескровного жертвоприношения: на пестрый шнурок *салама* (алт. *алама*, бур. *залама*), скрученный из белых и черных конских волос, привязывали пучки волос конской гривы, тряпицы, перья птиц и т. п.

²⁸³ *Превратилась в черно-бурого быка.* – Речь идет о *ийэ-кыыл* – мать-зверь шаманки (см. примеч. 100, 234).

²⁸⁴ *Но грозного вида, с устрашающим лицом человек.* – Обычно такими изображаются богатыри абаасы, но в данном контексте речь идет о богатыре айгы, и этим сказитель хочет подчеркнуть мысль, что Босхонголлой Мюльгюн – богатырь, рожденный для борьбы, для поединков с врагами (ср. примеч. 141).

²⁸⁵ *Арангас* – сооружение на столбах для хранения запасов пищи и одежды: почетное возвышение.

²⁸⁶ *Роня слезы величиною с оконный лед.* – Зимой в юртах в окна вставлялись толстые пласты льда, хорошо сохранявшие тепло.

²⁸⁷ *Восемь поклонов – двум твоим раскоряченным стопам, девять поклонов – трем твоим изогнувшимся теням!* – Человек абаасы на свой лад переиначивает

эпическое приветствие: «Припадаю к двум ногам твоим, преклоняюсь перед тремя тенями твоими».

²⁸⁸ Как по снегу прошелся... как по росе пробежал. – *Т.е. все вытоптал, разрушил.*

²⁸⁹ *Не грелся теплом домашнего очага, не вкушал чистой, благодатной пищи.* – В олонхо особо сильным героям до конца всех подвигов не положено ночевать дома и нормально питаться, им следует соблюдать во всем воздержание, иначе исполины могут разнежиться, ослабеть.

²⁹⁰ *Привязали... [коней] на девять суток...* – Якуты перед длительной поездкой взятых из табуна коней привязывали на несколько суток и почти не кормили, чтобы они спустили лишний жир. Если этого не сделать, лошади не выдерживают длительных нагузок, по местному выражению – «запаляются».

²⁹¹ *Мчались они... разрезая их от головы до зада.* – Гиперболическая формула, показывающая удаль молодых богатырей.

²⁹² *Из улуса золотых сережек.* – Одно из названий солнечного племени айыы.

²⁹³ *Вейся, пока выдержат зубы и копыта твои.* – Иносказательная формула – пожелание упорства в борьбе.

²⁹⁴ *Принес мне удачу молодой конь мой.* – Богатырь радуется победе своего коня, видя в этом доброе предзнаменование (см. примеч. 275).

²⁹⁵ *Род раздоров.* – Так называют абаасы, считая их виновниками всех бед и разрушений.

²⁹⁶ *...Тунгусский шаман Ардьамаан-Дьярдьамаан.* – Эпизодический персонаж многих олонхо. В отличие от абаасы этот богатырь изображается стариком в дохе, который ходит на лыжах или ездит на олене. Здесь он – противник героев; в других олонхо выступает как положительный персонаж, помощник и советник героя.

²⁹⁷ *Железное дуб-дерево с девятью ветвями,* – *Священное дерево абаасы.*

²⁹⁸ *Чычылгымын! Тарып-тарып! Чы-ып, ча-ап!* – подражание щебетанию птички (см. примеч. 56), «тырып-тарып» – звуковая передача быстрого трепетания крыльев птички при полете.

²⁹⁹ *Шаман, имеющий окна и дымоход.* – Это выражение можно понять, если привлечь долганский материал. У долганов были шаманы, которых называли «шаман – окно земли», т.е. самый великий шаман, который знает все, что происходит на земле, который видит все как бы через окно. Очевидно, и здесь предполагается, что шаман верхней страны настолько велик и всеведущ, что через окна и дымоходы своего дома видит все, что происходит в трех мирах.

³⁰⁰ *Иэйэхсит – рано просыпающихся людей, Айыысыт – поздно [лежащих] людей.* – В данном случае Иэйэхсит и Айыысыт (см. примеч. 160) употребляются не как имена богинь, а в смысле «покровитель», «охранитель» спящих людей, каковым является старик Айыысыттай.

³⁰¹ *Железное жертвенное дерево о пяти ветвях.* – Имеется в виду дерево для жертвоприношения *кэрэх* (см. примеч. 78 и 254).

³⁰² *Дор-дор* – звукоподражательное слово.

³⁰³ *Свое дыхание дороже чужого дыхания.* – Т.е. своя жизнь дороже чужой; соответствует русскому выражению «Своя рубашка ближе к телу».

³⁰⁴ *Упершись [ногой] в точеные из камня четыре копыта свои, вышибла их.* – Буквальный перевод идиомы, представляющей вариант другой, более распространенной: «он возник, опершись на копыта отца и вышибив их», т.е. он весь в отца и следует во всем ему. В данном случае означает: бабушка-шаманка сделала внучку похожей на себя – шаманкой.

³⁰⁵ *С неразрываемой белой становой жилой.* – Так говорят о человеке, подчеркивая его большую жизненную стойкость.

³⁰⁶ *Таймень-рыба.* – Один из основных духов-помощников шамана при камланиях в Нижний мир.

³⁰⁷ *Лунха-рыба.* – Значение слова позабыто. Из сравнения с монгольским *лу* можно предположить, что это, вероятно, дракон, рыба-дракон.

³⁰⁸ *...Высыпались красные черви.* – В виде червей выходят козни и злые чары шаманки.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Иванов В.Н.</i> Предисловие.....	3
Текст.....	5
Примечания.....	255

ДЛЯ ЗАМЕТОК

СТРОПТИВЫЙ КУЛУН КУЛЛУСТУУР

Олонхо

Печатается в авторской редакции
Компьютерный набор *А.С. Товарова*
Компьютерная верстка *Л.М. Винокурова*

Подписано в печать 18.08.2014. Формат 70x90/16.
Печать цифровая. Печ. л. 20,47. Уч.-изд. л. 25,58. Тираж 300 экз. Заказ №237.

Издательский дом Северо-Восточного федерального университета,
677891, г. Якутск, ул. Петровского, 5.

Отпечатано в типографии ИД СВФУ